

П. А. Дружинин

НЕИЗВЕСТНЫЕ
ПИСЬМА
РУССКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

КНЯЗЮ
АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ КУРАКИНУ
(1752–1818)

МОСКВА
«ТРУТЕНЬ»
2002

Оформление и художественная редакция
П.А. Дружинина

Предисловие.

В предлагаемой книге мы печатаем сто тридцать одно письмо русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752—1818), подлинники которых сохраняются в княжеском архиве; все они публикуются впервые и представляют значительный историко-литературный интерес. Письма эти представлены в двадцати двух разделах, каждый из которых посвящен отдельному писателю — И. И. Богдановичу, Г. Р. Державину, Д. И. Фонвизину, М. М. Хераскову и другим. В границах каждого раздела письма размещены в хронологическом порядке. Ответные письма самого князя, если они имеются среди его бумаг, публикуются по отпускам и помещены между письмами согласно хронологии. В качестве приложений отдельными разделами являются семь неизвестных ранее произведений русских поэтов, рукописи которых находились между бумагами князя.

Кроме публикации писем и стихотворений мы включили в настоящее издание еще три текста. Первый — это биография князя А. Б. Куракина. Второй, помещенный вслед за биографией князя, посвящен судьбе княже-куракинского архива. Третий наш текст, озаглавленный «Князь А. Б. Куракин — переводчик Фонвизина», первоначально предполагалось уместить во введении к разделу с письмами Д. И. Фонвизина, но в виду значительного объема мы решили напечатать его отдельно после приложений. В конце книги мы печата-

ме составленную нами роспись переписки князя А. Б. Куракина, хранящейся в ОПИ ГИМ.

Теперь коснемся археографических принципов издания: письма печатаются по подлинникам, хранящимся среди бумаг князя, архивная локализация оговаривается в примечаниях. Орфография и пунктуация рукописей сохраняется, кроме нескольких особо оговоренных случаев, когда мы вынуждены были приводить пунктуацию некоторых писем к удобочитаемой; также мы по необходимости заменяли строчную букву на прописную, если речь идет о написанных со строчной именах, фамилиях, топонимах и гидронимах. Буквы старой орфографии переменены на современные. Если письмо написано на французском языке, то публикуется и оригинальный текст, и перевод. В угловых скобках раскрыты допущенные авторами сокращения, или же помещены необходимые примечания (они помечены П. Д.); так же восклицательным знаком в угловых скобках мы помечаем слова, написанные авторами с явными ошибками. Примечания помещены вслед за каждым письмом, поскольку это кажется нам наиболее удобным для читателя. Не стоит думать, что среди куракинских бумаг более не осталось неизданных писем писателей; часть их мы сознательно не публикуем в этой книге — например, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, князя П. Б. Козловского, О. П. Козодавлева, Н. Н. Бантыша-Каменского и других. О причинах этого распространяться не считаем нужным.

За помощь в написании этой книги спешу выразить чувствительную благодарность А. Л. Соболеву, взявшему на себя работу редактора, Е. В. Дружининой, Т. А. Лаптевой, а также всем сотрудникам ОПИ ГИМ, долгое время терпевшим автора этих строк.

Иван Иванович
Богаевский

Иван Иванович Богаевский (1750 — после 1801) сперва учился в Академической гимназии (с 1765), после чего остался при Академии наук. Служа там в Ведомостной экспедиции и зарекомендовав себя добросовестным чиновником (в 1778 году он получил чин титулярного советника), он с целью дополнительного заработка занимался переводами, по количеству которых оказался весьма плодовитым¹. Публикуемое письмо является единственным свидетельством каких-либо отношений между князем Александром Борисовичем Куракиным и известным переводчиком. Для полноты сведений мы поместили здесь же приложения, препровожденные автором письма к князю.

¹ Вот перечень переводов И. И. Богаевского: Контан д'Орвиль. Судьба человеческая или Повесть о приключениях кавлера Дампьера. Ч. 1—2. Спб, 1768 (СК, II, 3112); Препровождение праздного времени в собрании шуточных повестей. Спб, 1769 (СК, II, 5640); Койе Г. Ф. Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского. Ч. 1—2. Спб, 1770—1773 (СК, II, 3017); Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния. Ч. 1—4.

СПб, 1772–1778 (СК, III, 8742); Пфейль И. Г. Б. Похождения дикого американца. СПб, 1773 (СК, II, 5773) и то же вторым изданием М, 1779 (СК, II, 5773); Георги И. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов... Ч. 1–3. СПб., 1776–1777 (СК, I, 1374); Лексель А. И. Исследования о новой планете, открытой г. Гершелем и нареченной Георгиевою звездою... СПб, 1783. (СК, II, 3579). Также Богаевский является переводчиком отдельных статей, помещенных в Академических известиях, месяцесловах и Санктпетербургских ведомостях. Им же переводилось множество русских статей и заметок для немецкого издания Ведомостей.

[1]. 22 августа 1781 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь.

Претерпевая безвинно притеснения от учрежденной при Императорской Академии наук комиссии² приемлю смелость прибегнуть под покров правосудия Вашего Сиятельства и предложить вам вкратце обстоятельства службы моей при Академии.

Возвращаясь из чужих краев в 1765 году, где обучался я на иждивении отца моего³, имел я щастие быть рекомендован Его Сиятельству Графу Никите Ивановичу Панину⁴ от находящегося при Прусском дворе Российского министра, Его Сиятельства Князя Владимира Сергеевича Долгорукова⁵.

К определению в Академию для продолжения наук рекомендован я от Его Сиятельства Графа Никиты Ивановича Панина.

Службу мою продолжал я при Академии с 1765 до 1776 года без всякого производства и на весьма малом жалованье.

В 1776 году нынешний Академии наук г. директор⁶ вступил в Академию и увидев переведенную мною книгу Юстия основания силы и благосостояния царств, которая составляет около 400 печатных листов⁷, принял меня за трудолюбие и успехи мои в переводах под свое покровительство и от времени до времени

удостоверяясь более о моих способностях, представлял обо мне Правительствующему Сенату к производству.

Г<осподин> директор по приведении в порядок Императорской Кунсткамеры и Библиотеки, которых снабдил он разными монументами в прославление мудрости покровительствующей Академии великой Екатерины, и по возстановлении порядка в Географическом, и гравировальном департаментах, так же и в глобусной башне, бывшей в наивеличайшем неустройстве обратил попечение свое на типографию, в которой дела по причине помещения ее в разных отдаленных между собою местах имели тихое течение, и препоруча мне привести ее в лучшее состояние, вскоре увидел желанной в том успех к чести Академии и к приращению казенного интереса.

Потом г<осподин> Директор стараясь пресечь и в книжной лавке безмерно всякое неустройство и запущение щетов, препоручил сперва г<осподину> Академику и Комиссии члену Котельникову⁸ возстановить в сем департаменте порядок: но не увидя по прошествии целого года никакого в том успеха, и при том узнав некоторыя препятствовавшия тому обстоятельства, препоручил мне же возстановить в книжной лавке порядок, которой я сколько можно было при первом случае и возстановил. Для удобнейшего же разположения книг и ландкарт на будущия времена, и для предохранения их, от повреждения, представлял я г. директору письменно о переводе книжной лавки в другое место, с приложением щета от архитектора, по которому сие перемещение обошлось бы не дороже как 200 или 300 рублей. Г. директор был на предложение мое согласен и предписал по оному исполнить. Но Комиссия враждуя противу всех к пользе и славе Академии служащих распоряжений г<осподина> директора, и почитая, что сие перемещение не знаю по какому щету станет в несколько тысяч рублей, отменила повеление г<осподина> Директора и наистрожайше подтвердила чтобы онаго не исполнять⁹.

Сверх всего вышеписанного способствовал я, для приращення интереса казенного, к разпространению продажи академических книг сочинением на оныя рецензий; приготовил для книжной лавки с немалым трудом новой каталог¹⁰, хотя сие до должности моей и не касалось; споспешествовал печатанию необходимо нужных для публики книг, а особливо учебных, и правоучительных; пресек неправильной платеж заработанных денег типографским служителям, от чего чрез многия годы экономическая при Академии казна претерпевала немалой ущерб; снабдил типографию в короткое время разными литерами, коими они до меня недостаточны были, и вообще содержал типографию в чистом порядке, что когда от Его Сиятельства господина Генерал-прокурора и Кавалера¹¹ дано было мне повеление приготовиться к печатанию устава для Российских мореходцов¹², то оный старанием моим оканчивался набором прежде, нежели в Комиссии зделано было о том определение.

О протчих же трудах моих, как то издаванию Академического журнала, Немецких ведомостей¹³, календарей и разных переводов предоставляю я судить г<осподину> директору.

Все таковые мои в трудах успехи приобрели мне благоволение г<осподина> директора и негодование комиссии, которая ныне в отсутствие г<осподина> директора¹⁴ возросло до того, что комиссия отрешила меня без ведома г<осподина> директора от всех препорученных мне директором департаментов, как усмотрите Ваше Сиятельство из приложенной при сем копии с комиссией резолюции, не взирая на данные прежде г<осподином> директором Комиссии ордера, коих копии при сем прилагаю. Я не знаю за собою ни не порядков, ни же самовластия: ибо я распорядился и поступал по приказаниям г<осподина> директора а не сам собою. При том же все безпристрастные судии дел моих обще с г<осподином> директором могут засвиде-

тельствовать, что все мои предложения клонились к сущей пользе Академии, а не ко вреду.

Но ежели вся моя правота и все мое рвение к пользе Академии затмеваемы будут какими нибудь представлениями со стороны комиссии; то всепреданнейше прошу Вашего Сиятельства не лишить меня правосудного вашего покровительства, дабы я мог принести пред вышним Правительством мое оправдание по возвращении г. директора так как моего шефа и повелителя во всех делах, кои мною не во вред но в пользу и честь Академии производимы были.

Впротчем ежели бы случилось, чтобы г<осподин> директор после всех своих трудов кои клонились единственно к возстановлению чести Академии в ученом свете и к прославлению в Отечестве, по каким либо обстоятельствам принужден был Академию оставить, и ежели бы притеснения Комиссии принудили меня удалиться от Академии; то приобретенныя мною знания, трудолюбие и рвение к рачительной и безпорочной службе, подают мне надежду, что я везде могу сыскать себе праводных¹⁵ покровителей, препоруча себя милостям Вашего Сиятельства, которыя заслуживать в главный долг себе вменю, и в несомненном уповании на оныя имею честь именоваться

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и всепреданнейший слуга
Иван Богаевской
Августа 22 дня
1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 342–344. Автограф.

Проблемы, описываемые Богаевским в письме князю, возникли у переводчика исключительно из-за того, что он пользовался особым расположени-

ем Домашнева: с приходом нового директора Богаевский приобретал в Академии все больший вес. С начала 1780 года до июля 1781 он был редактором Академических известий (вместо отъехавшего к родным И. Ф. Богдановича). В 1779 году Домашнев сделал его заведующим Ведомостной экспедицией, в 1781 — 17 марта — управляющим академической типографией и книжной лавкой, а с 14 июля поручил надзор над всеми письменными делами Академической канцелярии. Дополнительно Домашнев, распоряжаясь выплатой гонораров за переводы, выполненные для Собрания старающегося о переводе иностранных книг, выплачивал Богаевскому неоправданно высокие гонорары. В дополнение ко всему в 1780 году, по представлению Домашнева, Сенат пожаловал ему чин коллежского асессора, дающий право на потомственное дворянство.

При общем отрицательном отношении к Домашневу со стороны академиков, таковое же отношение распространилось и на его верного подчиненного, который к тому же вступил в борьбу с Академической комиссией. В результате академики добились смещения Богаевского (см. прилагаемый самим Богаевским документ), а 17 ноября 1781 года приняли решение навсегда исключить его из академической службы. Тем не менее, 1 декабря Домашнев назначил его редактором Санктпетербургских ведомостей вместо И. Ф. Богдановича, что он и исполнял до 1791 года.

Как кажется, написать это письмо И. И. Богаевский мог только с подачи И. Ф. Богдановича, состоявшего в переписке с князем Куракиным и пользовавшимся его покровительством. Кроме того, князь Куракин мог и не знать о конфликте академиков с С. Г. Домашневым (до получения в декабре месяце обширного письма самого Домашнева, которое мы поместили в примечаниях к его письмам к князю) и, соответственно, еще не имел своей точки зрения.

² Речь идет о Комиссии «для разобранья и приведения в лучшее состояние всех академических департаментов», созданной согласно указа ее императорского величества от 30 октября 1766 года. По определению Канцелярии Академии наук, оглашенному 31 октября того же года, в состав комиссии вошли Я. Штелин, Л. Эйлер, И. А. Эйлер, С. К. Котельников, И. Г. Леман и С. Я. Румовский. Руководство комиссией возложено на тогдашнего директора Академии наук графа В. Г. Орлова (см.: *Летопись РАН*. С. 541). В бытность Домашнева директором Академии, в эту комиссию входили академики Я. Я. Штелин, С. Я. Румовский и С. К. Котельников. Непростые взаимоотношения Комиссии с С. Г. Домашневым подробно рассмотрены К. С. Веселовским (см.: Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым // *Русская старина*. СПб, 1896, № 9, сентябрь. С. 457–492); стоит сказать, что статья

Веселовского довольно тенденциозна и автор изначально настраивает читателя против Домашнева, пытавшегося в Академии ввести казенные порядки. Приведенное письмо Богаевского и приложенное в соответствующем разделе письмо самого Домашнева дают нам права усомниться в однозначности трактовки ситуации в Академии.

³ Отец автора — Иван Богаевский — был полковым священником и служил в годы Семилетней войны «при главной армии».

⁴ Граф Никита Иванович Панин (1718–1783) — первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, действительный тайный советник. Здесь несомненно, что Богаевский умышленно ссылается на Панина, зная о близости его к князем Куракиным. Тем более, что большее участие в судьбе Богаевского принял его брат, граф Петр Иванович Панин, которому Богаевский посвятил перевод книги Койе «Описание жизни Иоанна Собеского».

⁵ Князь Владимир Сергеевич Долгоруков (1717–1803). Действительный тайный советник, русский чрезвычайный посланник в Пруссии в 1778–1786 годах.

⁶ Сергей Герасимович Домашнев (1743–1795), поэт, назначенный директором Академии Наук исключительно посредством покровительства Орловых. Что касается даты вступления Домашнева в должность, то Богаевский ошибается, поскольку еще 22 июля 1775 года состоялось экстраординарное заседание Академии, где было зачитано письмо Домашнева о назначении его директором Академии Наук, а 14 августа того же 1775 года на публичном заседании был зачитан императорский указ о назначении Домашнева (См.: *Летопись РАН*. С. 627). А 11 декабря 1775 года Домашнев уже окончательно занял место директора и произнес в публичном собрании Академии вступительную речь (*Там же*. С. 629).

⁷ Речь ведется о книге Иоганна Генриха Готлоба Юсти (Justi; 1720–1771) «Основание силы и благосостояния царств, или Подробное начертание всех знаний касающихся до государственного благочиния. Сочинил И. Г. Г. Юстий, а с немецкого на российский язык перевел Иван Богаевский» (Ч. 1 — 4. Спб., при Императорской Академии Наук, 1772–1778. 4о). (Описание см.: *СК, III, с. 453–454, № 8742*). За перевод этой книги Богаевскому было заплачено 2 507 рублей (см.: Семенников В. П. Собрание старающегося о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1873. Спб, 1913. С. 41). Перевод Юстия является наиболее значительным из всех трудов Богаевского на этом поприще.

⁸ Семен (Симеон) Кириллович Котельников (1723–1806) — адъюнкт по математике в Академии Наук (с 1751 года), с 1756 года — экстраорди-

нарный профессор высшей математики, с 1760 по 1797 — ординарный профессор, с 1797 года — почетный член Академии Наук. Когда Богаевский учился в академической гимназии, Котельников занимал должность ее инспектора.

Домашнев, исполняя должность директора Академии, Котельникова не жаловал, но уже совсем явно это стало 8 апреля 1782 года, когда директор приказал передать от С. К. Котельникова к П. С. Палласу руководство Кабинетом естественной истории и редкостей. Конференция Академии не согласилась, решив что «подобный авторитарный акт перевернул бы всю систему академических обязанностей, и каждый академик в будущем стал бы опасаться подобной немилости, если бы только от начальника зависело отнять у него должность». (См.: *Летопись РАН*. С. 688). Противостояние все продолжалось, а 22 августа академики на собрании решили «настаивать, чтобы заведывание Кабинетом естественной истории продолжал С. К. Котельников» (*Там же*. С. 693). Только с назначением императорским указом от 27 января 1783 года Е. Р. Дашковой во главе Академии на место Домашнева этот конфликт разрешился сам собою.

⁹ Ужасающую обстановку, царившую во время противоборства с Домашневым в Академии наук, прекрасно иллюстрирует французское письмо самого Домашнева к князю Куракину, перевод которого мы поместили в примечаниях к письмам Домашнева в настоящем издании.

¹⁰ Единственный сколько-нибудь объемный каталог изданий академической типографии, вышедший в период директорства Домашнева был напечатан в 1778 году: Роспись российским книгам и портретам, которые при императорской Академии наук в Санкт-Петербурге напечатаны и в книжной лавке при оной же Академии без переплету продаются. [Спб. Типография Академии наук], 1778.— 24 с. 8о. Хотя, возможно, речь идет о каком-то большом рукописном каталоге.

¹¹ Князя Александра Алексеевича Вяземского (1727—1793), с 1764 года генерал-прокурора правительствующего Сената.

¹² В 1778 и 1780 годах при императорской Академии Наук было напечатано два издания упоминаемой книги: 1) Книга Устав морской, о всем что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Напечатано повелением царского величества. Пятым тиснением. Спб, 1778; 2) То же. Шестым тиснением. Спб, 1780. Эти книги представляют собой переиздания «Устава морского», написанного под руководством Петра I в 1715—1720 годах и впервые изданного в Петербурге в 1720 году. Устав был составлен на основе опыта Северной вой-

ны и просуществовал без существенных изменений до 1853 года, за исключением 1797—1804 годов, когда действовал «Устав морской» Павла I.

¹³ Речь идет о газете «St. Peterburgische Zeitung» — немецком варианте Санктпетербургских ведомостей, выходившей параллельно с русским.

¹⁴ В конце мая 1781 года императрица дозволила Домашневу поехать в Херсон. Он выехал на первой неделе июня и собирался вернуться к концу сентября месяца, но возвратился только в ноябре и присутствовал на заседании 22 ноября (см.: *Летопись РАН*. С. 680, 684). Именно время его отсутствия было с успехом использовано академиками.

¹⁶ Так в оригинале.

Приложение I.¹

Копия.

Ордер Комиссии Академии Наук.

По дошедшим до меня рапортам усмотрел я, что некоторые чины при Академии поступают несходственно с высочайше данным Академии регламентом; то по силе 33 артикула онаго, предписывающего мне хранить и наблюдать учрежденной при Академии порядок с крайнею строгостию, напечатать онаго регламента потребное число экземпляров, и раздать кому следует; также наблюдать, чтоб данные от меня учреждения исполняемы были во всей точности по силе 11, 44 и 64 пунктов того же регламента. Комиссии же не дается права вновь вводить ничего, но исполнять учрежденное, и в случаях требующих какого новаго учреждения, относиться к общему собранию, что наблюдать наистрожайше. Комиссии приказывается: ибо по силе высочайше данного правителю Академии 1766 года указа образ управления устроить ему предоставлено.

Сергей Домашнев

Июля 8 дня
1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 345. Автограф И. Богаевского.

Приложение II.¹

Копия.

Выписка из журнала Комиссии Академии наук, июля 30 дня 1781 года.

Хотя г. Ассессор Богаевской по воле Его превосходительства, Академии наук господина директора Сергея Герасимовича Домашнева, и учрежден главным смотрителем над книжною лавкою, також над книжною и портретною типографиями: но в разсуждении не долженствующих ему г. Богаевскому в казенных делах производить собою беспорядки и самовластие с ущербом интереса Ея Императорскаго Величества, от всех дел тех трех департаментов, то есть от книжной лавки, книжной и портретной типографий сего времени его отрешить, и более ему до оных ни какого дела не иметь, кроме обыкновенных своих дел по переводческой должности.

Подлинной за подписанием господ Комисских присутствующих.

Секретарь Василей Басов.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 345об. Автограф И. Богаевского.

Ипполит Федорович
Богданович

Ишполит Федорович Богданович (1743(1744)—1803) был тесно связан сперва с братьями графами Паниными — 26 мая 1763 года он был определен в Военную коллегию в штат графа Петра Ивановича переводчиком, а через год, 30 апреля 1764 года, он был определен на ту же должность к графу Никите Ивановичу в Коллегию иностранных дел. Через графа Никиту Ивановича Богданович получил благорасположение Павла Петровича, который стал покровительствовать поэту. К этому же времени относится знакомство Богдановича с князем Александром Борисовичем. Однако время наиболее интенсивного общения Богдановича с нашим князем относится уже к середине

— второй половине 1770-х годов, когда князь возвратился из европейских вояжей.

По своей любви прекрасно выглядеть князь Александр Борисович очень импонировал Богдановичу, который тоже, в свою очередь, любил щеголять в дорогом кафтане на французский манер и бывать в петербургском великосветском обществе. Своими сочинениями и способностями, а также связью с малым двором и принадлежащими к нему вельможам, поэт приобрел многих покровителей, в числе коих оказался и князь Куракин.

Переписка с князем временами была довольно оживленной, по крайней мере, сам князь Куракин в описи писем к нему разных особ указывает десять писем за 1777 и два за 1779 год (АКК, VIII. С. 436, 438). Помимо этих упоминаний, уже увидели свет семь писем к князю, напечатанные в Архиве князя Ф. А. Куракина: от сентября 1776, французское (АКК, VIII. С. 250–251), от 26 сентября 1776, французское (Там же. С. 252), от 16 мая 1777, французское, с русскими стихами (АКК, IX. С. 350–351), от 29 мая 1777 (Там же. С. 356–357), от 2 июня 1777, с французскими стихами (Там же. С. 357–358), от 20 июня 1777, французское, с русскими и французскими стихами (Там же. С. 363–364) и от 27 июня 1777 (Там же. С. 364).

Здесь мы помещаем пятнадцать писем Богдановича за 1776–1802 годы. Столь значительное количество неизвестных писем поэта публикуется впервые и является значительным приращением к корпусу из двадцати пяти писем поэта, изданных в прежние годы. Кроме эпистолярной, в приложении к настоящему изданию мы поместили его неизвестное стихотворение, посланное князю при одном из писем.

[1]. 28 апреля 1776 года¹.

Милостивый Государь Князь Александра <!> Борисович.

Приговор в Сенате о моем произвождении, сказывают подписан всеми Сенаторами, однако, по тому што Князь Александр Алексеевич² не совсем соглашался произвести меня в Ассесоры, дело остановлено на несколько дней по моей прозьбе. Я был у

Князь Александра Алексеевича и просил Ево об милости: Он сказал посмотрю. Покорно прошу Ваше Сиятельство за благовременно словами или писмом принять труд уговорить Князь Александра Алексеевича; не сопротивлятьца моему повышению в Ассесоры, когда он уже согласны после двенатцати лет моего терпения³ дать мне чин Ассесорской; или по малой мере, когда Князь Александра Алексеевич не захочет сделать мне етой милости, упросить что б ето дело остановлено было до времени. Я есмь всегда с истинным к вам почтением и преданностию

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

усерднейший и покорнейший слуга

Ипполит Богданович

Середа.

<С.-Петербург, 28 апреля 1776 года.>

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 441 («Письма разных особ к А. Б. Куракину. Том 1, 1771 год»). Л. 112–112об. Автограф. Без даты. Фактически в томе собраны разные письма за 1771–1776 годы. На этом письме красным карандашом рукой В. Н. Смольянинова нанесена ошибочная дата: «1775». На л. 115об. — адрес рукой Богдановича: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князь Александр Борисовичу Куракину». Датируется по содержанию.

² Князь Александр Алексеевич Вяземский (1727–1793) — генерал-прокурор Сената, действительный тайный советник.

³ С 30 апреля 1764 года, когда Богданович был принят в Коллегию иностранных дел переводчиком, он не получал повышения по службе.

[2]. 7 мая 1776 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Произвождение мое в Сенате решилось так как я желал, и указ уже послан. Приношу Вашему Сиятельству мою за то благодарность, так как виновнику многих моих благополучий. Я ожидаю на

сих дней решения судьбы и моего Брата о котором я вас просил². Сенаторы согласились определить Ево в Красноярск; уповаю что Князь Александр Алексеевич³ не поспорит. Получа предстательством вашим столико милостей надлежало бы удержатца просить вас еще о себе; однако не полагая границ моей к вам преданности, я не полагаю их и в прозьбах к моему Благодетелю, зная что Ваше Сиятельство не устанете делать добро людям, которые ценят ево по мере чувств своих. Прозьба моя состоит в том что б выпросить у Графа Никиты Ивановича⁴ мне от Коллегии полное Ассесорское жалованье, хотя из министерской суммы я оставлен теперь на прежних трех стах рублях. Ваше Сиятельство легко можете судить нужно ли мне желать, в моем состоянии чина без жалованья по чину. Я крепко на вас надеюсь что вы не отречетесь довершить ваши ко мне милости; я же совершенно пребываю с истинным к вам почитанием и преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
нижайший и покорнейший слуга
Ипполит Богданович
Пятница.
<7 мая 1776, С.-Петербург>.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 441 («Письма разных особ к А. Б. Куракину. Том 1, 1771 год»). Л. 133–133об. Автограф. Без даты. Фактически в томе собраны разные письма за 1771–1776 годы. На этом письме красным карандашом рукой В. Н. Смольянинова нанесена ошибочная дата: «1775». На л. 138 об рукой Богдановича написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князь Александру Борисовичу Куракину в Сарском Селе».

Датируется по содержанию: письмо написано сразу после 5 мая 1776 года (среда), когда указом правительствующего Сентата Ипполит Богданович был произведен в коллежские асессоры.

² Имеется в виду Николай Федорович Богданович. Состоял в службе с 1754 года. Подробнее о нем см. прим. 2 к письму 10.

³ Вяземский.

⁴ Граф Никита Иванович Панин (1718–1783) — первоприсутствующий член Коллегии Иностранных дел.

[3]. 19 августа 1776 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Барисович.

Не имея счастья найти вас во Городе, я не могу остановить моего усердия поздравить Ваше Сиятельство с щастливым приездом, чертами произходящими от самой искренней моей к вам преданности. Между тем прилагаю к вам мой Журнал столико месяцев сколико без вас здесь в Свет вышло². Нет для меня приятнее случаев как доказывать вам всячески что я есмь с истинным и глубоким к вам почитанием

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
нижайший и покорнейший слуга
Ипполит Богданович
19 августа
1776.
в С<анкт> П<етербурге>.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 230. Автограф.

² Богданович имеет в виду издававшийся и редактировавшийся им в Петербурге журнал «Собрание разных сочинений и новостей, ежемесячное издание, содержащее в себе новые на российском языке сочинения и переводы; новые успехи в науках и художествах, новые для человеческого рода полезные изобретения, главные произшествия настоящего времени во всех частях света, особливо же в России, и протчие любопытные вещи, служащие к знанию, пользе и увеселению людей всякого состояния», всего вышло 4 номера в 1775 году (сентябрь-декабрь) и полный 1776 год (январь-декабрь). С февраля 1776 года журнал стал печататься в типографии Академии наук, куда перевелся на службу И. Ф. Богданович. Упоминаемый журнал являлся в то

время одним из самых интересных периодических изданий России. (Описание см.: СК, IV, № 241).

[4]. 2 мая 1777 года¹.

Je sais, mon Prince, que c'est beaucoup prétendre que de vous entretenir et vous amuser dignement par un commerce de lettres. Le choix même des matières devient court, lorsque je songe aux lumières de votre esprit et à l'insuffisance des miennes. Les nouvelles de la ville les plus intéressantes ne parviennent pas toujours dans le quartier où je demeure, encore moins dans ma retraite. Celles qui s'impriment dans les gazettes, il n'y a point de mérite à vous les présenter; il vaut mieux vous les envoyer. La lecture me fournit souvent des sujets à penser, mais vous êtes si familier avec les livres, que vous m'ôtez encore cette ressource. Il n'y a que la bonté de votre cœur qui supplie à tout. Souffrez donc, mon Prince, que je donne au moins le cours à mon penchant qui est de vous prouver mon respect et mon attachement autant que je peux. Je crois cependant trouver un sujet assez intéressant pour votre cœur avide de faire les heureux. Je ne crains pas de vous accabler par là, ma précaution vous ôterait un des plus beaux plaisirs que vous vous formez de constituer mon bien-être. Voilà comme je deviens intéressé: je veux tout tenir de vous et je veux encore que vous m'honoriez toujours de ces marques de bonté qui caractérisent votre belle âme; et tout ceci est fondé sur la vraie idée que j'ai de vos qualités bienfaisantes, qu'elles ne peuvent y trouver que de l'aliment pour être nourri. Si jamais je puis vous excéder, c'est en m'empressant de me rendre digne de vos bontés, ne fut-ce que par un simple dévouement de cœur qui s'exhale en expression au défaut des

faits, car c'est avec l'attachement le plus sincère et le plus respectueux que j'ai l'honneur d'être,

mon Prince,

votre très humble et
très obéissant serviteur
H. de Bogdanovicz

Сe 2 mai

1777

À S^{aint}P^{etersbourg}

Перевод:

Любезный князь,

Знаю, что самонадеянно полагать, будто письмами своими смогу вас должным образом позабавить. Самый выбор предметов затруднителен до крайности, как подумаешь об обширности познаний ваших и о скудости моих. Городские вести любопытнейшие в ту часть города, где обитаю, не всегда досягают, да и живу я уединенно. Вести же, кои в газетах являются, повторять — дело нехитрое; больше толку будет от посылки вам сих газет. Чтение нередко мыслям моим пищу доставляет, однако же для вас чтение есть дело столь обычное, что и сие средство вы у меня отымаете. Одна надежда на доброту вашего сердца. Дозвольте же, любезный князь, по крайней мере душу облегчить и высказать вам все почтение мое и привязанность. Впрочем, предмет сей, пожалуй, довольно увлекателен для сердца вашего, любящего благотворить. Не боюсь вас сим занимать, дабы удовольствия мне добро делать у вас не отнять. Вот как стал я корыстен: все от вас хочу иметь, да при том еще и те знаки доброты, кои прекрасной вашей души суть следствия, за честь почту воспринять; причиною же всему ваши свойства благодетельные, кои в благотворе-

нии пищу себе находят, а я им истинную цену знаю. Если когда-либо и наскучу вам, то тем лишь одним, что достойным стремлюсь соделаться ваших милостей, сердце же мое за неимением дел словами преданность свою изъявляет, ибо честь имею быть с искреннейшей преданностью и величайшим уважением,

любезный князь,

покорнейший и почтительнейший ваш слуга

И.Богданович

2 мая

1777,

Санкт-Петербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 218–219. Автограф. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

[5]. 9 мая 1777 года¹.

Mon Prince,

Puisque vous avez bien voulu, mon Prince, encourager ma main droite, je crois en faire le plus bel usage en me rappelant toujours a vos bontés. J'ose me flatter qu'au milieu de vos occupations champêtres la vôtre, accoutumée a souscrire le bonheur de ceux qui vous sont attachés, ne dédaignera pas, quand vous aurez un moment de loisir, de tracer quelques lignes nécessaires pour me tirer de l'abattement qui me ferait succomber, si je n'étais persuadé par l'intérêt que vous prenez a moi, que je n'espère en vain, mon Prince, vous faisant l'Arbitre de mon sort, et que vous ne pouvez qu'agrandir l'estime la plus respectueuse et l'attachement le plus sincère avec lequel j'ai l'honneur d'être,

mon Prince,

votre très humble et très obéissant serviteur

Hippolite de Bogdanovicz

Ce 9 mai

1777

A S^{aint}P^{etersbourg}

Перевод:

Любезный князь,

Угодно вам было ободрить правую мою руку, посему полагаю, что достойное ей найду применение, коли напомним о себе вашей милости. Лицу себя надеждой, что среди занятий деревенских ваша рука правая, коей подпись счастье составляет всех людей, вас окружающих, благоволит в минуты досуга начертать несколько строк, потребных, дабы меня от уныния уберечь, коему предался бы я вполне, не зная я, что вы участие во мне принимаете, а посему не вполне надеюсь, любезный Князь, что судьбу мою станете вы вершить и не принять не сможете уверения в величайшем уважении и искреннейшей преданности, с коими честь имею быть,

любезный князь,

покорнейший и почтительнейший ваш слуга

Ипполит Богданович

9 мая

1777,

Санкт-Петербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 220–220об. Автограф на французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

[6]. 30 июня 1778 года¹.

Mon Prince

L'on viens de m'annoncer, mon Prince, Votre avancement, ou plutot la justice rendre a Votre merite. Je m'en rejonis autant que je prends part sencirement a tout ce qui vous touche. Agrййs mon Prince, mes complimens de felicitations, aussi bien que l'estime respectueux avec le quel l'honneur d'etre

Mon Prince

de Votre Excellence

tres humble et tres obeissant serviteur

Hippolite de Bogdanovicz

Ce 30 Juin

1778.

Перевод:

Любезный князь!

Только что дошло до меня известие о Вашем по службе продвижении², что справедливой данью уважения к вашим заслугам является. Я присоединяюсь к поздравлениям так же, как я искренне разделяю все, что Вас касается. Примите благосклонно, князь, мои поздравления, равно как и почтительное уважение, с коим имею честь оставаться,

любезный князь,

вашего превосходительства

покорнейший и почтительнейший ваш слуга

Ипполит Богданович

30 июня

1778.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 448. Л. 237. Автограф. На французском языке.

² Речь идет о пожаловании князя Александра Борисовича Куракина действительным камергером (указ от 28 июня 1778 года).

[7]. 5 мая 1779 года¹.

Милостивый Государь.

Князь Александр Борисович.

Имею честь послать Вашему Сиятельству обещанную вторую Книгу Душиньки², только прошу вас по прочтении мне Ею возвратить, потому что я бруліон³ изодрал и другой у меня списанной не осталось; так же есть ли вам угодно и списать приказать можете. Прилагая здесь пакет к князь Гавриле Петровичу⁴, которой беру вольность просить вас ему доставить, есть ли вам угодно чрез самих вас, потому что тут вложены бумаги до логи надлежащие⁵. Есмь с глубочайшим почтением и преданностию

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

Нижайший и покорнейший слуга

Ипполит Богданович

5 мая

1779.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 47. Автограф.

² Поэма «Душинька» является, несомненно, самым замечательным произведением Богдановича, оказавшим значительное влияние на современников. Полное издание (книги 1–3) ее вышло в Москве в 1783 году (Душинька. Древняя повесть в вольных стихах. СПб. 1783), а первая книга издавалась в первоначальной редакции пятью годами ранее (Душинькины похождения, скаска в стихах. М. 1778).

Вторая книга поэмы повествует о перенесении Душеньки во дворец Амура и свадьбе Душеньки с ним; встречи их происходят только под покровом

ночи либо днем в темноте грота. Сестры уговаривают Душеньку зажечь ночью лампаду, чтобы рассмотреть амура и если он окажется чудовищем убить его. Душенька слушается, но амур при свете лампы оказывается прекрасен. Случайно на его бедро Душенька проливает каплю горячего масла и будит его. Амур покидает Душеньку.

Указание здесь на завершённую вторую книгу Душиньки чрезвычайно важно, поскольку, кроме датированных печатных изданий (первоначальной редкции первой книги и первого полного издания), никаких возможностей проследить хронологию написания поэмы не имелось. И таким образом можно скорректировать уже устоявшееся в среде исследователей мнение, что «работу над поэмой следует предположительно датировать 1775–1782 гг.». (Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. / Библиотека поэта. Большая серия, второе издание. Л, 1957. С. 225).

³ Т. е. черновик

⁴ Князь Гавриил Петрович Гагарин (1745–1808) — сенатор, действительный тайный советник, родственник графов Паниных.

⁵ Как известно, и князь Куракин, и князь Гагарин, кроме того что являлись близкими друзьями и дальними родственниками, были и выдающимися масонами.

Князь Куракин, будучи внучатым племянником убежденного масона графа Н. И. Панина, был посвящен им в масонство в возрасте 21 года. А в декабре 1776 года, во время поездки в Стокгольм для объявления шведскому королю о втором браке Павла Петровича, герцог Карл Зюдерманландский лично посвятил князя Куракина в тайны шведского обряда. Тогда же ему была выдана конституция (т. е. учредительная грамота) на основании в Петербурге главноуправляющей ложи шведской системы под названием «Капитул Феникса», прочие бумаги, а также множество масонских обрядовых атрибутов. (См.: Соколовская Т. Капитул Феникса. Высшее тайное масонское правление в России (1778–1822 гг.) Пг. [1916]. С. 2 — 5).

Граф Гавриил Петрович Гагарин был двоюродным племянником графов Паниных и тоже не избежал влияния масонства. Год вступления его в орден неизвестен, но в начале 1770-х годов его имя внесено И. П. Елагиным в списки кандидатов на т. н. высокие посвящения. А в 1776 году он был посвящен князем Куракиным в высокие степени шведской системы. Князь Куракин из своей поездки в Стокгольм привез «диплом князю Гавриилу Петровичу Гагарину на звание управляющего префекта капитула». Капитул Феникса, префектом которого был поставлен князь Г. П. Гагарин, был открыт с опозданием в феврале 1778 года. К весне 1779 года успехи шведской системы в России были столь

очевидны и одновременно столь несомненными были заслуги князя Гагарина, что герцог Карл Зюдерманландский утвердил его в звании обер-мейстера всех лож, работавших по шведской системе в России. По этому поводу 7 мая 1779 года верховными лицами шведского масонства был выписан князю Гагарину патент, а 25 мая в Петербурге под его председательством состоялось торжество открытия Великой Национальной ложи. Вскоре шведские ложи стали именоваться «гагаринскими» (см. там же. С. 5–7, 94–95).

Что же касается самого Ипполита Богдановича, то ранее было известно, что в 1774 году (состоя в службе в Коллегии иностранных дел) Богданович был обрядона начальником ложи «Девять муз» (СРП. Вып. I. С. 106). Поясним, что эта петербургская ложа (английской системы) была открыта в 1770 году Великим наместным мастером русской провинциальной ложи И. П. Елагиным и собиралась у него во дворце на Елагином острове, а 16 июня 1772 года получила конституцию.

И хотя больше о масонстве Богдановича сведений не встречается, настоящее письмо говорит о том, что, во-первых, Богданович и позднее оставался в рамках этого религиозного ордена, а во-вторых, что он сменил ложу, причем был заново посвящен уже по шведскому обряду. Это логически вытекает из того, что Богданович знал о документах, которые, видимо, касались присвоения князю Гагарину звания обер-мейстера и открытия Великой Национальной ложи.

[8]. 9 августа 1779 года¹.

Милостивый Государь.

Князь Александр Борисович.

Прилагаю при сем письмо, под вскрытою печатью, написанное по вашему милостивому наставлению. Из него усмотреть изволите что вам надобно будет сказать Князь Александру Алексеевичу² и кому еще из Сенаторов вы за благо разсудите, и что ваше благодетельно сердце вам скажет, о месте и чине³. При сем осмелюсь включить мое почтение Препочтеннейшему⁴; и емь с истинным к вам почитанием и глубочайшею преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Нижайший и покорнейший слуга
Ипполит Богданович
августа 9.
1779.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 48. Автограф.

² Вяземскому

³ В марте 1779 года Ипполит Богданович «за излишеством людей» был переведен из Коллегии иностранных дел в ведомство департамента Герольдии правительствующего Сената, но без жалованья, а уже 12 марта подал прошение на высочайшее имя с просьбой о помощи, которое осталось безответным. Вследствие этого в том же месяце он подал в отставку, которую и получил 25 апреля 1779 года (см.: *СРП. Вып. 1. С. 106*).

Эту просьбу Куракин оставил без последствий. Точно так же он поступил в сентябре 1776 года, когда еще в бытность свою при Коллегии иностранных дел Богданович пытался посредством покровительства Куракина получить место при дворе цесаревича (см. его письма, опубл. в *АКК, VIII. С. 250–252*).

⁴ Здесь имеется в виду цесаревич Павел Петрович.

[9]. [1780 год]¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Я просил некогда Ваше Сиятельство о деле в Департаменте вашем родственников моих Богдановичей и их тютки², с дарами от недвижимого имения которых им принадлежит часть во владение. Дело давно доведено к слушанию, а как соперники их всячески стараются дело продлить чтоб между тем пользоватца их частью, то я ныне возобновляю мою прозбу так как они мне в том старание препоручили. Ведая же что вас нет нужды просить

о зделании справедливости, ограничиваю прозбу мою тем что бо дело их не замедлить решением. Я напоминаю вам о том с тем большим упованием, что Ваше Сиятельство, при первой моей прозбе, сами приказали по времени вам о том напомнить. Я же за твердое правило себе поставляю никогда не обременять моих благодетелей не справедливою прозбою, и хотя бы дело моих родственников не было так правдиво как оно мне кажется, я прошу только о решении. Один из них не богатой и об одной ноге³ приехал ныне опять ходить за делом, и проживать остатки в надежде на будущую часть о которой они просят. Я же емь с глубочайшим почтением и совершенною преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
нижайший и покорнейший слуга
Ипполит Богданович
Середа.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453 («Письма разных особ к князю А.Б. Куракину. Том 13. 1780 год»). Л. 337–337об. Автограф. На л. 340 об. рукой Богдановича написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю князь Александру Борисовичу Куракину, Ея И-го В-ва Камергеру Кавалеру и проч».

² В правительствующем Сенате в те годы рассматривалось только одно дело Богдановичей: «В Шестом департаменте по апелляции из Вотчинной коллегии смоленской шляхты отставного полковника Григорья Петрова сына Богдановича в споре с отставным каптенармусом, а ныне прапорщиком Козмою Семеновым сыном Щербовым о недвижимом дорогобужском имении». Дело было начато по челобитной Щербова еще в 1772 году, а в 1776 году решено в Вотчинной коллегии в пользу Богдановича, после чего Щербов подал апелляцию в правительствующий Сенат. Речь идет о селе Карачарово Троицкого стана Дорогобужского уезда Смоленской губернии. Оно досталось Щербову по купчей от Ивана Денисова сына Дукшты, однако еще до этого Денис Павлов сын Дукшта поступил этим селом отчиму Андрею Косовскому, который в 1742 году продал село капитану Петру Юрьеву сыну Богдановичу. От Петра Юрьевича село перешло к сыну Григорию Петрови-

чу Богдановичу. Дело было решено в правительствующем Сенате 20 октября 1783 года в пользу Богдановича. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 5190. Л. 1–152).

Нам не совсем ясно, в каких родственных отношениях состоял Ипполит Федорович и его братья с упоминаемыми Богдановичами. В сенатском деле есть краткие поколенные росписи участников спора (Там же. Л. 89, 115), из которых видно, что у умершего Юрья Богдановича было два сына — Петр и Семен Юрьевичи (умершие к 1783 году), а также две дочери — Мария и Авдотья. Мария была первым браком за Михаилом Подобедовым, вторым — за Андреем Косовским; Авдотья — за Афанасием Седлецким. У Семена Юрьевича была только дочь Татьяна, замужем за Степаном Кладухиним, а у Петра Юрьевича — сын Григорий Петрович, который был единственным наследником Юрья Богдановича по мужской линии.

Как указано в Экономических примечаниях к Генеральному межеванию Смоленской губернии (точной даты нет), принадлежавшая ему деревня Гридина Дорогобужского уезда досталась сперва Ивану Богдановичу, а затем Николаю Федоровичу Богдановичу (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Е.х. 1481. Л. 28об).

³ Очевидно, Григорий Петрович Богданович.

[10]. [Начало 1782 года]¹.

Ваше Сиятельство имеее случай обязать меня чувствительным образом. Брат мой родной Николай Федорович Богданович² которой был двенадцать лет Секретарем в Иркутке, и которой ныне без места, на сих днях приехал из Сибири просить в Герольдии о произведении ево в Колежские Ассесоры и о помещении Ево опять в Сибирь в Воеводы, в Товарищи или в комиссары. Просит так же в Первом Департаменте о выдаче ему не доданнаго в Иркутке Жалованья. По обеим ево челобитным прошу принять ево в ваше покровительство. Челобитную в Герольдию он подаст сегодня или в понедельник. Между тем как откроется приличное для него место я бы желал что б по малой мере он был произведен, а может и места есть готовые, по тому что в Сибирь ехать мало сыскивается охотников. Я был с ним у

князя Михайла Михайловича Щербатова³. Он приказал справитца о местах ему приличных какия есть в Сибире. А челобитная о выдаче жалованья в Департамент уже подана. Чаятельно в первую пятницу доложено будет об нем и по Герольдии. По малой мере мы таво желаем. К произведению же в Колежские Ассесоры он удостоен атестатом от Иркутской Губернской Канцелярии.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 107 («Бумаги покойнаго дяди Князя Александра Борисовича сохраненныя по любопытному их содержанию» <1750-е — 1810-е гг>; в зеленом полукожаном переплете первой четверти XIX века, типичном для бумаг князя Бориса Алексеевича Куракина.)

Л. 86 — 86об. Автограф. Без подписи и даты, датируется по содержанию.

Интересно, что в этом же томе перед публикуемым письмом (на лл. 84–85) находится рукописное масонское обращение «Высокопочтеннейшия братья NN!», писарскою рукою.

² Богданович Николай Федорович. В службе с 1754 года, с 1760 года коллегии юнкер, с 25 июня 1764 года — губернский секретарь. С 30 июля 1764 года состоял на службе в Сибирской соляной конторе, с 1765 года в Иркутской губернской канцелярии. 24 марта 1772 года подал прошение об отставке и награждении чином. Колежским ассесором пожалован 7 апреля 1782 года, затем в с 1785 года до 1792 года служил в Иркутске прокурором в губернской верхней расправе, 31 декабря 1791 года пожалован надворным советником и назначен в Верхнеудинск уездным судьей, а с 31 декабря 1797 года — прокурором в Иркутском губернском магистрате. В 1770-х годах имел крестьян 55 душ в Дорогобужском уезде. (РГАДА: Ф. 248. Кн.6312. Л. 298; Ф. 248. Кн. 6346. Л. 725; Ф. 248. Кн. 6386. Л. 45; Ф. 286. Кн. 571. Л. 330–345.)

³ Князь Щербатов Михаил Михайлович (1733–1790) — историк и публицист. В 1771 году был назначен герольдмейстером в ранге сухопутного генерал-майора.

[11]. 18 декабря 1796 года¹.

Милостивый Государь

Сиятельнейший Князь

Помню с давних лет ваши, Милостивый Государь, ко мне милости; помню что во всех случаях, где взор ваш или разговоры ваши меня встречали, я был столько щастлив, что мог числить вас на ряду с небесными человеческими хранителями. Судите, Ваше Сиятельство, с каким обрадованием услышал я о Государских к вам милостях². Обрадование мое тем не ограничивается, что отделено от всего вас люблю и почитаю; но слышу ежедневно новья радостные вести о милосердии, о правосудии, о попечении Государя Императора чтоб быть ему окружаему достоинствами. Не буду простираť далее моего вам поздравления, в осторожности чтоб изъяснения моих чувствий не походили на обыкновенныя поздравительные комплименты всем знатым вельможам. Скажу только что не могли выйти из моей памяти те дни приятной моей молодости, когда, в дежурствах при покойном Графе Никите Ивановиче³, удостоивался я обедать, ужинать и целое лето провести в Сарском Селе при молодом государе, котораго самые еще юные лета восхищали всех окружающих его, приятнейшею надеждою; и вы то конечно помните. Не преминул бы поехать ныне повергнуть к стопам Монаршим мои верноподданническия поздравления, есть ли бы издержки дальней поездки дозволяли мне, в моем ограниченном состоянии, пускаться на роскоши душевных моих наслаждений. Охотно вновь вступил бы также в службу, по моему усердию; но должен в моих летах судить сам себя строго по справедливости: не могу уже ни каждый день рано вставать, ни понести многих служебных трудов, какие в доброты лет моих не были трудны. Гожусь ныне, по мере сил, разве только хранить вверенные вещи, или иметь о садах попечение, и знаю что таких способностей около Государя находится много. Признаться должен однако, что,

в покойной жизни и утешениях моих, впадаю в уныние когда мышлю что оставшие мои малые силы и усердие почти погребены, и в такой отдаленности, что даже временныя поездки, есть ли бы пожелал я быть в Петербурге, не удобоносимы по моему состоянию.

Ваше Сиятельство конечно же удивитесь что поздравительное письмо мое соделалось длинно от исторжения пред вами всех чувствий какие около пера моего столпились, как скоро писать к вам начал. Равно уповаю не усумниться о истинне глубочайшаго почитания и приверженности с каковыми имею честь быть

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

нижайшой и покорнейший слуга

Ипполит Богданович

18 Декабря

1796

Сумы.

Еще поздравляю с Новым Годом. Желая от сердца Вашему Сиятельству, всего что вы себе желаете.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 147. Л. 30–31об. Автограф.

² Богданович имеет в виду многочисленные милости воцарившегося Павла I, которые излились на князя.

³ Панине. Речь идет о службе Богдановича при Панине в период с 30 апреля 1764 по начало 1766 года. Именно тогда Богдановичем была написана поэма «Сугубое блаженство» (СПб, 1765, напечатана в апреле месяце) — дидактическое сочинение, посвященное Павлу Петровичу, которое хвалил граф Н. И. Панин.

[12]. 5 февраля 1797 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

С чувствием совершенной к Вам, Милостивый Государь, приверженности, и достоюжного благодарения, имел я честь получить письмо Вашего Сиятельства от 8-го Января. Во всех чертах письма познаю несумненно благодущность моего князя: и на вопрос касательно до усердия моего к службе, какое имянно желал бы я иметь место, не останавливаюсь в выборе Иностранной Коллегии службы, которая, сверх щастья какое имел я в молодости быть частым зрителем надежды, совершающейся ныне в особе Государя Императора, доставила мне также и ваши милостивыя ко мне расположения; в выборе, повторю, такой службы, от которой я, по возвращении моем из чужих краев, отклонился потому только что оставлен был при Коллегии на малом жалованьи, в то время когда, переводами и другими литературными трудами, мог выработать в год до двух тысяч рублей на безнужное себе содержание. Прибавьте милостиво к тому, что другие младшие и в чины поступали, мимо старинных питомцев Иностранной Коллегии. Таково всегда дворянское любочестие, что должно уклониться от службы, есть ли в ней дворянин излишним будет. Руским же, прилично, по примеру Спартян, радоваться умножению достоинств, не перебивая дороги у достойных. А когда ныне так будет угодно Богу и Государю, чтоб я опять пригодился к делам в Иностранной Коллегии, то знаю что не получив при отставке моей, по сороколетней безпорочной службе, последующаго чина штатскаго советника, могу осмелиться, со справедливым упованием, позвать в помощь мою Ваше предстательство и милость Государскую: дабы место штатскаго советника с жалованьем по сему чину в Иностранной Коллегии, при выслужанной, за сорок лет, теперешней моей пенсии, могло соделать житье мое в Петербурге удобосносным,

ибо других доходов не имею. На случай же когда Департаменты Штатских Советников найдутся ныне достойными людьми наполнены, то не могу ли быть пригоден к посторонним работам по комиссии учрежденной для Сочинения Законов? В течение моей службы довелось мне собрать кой какие на Законы примечания, в теперешнем письме моем неудобовместительныя; но есть ли бы Бог привел опять вас увидеть, то ласкалось что могли бы удостоиться Вашего разсмотрения. По малой мере, руководство Вышних нашло бы во мне охотнаго их мыслей изъяснителя. По ежедневному же журналу опубликованных деяний добраго и рачительнаго нашего Монарха, вижу что он достоугодно печется по сей нужной части в Империи.

Что надлежит до путеваго затруднения, какими деньгами мне со своим всяким грузом, опять в Петербург подняться, то кажется само собою вызывает Милостивое Монаршее решение, — есть ли усердие мое благоугодно покажется Его Величеству. Думаю что довольно объяснил Вашему Сиятельству мысль мою касательно до усердия моего к службе Государевой.

Остается ответить вам, Милостивый Государь, на другой вопрос что я теперь в Сумах делаю? Доношу о том чистосердечно, не придавая себе никаких важных упражнений; Делаю здесь то что делается только в Царствованиях добротворительных Государей, а именно, благодаря Бога и Государя, наслаждаюсь покойною и тихою жизнью между моими родными. В Сумах имею роднаго брата вдоваго с двумя детьми², и так же других ближних в окружности. При их помощи пенсия моя делает удобовозможность здешняго моего содержания. Между тем само собою выходит то, что я наслаждаюсь и дружбою и уважением малаго моего общества. К тому привез с собой несколько книжек, которые могут и самые праздные часы наполнить приятным образом.

Из двух планов моей жизни, последний, так как исполненный, не имеет затруднительностей. Первый же осуществить

остается Вашему Сиятельству, есть ли, по вашим милостивым ко мне благоразположениям, найдете то удобным в исполнении. Прибавлю только что, в том и другом случае, апробация ваша усовершит мое благополучие так как есмь с глубочайшим к особе вашей почитанием и совершенною преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Нижайший и Покорнейший Слуга
Ипполит Богданович
5 февраля
1797 года
Сумы.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 874. Л. 18–18об–19–19об. Автограф.

² Возможно, имеется в виду младший брат поэта Иван Федорович Богданович (1752 или 1753–1831) — начал службу в 1768 году солдатом в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1769 — капрал, в 1771 — фурьер, в 1772 — подпрапорщик, в 1773 произведен в сержанты. 1 января 1781 года вышел в отставку прапорщиком. В мае 1786 года назначен городничим в Сумы, в каковой должности и состоял в течение 18 лет, а в 1811–1813 был там же уездным предводителем дворянства. Известно, что в будущность городничим за неправильные приговоры по делам на него 28 апреля 1801 года был наложен штраф в 50 рублей (ПСЗ, XXVIII. С. 1088). Умер в имени Басы под Сумами. Известен как автор педагогических сочинений и менее значимых стихотворных произведений.

Дата его рождения указана в СРП, 1. С. 102 как «1764, по др. данным 1758», однако в формулярном списке, составленном в мае 1786 года, он значится в возрасте 33-х лет (РГАДА. Ф. 286. Кн. 743. Л. 134–136). Тогда он был еще холостым.

[13]. 17 апреля 1797 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

С душевною радостью приемлю смелость поздравить Вас, Милостивый Государь, с новою монаршею милостию, то есть с наградою вас деревнями². И ест ли Ваше Сиятельство будете мерять мое щастие на сей случай, по степени моего в том обрадования, то можете и меня с тем поздравить, как бы с собственным моим благополучием, в совершенном удостоверении о чувствиях высокопочитания и преданности с каковыми имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорный слуга
Ипполит Богданович
17 апреля 1797
в Сумах.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 151 («Письма разных особ князю А. Б. Куракину. Июль 1797 года). Л. 147. Автограф.

² Здесь Богданович не совсем точен — речь идет о пожаловании 10 апреля 1797 года братьям Куракиным астраханских рыбных ловель, почему Павлом I и был подписан следующий указ Сенату: «Астраханские рыбные ловли и казенные учуги, состоящие ныне в содержании у купцов того города, которыми, по указу 1762 года, следовало воспользоваться всему обществу купечества астраханского, но кои, по вкоренившимся тамо злоупотреблениям, городу никакого дохода не приносят, повелеваем отдать в вечное владение князьям Куракиным, с получением от них в казну нашу ныне платимый купцами оклад, да в пользу города по двенадцать тысяч рублей в год». А дохода от этих ловель братья получали до 400 тысяч рублей в год (см.: АКК, VII. С. V).

[14]. 24 декабря 1797 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

При усердном поздравлении вас, Милостивый Государь, с новым годом, не могу ограничить строк моих общим почитателей ваших изъявлением искренних желаний, какими ваши достоинства и добродетели достоительно всюду сопровождаются. Безтрудно простираю вольность мою дале общей словесности, всякой раз когда чувства мои заедают от пера и бумаги способы удостоиться Вашего Сиятельства благоволения.

С таким твердым на вас, Милостивый Государь, упованием, не остерегаюсь препоручаться Вашему Сиятельству с прозбамми, хотя бы оне могли встретиться с трудностями; и разрешение их, какое бы ни-было, не входит в основу моей незыблемой к особе вашей преданности.

Есть ли однако теперешняя моя прозба найдется незатруднительною, то почту себя в числе обрадованных, удостоиваясь быть участником благотворений ваших. И так приемлю смелость представить Вашему Сиятельству и нужды и особия побудительныя причины в прозбе.

В Курской Губернии, в Фатежской Округе, из числа Камарицких Государевых крестьян, розданных от щедрот Государя Императора разным особам, остаются в селе Кузнецовке, верстах в трех от жилища родной сестры моей², сорок или около сорока душ с подлежащею им землею, ни кому не пожалованные; и такое малое число душ находится теперь в некотором безприятном положении, между Господскими вокруг их крестьянами. Странно, Милостивый Государь, с первого вида может представиться, что отставленной коллежской советник, по надежде сорокалетней своей заслуженности, при щедротолубии благотворящаго Государя, вздумал утруждать Ево о сорок ду-

шах крестьян, которые мало принесут подкреплению просителю, мне ни единого двора неимущему. Но я уже упомянул что такой остаток от раздач случился в самом ближнем соседстве от сестры моей, которая сверх родства соединена со мною дружбою. Умерение прозбы происходит также от познания бывших в жизни моей безсоюзных обстоятельств, независимых от человеческих благоразположений. В течение сорокалетней моей службы, сколь бы ни было усердие мое к Государю ревностно и деятельно, я не только не имел предстателей которые бы службы мои Государскому воззрению предлагали к награждениям, но имел еще я иногда и завистников, каковые имеют наилучшую благонамеренность уничтожать или обезображивать. Не простираю более о том материи, которая, по собственным Вашего Сиятельства дознаниям, вам более нежели мне сведома.

Таким образом испрашивая и самую малость, чтоб иметь на старости какое-нибудь собственное обиталище, прихожу в некоторую безсловесность, на время когда не услуги а только прозбы мои чрез Вас Государю представиться могут. Осмеливают же меня к тому, с одной стороны не укорная моя перед Государем совесть, с другой ваше известное благодушие, и пространное сведение о молчащих и не молчащих чувствованиях. Думаю что Ваше Сиятельство не найдете надобности в формальном от меня прошении к Государю Императору. Во всяком же случае всенижайше вас прошу удостоить меня вашим о том отзывом. И есть ли я могу быть столько щастлив, то приказания ваши не благоугодно ли будет адресовать ближе через Севск, для доставления мне в село Петровское Шагаровых³, где я у сестры нахожуся ныне. Я же всегда пребываю со всеглубочайшим почитанием и совершенною преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства

нижайший и искренний слуга
Ипполит Богданович

24 декабря
1797 года
в Петровском
Шагаровых.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 158. Л. 50—51 об. Автограф.

² Возможно, имеется в виду Анна Федоровна, рожд. Богдановичева, которая была автором единственного прижизненного портрета И. Ф. Богдановича, который был многократно гравирован (см. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. I. Спб., 1889. Стлб. 369—370).

По поводу сестры поэта мы осмелимся предположить, что она в замужестве была Шагарова. Что касается Кузнецовки, то такой деревни в Фатежском уезде Курской губернии при Генеральном межевании не упоминается, однако в Экономических примечаниях (РГАДА. Ф. 1355. Е.х. 680. Л.20) там упоминается село Тифенское (Ивановское), в числе владельцев которого написан Александр Иванович Шагаров, возможно, муж сестры Богдановича, о нем подробнее см. ниже.

³ Город Севск (ныне Брянская область), являлся тогда уездным городом Орловского наместничества. Село Петровское Севского уезда, почти на границе с Малороссией, принадлежавшее Шагаровым, ныне считается в Хомутовском районе Курской области, а рядом в том же районе располагается село Шагарово. Ранее ничего о пребывании Богдановича в тех местах известно не было. Стоит сказать, что нынешний Хомутовский район граничит с Сумской областью.

Что касается Шагаровых, то они, видимо, ведут свой род от подьячего Севской приказной избы Лазаря Шагарова (упоминается под 1696 годом: РГАДА. Ф. 233. Кн. 354. Л. 959 об). В конце XVIII века в Севском уезде наиболее известен был коллежский, затем статский советник и ордена св. Владимира IV класса кавалер Александр Иванович Шагаров — из военных, вступил в службу в 1755 году в гвардию, в 1762 году пожалован в кавалерийский полк ротмистром, в 1786 — секунд-майором, в 1770 — премьер-майором, а 12 января 1771 года отставлен подполковником. В 1779 году выбран севским уездным предводителем дворянства. (РГАДА. Ф. 248. Кн. 6380. Л. 789 об—792).

Однако села Петровского ни в его владениях, ни во владениях его родственников (прочих Шагаровых) не значится, а упоминаются только пустошь

Остров Казбицкой, село Ретаровка, село Аннинское и пустошь Брусиловская (РГАДА. Ф. 1355. Е.х. 1016. ЛЛ. 5, 5 об., 10 об., 17).

[15]. 9 мая 1802 года¹.

Милостивый Государь,
Сиятельнейший Князь!

Древняя Вашего Сиятельства ко мне милости, осмеливают меня всегда питать в душе моей справедливую на вас, Милостивый Государь, надежду. Получив не давно от Господина Президента Императорской Российской Академии письмо², весьма благосклонное, и прилагая здесь, для сокращения строк, копию с моего ответа³, всенижайше Ваше Сиятельство прошу, воспринять труд содействовать в мою пользу у престола Благодетельнейшаго Монарха; а как из копии удобно усмотреть изволите. Я же всегда пребываю с глубочайшим высокопочитанием и совершенно к особе вашей преданностию,

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорнейший слуга
Ипполит Богданович.
Маия 9.
1802 Года
в Курске.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 60—60 об. Автограф. К настоящему письму прилагается автограф стихотворения И. Ф. Богдановича, помещенный нами в приложении в конце настоящей книги.

² Т. е. от Андрея Андреевича Нартова (1737—1813).

³ Собственноручная копия письма Богдановича А. А. Нартову от 9 мая 1802 года. Прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 62—63 об.) Письмо уже ранее было напечатано М. И. Сухомли-

новым по экземпляру, направленному Богдановичем непосредственно Нартову и сохранявшемуся в архиве императорской Российской Академии (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Ч. 7. СПб, 1885. С. 46—48).

Павел Иванович
Голенищев-Кутузов

Павел Иванович Голенищев-Кутузов (1767–1829) — поэт и переводчик, считал своим литературным учителем И. Ф. Богдановича. Русской словестности Голенищев-Кутузов остался памятен не столько вышедшими из-под его пера творениями, сколько литературной борьбой с Н. М. Карамзиным и его сторонниками. Также не стоит забывать о том, что Павел Иванович был весьма деятельным масоном, а потому и был давно знаком с князем Куракиным. Во время написания этого письма Голенищев-Кутузов имел чин действительного статского советника и занимал должность куратора Императорского Московского университета.

[1]. 15 апреля 1801 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Толь издавна продолжающееся личное ко мне благорасположение Вашего Сиятельства налагает на меня священный долг препроводить Вам присем Оду моего сочинения²; которую я на сей же почте имел щастие поднести Его Императорскому Величеству. Примите оную, Милостивый Государь, яко всегдашний Покровитель муз, умеющий ценить стихотворческие произведения; примите сей дар, яко малый знак того беспредельного почитания и совершенной преданности, с каковыми я за честь и щастие поставляю называться

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга
Павел Г<оленищев-> Кутузов.
Москва
Апреля 15 дня 1801 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 194. Л. 326. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду его сочинение: «Ода его императорскому величеству, Александру Первому, во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского Университета, удостоившегося получить высочайшее благоволение, с благоговением посвящает университета куратор Павел Голенищев-Кутузов». М. В университетской типографии у Хр. Клаудия. 1801.— 9с.

Гавриил Романович
Державин

Гавриил Романович Державин (1743–1816) был на девять лет старше князя Александра Борисовича. Познакомились они не раньше 15 августа 1777 года, когда поэт был назначен на должность экзекутора Первого департамента правительствующего Сената, где в Третьем департаменте князь Куракин занимал должность обер-прокурора.

Что касается отношений Державина и Куракина, то они были вполне типичными — как людей совершенно разного положения, хотя князь и не страдал излишним честолюбием (как, например, непосредственный начальник поэта князь А. А. Вяземский). В то время князь Александр Борисович притягивал людей не столько даже своими манерами и образованностью, сколько непосредственной близостью к Павлу Петровичу, к которому, кстати, Державин относился с уважением и сочувствием.

Державин не вел с нашим князем постоянной переписки, но иногда она вдруг оживала, поскольку по службе они периодически были друг другу надобны. Хронологически первое известное нам письмо к князю было написано Державиным 9 мая 1780 года и было опубликовано Я. К. Гротом в еще 1865 году «с собственноручного отпуска в одной из тетрадей Державина» (*Державин, V. С. 356–357*, без указания числа, которое мы и уточняем по оригиналу письма, сохраняющемуся среди куракинских бумаг: ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 478. Л. 203). Тогда же было напечатано письмо от 2 октября 1786 года (*Там же. С. 586–587*; Оригинал там же. Е. х. 363. Л. 147–147об). В том же издании были помещены два письма князя Куракина к Державину — от 25 сентября 1786 года (*V. С. 578–579*) и от 20 ноября 1801 (*VI. С. 371–372*).

Сам князь Александр Борисович, который составил список входящих писем, хотя и неполный, за 1772–1782 годы упоминает лишь четыре письма от Державина за 1780 год, они все в наличии — одно гrotовское и три печатаются здесь.

Хотя в куракинском архиве сохранялось немало писем Державина, издание Я. К. Гротом академического собрания сочинений не натолкнуло потомков князя на разыскание посланий поэта. А ведь князь Александр Борисович Куракин-младший знал об этом издании — 30 декабря президент императорской Академии Наук граф Д. Н. Блудов отправил ему один экземпляр первого тома с просьбой «принять на себя труд поднести оный великой княжне Марии Николаевне» (письмо его сохраняется в куракинском архиве — ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 452. Л. 146–147об).

Стоит сказать еще об одном письме поэта к князю Куракину, которое нам известно: от 10 февраля 1798 года, касающееся поведения Рославлева. Оно хранится в собрании АВПРИ МИД РФ (Ф. 13. Оп. 2. Д. 297. Л. 1) и было представлено на выставке «Деятели русской культуры на службе в Министерстве Иностранных дел XVIII — I четв. XIX вв» в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве в июле 1992 года.

Мы печатаем здесь восемнадцать писем Гавриила Романовича за 1780–1807 годы и помещаем в виде приложений три ответа самого

князя. Ответы печатаются по отпускам из княжеского архива и расположены в хронологическом порядке меж письмами поэта. Стоит отметить, что с момента издания Я. К. Гротом собрания сочинений Державина, одновременно таких значительных приращений к корпусу эпистолярной поэты не происходило.

[1]. 17 мая 1780 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Будучи несколько дней болен, умедлил я благодарностию моею за письмо Вашего Сиятельства. Сколько чувствую милости в ходатайстве вашем за меня, сколько добродетели в скором исполнении всепокорнейшей моей прозбы², но несравненно более щедрот и поражающего удовольствия, черплет Серце мое в благоволении высочайшаго Покровителя моего! Хотел бы я изъяснить то полутче, но не могу. Скажу только, На кого Надеяться, и На ком основывать более Надежду, как не на словах Самой Надежды? Должно ли быть столь малодушному, или лутче сказать безсовестному, чтоб убеждать прозбыми Могущаго, когда Он не возможет. В сем бы случае почел я самую щедроту, за наивеличайшее себе злополучие. Истинная милость благодетеля не принужденная воля, коль же скоро производится Она с неудовольствием Его, нещастлив получающий: он за единый раз щедроты, теряет всегдашнюю. Сверх сего мои правила ни когда дерским не быть и ни когда ни у ково нагло не искать корысть моею, тем же более, чтоб я настоял в том, угнетая скукою Государя моего, боже меня избави! Я и без того довольно щастлив. Я имею толь высокаго покровителя семье моею и себе; а вас у него с добродетельною душею предстателя. Я слышу Его чрез вас благоволения, чего мне более? Самое терпение наложенное на меня есть дар мне самый безценный. А потому всепокорнейше прошу

Вашего Сиятельства, ежели то можно будет и дастся к тому случаю, донести мою величайшую благодарность Его Императорскому Высочеству отцу моей семьи, за милостивейший Его отзыв на письмо мое к вам. Истинная только нужда моя, изторгла из меня смелость, коснуться слуха Его оным. Но я весьма довольным себя нахожу, ежели в прибытке Его Сиятельства Графа Брюса³ приказано будет пересрочить банковской мой долг с прежним поручительством. В прочем прошу у Вашего Сиятельства Милостиваго Государя себе извинения, что длинными моими и пустыми письмами навлек может быть Вам некоторую скуку и отнял несколько минут, которые бы вы посветили приятному долгу быть пред лицом Его Императорского Высочества. Я же с прежним моим нелицемерным высокопочитанием и никогда не прерывающоюся Преданностию Есмь.

Вашему Сиятельству
Милостивый Государь!
Всепокорный Слуга
Гавриил Державин
17го Маия
1780 Году
С. Петербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 452. Л. 146 —147об. Писарское, с подписью-автографом.

² Речь идет о просьбе Державина, изложенной им в письме к князю от 9 мая 1780 года (*Державин. Т. V. С. 356—357*, без указания числа). Суть в том, что при встрече в 1778 году цесаревича Павла Петровича перед свадьбой Державина первым браком на Екатерине Яковлевне, рожд. Бастидон (1760—1794; которая была молочной сестрою будущего императора), цесаревич прилюдно дал матери невесты (и одновременно своей молочной матери) Матрене Дмитриевне Бастидон обещание в том, что он пожалует невесте приданого «сколько в его силах будет», а затем забыл об этих своих словах. Тем временем Державин занял денег на свадебные расходы (свадьба состоялась 18 апреля 1778 года), а летом 1779 года — дабы отдать долг — заложил

свои деревни и получил в дворянском банке ссуду. Поскольку он и раньше в банке занимал деньги, то к маю 1780 года он уже был должен около десяти тысяч рублей, да на уплату процентов выходило по 500 рублей в год, тогда как жалованья с трудом набиралось 1 500 в год. Державин просил князя, дабы тот просил цесаревича дать распоряжение управляющему дворянским банком графу Брюсу пересрочить долг под тот же самый залог еще на год.

Судя по настоящему письму, князь Куракин сумел удовлетворить просьбу поэта.

³ Граф Яков Александрович Брюс (1721—1792) — генерал-аншеф, сенатор, управляющий дворянским банком, затем московский генерал-губернатор.

[2]. 3 июля 1780 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Неизреченно Милостивейшия Его Императорского Высочества отзывы, на прежния мои к Вашему Сиятельству письма, ободрили меня столько, что я не так как к моему Государю; но как к отцу и покровителю моему осмеливаюсь, чрез предстательство Вашего Сиятельства брибегать² с нижеследующею моею прозьбою:

Уведомился я, что у Его высокопревосходительства Ивана Ивановича Бецкова³ отпускается воспитательнаго дома обер директор Господин Моллер⁴, и он на место его ищет человека. Место сие дает в год жалованья по 2000 рублей, а при том и дом казенной. Ежели б я был столько щастлив, и милостивым Его Императорского Высочества покровительством удостоился Его получить, я бы счел себя и с моим семейством преблагополучным; и продолжая мою Службу, оставалось бы мне только ревностно исполнять мой долг и в благодарном сердце носить к всевышнему молитву за Его Императорское Высочество.

О сем то Ваше Сиятельство Милостивый Государь! всепокорнейше Вас прошу, как благосердаго моего и надежнейшаго

у Его Императорского Высочества предстателя, не упущая времени, чтоб не потерять сие место, внушить Его Императорскому Высочеству: ежели я и мое Семейство, достойны отеческого Его призрения, то благоволено будет, сказать Его Высокопревосходительству, чтоб я определен был на сие место, с тем самым жалованьем и выгодами как Моллер.

Впрочем оканчевая сию мою всепокорнейшую прозбу предаюсь благодетельному попечению Вашего Сиятельства, что вы изволите избрать время, и доложите Его Высочеству так, что я не буду иметь опасности потерять, всё то мое щастие составляющие, высочайшее Его покровительство: я же с нелицемерным высокопочитанием и преданностию именуясь

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Всепокорнейший слуга
Гавриил Державин
3го июля
1780 Года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 452. Л. 149–149об. Автограф.

В то время Державин состоял в должности экзекутора в Первом департаменте Сената (каковую должность он исправлял с 1777 года) при генерал-прокуроре князе А. А. Вяземском, с которым был в дружеских отношениях. Однако отсутствие продвижения по службе сильно тяготило Державина. Ранее считалось, что начало неудовольствия относится примерно к 1782 году, когда им была подано прошение на Высочайшее имя (*Державин, VIII. С. 250*), однако настоящее письмо дает новые сведения.

² Так в оригинале.

³ Бецкый (Бецкой) Иван Иванович (1704–1795) — генерал-майор, президент Академии Художеств, директор сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Один из самых приближенных сановников Екатерины II, имел славу первого в России педагога. Им основан в 1764 году Смольный институт, в том же году Воспитательный дом в Москве, а в 1770 году — в Петербурге.

⁴ Моллер Иван Иванович. Служил в лейб-гвардии Преображенском полку, в 1762 году — поручик. Указом Екатерины II от 6 сентября 1772 года об

учреждении Петербургского отделения императорского воспитательного дома, будучи уже полковником назначен за-опекуном и одним из директоров Петербургского воспитательного дома (*ПСЗ, XV. С. 1010; XIX. С. 569*), затем был назначен опекуном; также состоял начальником в конторе строения Воскресенского Новодевичьего монастыря. В 1780 году имел чин статского советника.

[3]. 30 октября 1780 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!
Болезнь Вашего Сиятельства препятствовала мне вас увидеть и самолично, как милостивому моему благодетелю донести, что обстоятельства мои переменялись и я не имею нужды ни какою прозбою обременять Вашего Сиятельства, и для того ежели вы получа облехчение изволите иметь свой выезд, то всепокорнейше прошу о сем недокладывать. Пребываю в прочем с моим Глубочайшим Высокопочитание

Вашего Сиятельства
Милостивый Государь
всепокорнейший слуга
Гавриил Державин

Октября 30 дня
1780 году.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 452. Л. 150. Автограф.

В конце 1780 года в ведении генерал-прокурора Сената были учреждены четыре экспедиции, составившие государственное казначейство — о доходах, расходах, счетах и недоимках. При образовании этих экспедиций в число советников экспедиции доходов и был переведен Державин. Это повышение удовлетворило Державина, почему он и отзывал свою просьбу о новом месте. (*Державин, VIII. С. 248*).

[4]. 10 марта 1798 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Сей час получил вашего Сиятельства письмо, которым вы изволите требовать, по высланному от графа Семена Романовичу² <!> из Лондона векселя на имя Ваше, 1812 рублей, за плаченных за Г. Раславлева³, находящагося у меня в опеке, оныя к Вам с вручителем сего письма препроводить честь имею, прося покорнейше, чтоб приказать изволили, комулибо из Канцелярии вашей, дать в приеме оных росписку или вексель мне выдать для очистки по опекунству. Елико же касается до прочих обстоятельств объясненных в письме к вам графа Семена Романовича относительно невоздержанной жизни и долгов Господина Раславлева, так и перемещения его в Константинопольскую Мисию, то я уже письмом моим от февраля 9 числа имел честь Ваше Сиятельство уведомить, что я как с графом Семеном Романовичем, так и с Васильем Степановичем Тамарою⁴ зделал сношение; и зависит сие от правительства, чтоб Его Ему позволить переехать из Лондона в Константинополь. равномерно на zapлату еще зделанных им долгов, я имею еще несколько наличных денег и по высланному векселю неудержно заплачены будут, ежели только сумма оных не превзойдет имеющихся у меня. Сколько ж ему потребно будет на годовое содержание, те по прошению моему, уповаю я уведомит меня Василей Степанович, когда он к нему приедет.

Пребывая с глубоким высокопочитанием и таковою же преданностию

Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Гавриил Державин

10 Марта
1798 году.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 105. Л. 417, 417об, 418. Автограф.

² Граф Семен Романович Воронцов (1744—1832). Действительный тайный советник, посол в Венеции, а с 1784 года в Лондоне. Уволен в 1799 году, но восстановлен Александром I в должности и окончательно уволен в 1806 году. Отвыкнуть от английской жизни он уже не смог и остался жить в Англии, где и умер. Граф Воронцов состоял в многолетней переписке с князем Куракиным.

³ Рославлев — Камер-юнкер Коллегии иностранных дел.

Что касается скверного его поведения в Лондоне, то граф Воронцов писал Державину об этом в своем письме от 23 марта (3 апреля) 1798 года (*Державин, IX. С. 316—317*, из Лондона), где кроме прочего говорил: «Распутные поступки г. Рославлева не подают другого вида, как токмо к дальнейшему и крайнейшему его разорению и к бесчестию всех находящихся здесь Русских. Для того наусильнейше прошу вас взять труд снабдить меня повелением об отправлении его отселе». В тот же день граф Воронцов отправил письмо подобного тона к Куракину (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 105. Л. 451—451об.), где в том числе писал: «В ответ на почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства касательно Коллегии Юнкера Раславлева не имею я ничего другого сказать теперь, как токмо скорее прислать мне повеление отправить его отсели в Санктпетербург». Еще годом раньше граф Семен Романович говорит князю Куракину о дурном поведении камер-юнкера (письмо от 18/29 марта 1797: ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 991. Л 184—186).

Но не иначе как гласом вопиющего воспринимаются следующие строки из письма С. Р. Воронцова П. В. Неклюдову: «Покорно прошу и заклинаю вас, Петр Васильевич, из жалости ко мне, по вашей ко мне дружбе, избавить меня от невозможного моего надзирания над сим молодым человеком и из жалости к нему возвратить его в Россию: ибо он по истине пропадет здесь в Англии». (1797 год, без числа: *АКВ, XI. С. 303.*) П. В. Неклюдов (1735—1797) был приятелем Державина и занимал должность обер-прокурора 4 департамента правительствующего Сената.

⁴ Тамара Василей Степанович (1740—1813). Тайный советник, в 1797—1802 — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе.

[5]. 31 марта 1799 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович

Извините меня великодушно Ваше Сиятельство, что я сим письмом осмеливаюсь несколько обременить спокойствие ваше. По делам высочайше мне вверенным, графа Григорья Ивановича Чернышева², встретилось обстоятельство, которое не иначе как отзывом вашего Сиятельства разрешится может. — Управитель дома объясняет что ваше сиятельство изволили торговать серебряной большой французской работы сервиз чрез посредство господина надворного советника Кривцова³, которой у него в закладе находился, за которой вы изволили давать 5 500 рублей; но как в то время у вашего Сиятельства наличных денег не случилось, то пожаловали в задаток на графа Сологуба⁴ два векселя, каждой по пяти тысяч рублей; или по крайней мере по позволению вашего сиятельства Кривцов оныя отдал, Графу Чернышеву, которыхя и находились действительно, уже пре бытности моеи попечителем у его Сиятельства в его канторе. — Но как покупка, того сервиза несостоялась, то будто те два векселя и возвращены вашему сиятельству, о чем однако я сведения не имел; то покорнейше прошу вашего сиятельства, приказать справиться по делам вашим и милостивым уведомлением меня неоставить. — 1-е, известны ли вы были о тех векселях и с позволения ли вашего, Кривцовым они отданы были Графу Чернышеву — 2-е, возвращены ли они к вам чрез Кривцова или управителя графа Чернышева и наконец 3-е, от вашего ли имени в знесены во вспомогательной банк и оттуда за них получены билеты; а равно и те билеты на государственныя асигнации променены от вашего ли имени и деньги ваше сиятельство получили ли? Таковым уведомлением обязать изволите, с глубоким почтением и таковою же преданностию пребывающаго. —

вашего Сиятельства
Милостиваго государя
всепокорнейшаго слугу
Гаврилу Державина

Ч<исла> 31 марта
1799-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 164. Л. 52 — 52об. Писарское, с подписью-автографом.

Это и несколько последующих писем Державина и прилагаемых отпусков самого князя относятся к опеке Державина над именем графа Г. И. Чернышева, каковое служебное предприятие было очень трудным, но сделало Державина еще более знаменитым.

6 апреля 1798 года императором Павлом был подписан следующий указ Сенату: «По случаю отъезда действительного тайного советника Сиверса по начальству его над водяными коммуникациями увольняя его от попечительства над именем тайного советника графа Чернышева, соизволяем принять оное тайному советнику Державину и вступить в управление онаго так, чтоб, разобрав долги, кредиторы в удовлетворении своих претензий были обеспечены». (*Державин*, VI. С. 177).

Как уже следует из существования вышецитированного указа, дела графа Чернышева были расстроены. И расстроены чрезвычайно, поскольку стоимости всего его имения недоставало на расплату с его огромными долгами, сумма которых по предъявлениям кредиторов доходила до трех миллионов. И если предместник Державина граф Яков Ефимович Сиверс (1731—1808) просто пытался отдать имение князя на расплату (в результате чего граф с семьей остались бы без имущества и средств), то Державин начал разбираться с долгами. После ознакомления с делами он посчитал большую часть долгов несправедливыми, в том числе и долг в 200 000 рублей казне. С этими мыслями он и отправил письмо государю, где просил об исследовании всех частных долгов в судах, а о казенном — если не об отмене, то, по крайней мере, об отмене платы процентов. Такое заявление, особенно касаясь несправедливости казенного долга, не было рядовым явлением в царствование Павла. Но Павел ответил благожелательным рескриптом, что, возможно, объясняется очень теплым отношением государя к отцу графа — Ивану Григорьевичу Чернышеву (1726—1797), которого император пожаловал титулом генерал-фельдмаршала по флоту. В рескрипте Павел оставил казенный

долг, но с отменой процентов и с рассрочкой на потребное для его погашения количество лет, причем без всякого залога. Что же касается частных кредиторов, то сомнительные долги он распорядился отправить на рассмотрение судов, а родительские и справедливые заплатить, взяв на то суммы из банка под залог имения. Тем самым, как писал сам Державин, неожиданно «нерешимый узел всех долгов графа Чернышева развязался» (*Державин, VI. С. 710*).

Дела графа Чернышева занимали Державина несколько лет — до начала 1806 года, когда граф, которому за эти года наскучила спокойная жизнь, пожелал быть свободным от опеки. Это объясняется его склонностями к мотовству и роскоши, что красочно описывал князь Алексей Борисович Куракин в письме к нашему князю еще 18 июня 1795 года: «Сынок его <графа И. Г. Чернышева> празднует здесь, навез пропасть вещей из Италии и Вены, щеголяет в них и многие дарит; смотря на него, не скажешь, чтоб отец был при смерти болен» (*XVIII век. Т. I. С. 208.*).

Свидетельством благодарности за все сделанное Державиным служит письмо к нему от графа Чернышева, датированное 4 апреля 1806 года (*Державин, VI. С. 177–178*). Граф кроме прочего пишет: «Признательность мою к шестилетним подвигам вашим на существенные пользы мои и на освобождение меня с семейством моим от предлежавших мне горестных последствий, преодоленных вашим высокопревосходительством с толиким беспокойством и пожертвованием времени, я за священный долг себе вменил изъявить вам не токмо чрез сие, но и чрез публичные ведомости как в Российской Империи, так и в прочих государствах, где только имя ваше по достоинствам вашим известно. Я не скрою в них ни единого из тех благотворений ваших мне, которыми вы успокоили жизнь мою и сохранили для потомства имение, доставшееся мне в наследство, уплатив более миллиона долгов и возвратив чрез выкуп родительский дом мой на немалозначущую сумму. Пусть всякий благомыслящий увидит, что вы из единого побуждения к соделанию добра ближним предавались толиким заботам и попечениям для составления счастья многим фамилиям, и определит в сердце своем достойное воздаяние. Мне остается, в подкрепление чувств искренней моей вам благодарности, запечатлеть в душе моей на всю жизнь мою ваше имя и оставить оно детям моим в предбудущие времена незабвенным памятником».

² Граф Григорий Иванович Чернышев (1762–1831) — тайный советник, затем обер-шенк двора.

³ Кривцов Антон Кононович (1740 или 1741–1806), надворный советник, скончался в чине коллежского ассессора.

⁴ Нет возможности сказать точно, но, скорее всего, это граф Иван Антонович Соллогуб (ум. 1812), генерал-майор, он с 1781 года был женат на Наталье Львовне Нарышкиной.

[[Приложение 1]]

Отпуск ответа А. Б. Куракина к Г. Р. Державину от 23 апреля 1799 года¹.

Надеждино

апреля 23 дня 1799 года.

Милостивый Государь мой Гаврил Романович!

Я имел честь получить письмо Вашего Превосходительства от 31 марта, которым по встретившемуся вам обстоятельству в делах графа Григорья Ивановича Чернышова, высочайше вам вверенных спрашивать меня изволили справедливо ли, как вам донесено, что я серебряной столовой, сервиз Графа Григорья Ивановича сторговал за 5500, что продававшему его Надворному Советнику Кривцову выдал за него в задаток два векселя на графа Сологуба каждой в 5000 рублей которья от него Кривцова Графу Григорью Ивановичу переданы, а потом мне опять возвращены были и от моего ли имени сии два векселя были наконец внесены в спомогательный Бнанк <sic!> для дворянства, заплаченными между билетами, сии Билеты от меня ли были представлены в Банк для размену и получил ли я ассигнации? Поспешаю милостивый государь мой в ответ на все сие следующее сказать: Сервиз Графа Григорья Ивановича я торговал и смотрел, продавал мне его Надворный советник Кривцов, котораго я по сему случаю только и узнал, не купил я однако сего сервизу и в задаток ничего не дал, что же касается до векселей Графа Сологуба, то у меня никогда никаких векселей его не бывало и следовательно никому я их не передавал и в Банк не представлял.

Весьма мне чувствительно показание Г. Кривцова будто он их от меня имел. Исполнив сим Требование ваше пользуюсь я с сердечным удовольствием сим случаем для засвидетельствования вам моего искреннейшаго отличнейшаго почтения, с каковым я всегда есмь.

Его Превосходительству Державину.

¹ ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Ех. 178 («Копии с писем Александра Борисовича Куракина к разным особам».) Л. 77–78. Автограф.

[6]. 9 мая 1799 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Повторя покорнейшую прозбу мою к Вашему Сиятельству от 31-го числа марта неоставить меня уведомлением относительно данных в задаток за сервиз графа Чернышева² двух векселей на Графа Сологуба³ в 10 000 рублях, получили ли вы оныя обратно?

С Глубочайшим почтением моим и совершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
Гавриил Державин
Маия «9» дня
1799-го Года
Его Сия<тельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 478. Л. 203. Писарское, с подписью-автографом.

² См. примечания при предыдущем письме.

³ То же.

[Приложение 2].

Отпуск ответа А. Б. Куракина к Г. Р. Державину от 28 мая 1799 года¹.

Надеждино маия 28 дня 1799 года.

Милостивый Государь мой Гаврило Романович!

На письмо Вашего Превосходительства от 9-го сего месяца которым изволите повторять отношение ваше ко мне от 31 марта по делу графа Чернышева имею честь уведомить вас, что я на оное отношение в свое время без отлагательства с перьвою почтою вам ответствовал. Препровождаю к вам при сем и Копию с того ответа соего, пребываю впрочем с совершенным почтением и искренною преданностию.

Его Пре<восходительст>ву Державину.

¹ ОПИ. Ф. 3. Оп. 1. Ех. 178 («Копии с писем Александра Борисовича Куракина к разным особам».) Л. 88об. Писарский.

[7]. 13 июня 1799¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Усерднейше поспешаю извинить себя пред Вашим Сиятельством, что я умедлил нижайшею благодарностию за отзыв ваш по делу сервиза Графа Григорья Ивановича Чернышева, который послужил мне решительною развязкою с господином Кривцовым, так, что принужден он был без дальних хлопот, оное кончить и возратить сервиз Графу, приняв на щет свой с управителем Байковым² Графа Сологуба векселя и прочия его неумеренныя требования уничтожить. Пребываю в прочем с глубоким моим высокопочитанием и истинною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейшии слуга
Гавриил Державин

Июня «13» дня
1799-го года

Его С<иятельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 164. Л. 80. Писарское, с подписью-автографом.

² Не оказалось возможным установить сведения о нем.

[8]. 16 ноября 1801 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович !

По милостивому обещанию Вашего Сиятельства, исходятельству<!> высочайшую волю, об определении племянника моего Сенатскаго Юнкера Александра Львова² в Юнкеры Государственной Коллегии Иностранных дел, имею честь присем представить онаго Вашему Сиятельству для принятия вашего повеления: какую Ему подать прозбу, на имя ли Вашего Сиятельства, иль по форме в коллегию? Таковое Вашего Сиятельства ему благоволение, приму, с особливую<!> мою благодарностию; и племянник мой будет весьма щастлив находиться<!> под руководством Вашего Сиятельства. Впрочем с отличным моим высокопочитанием и истинною преданностию пребываю

Вашему Сиятельству
Милостивому Государю моему
Всепокорнейшии Слуга
Гавриил Державин

16 ноября
1801 году
С. Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 197. Л. 467 — 467об. Писарское, с подписью-автографом.

Письмо было доставлено князю Куракину А. Н. Львовым 19 ноября 1801 года.

² Львов Александр Николаевич (1786—1849) — сын ближайшего друга Державина Н. А. Львова (и родственника, поскольку Державин и Львов были женаты на родных сестрах). Четырнадцати лет от роду был отправлен отцом в Курляндию на воспитание в доме пастора, впоследствии служил в Министерстве юстиции под начальством князя П. В. Лопухина, а затем И. И. Дмитриева. После войны 1812 года служил в Москве по ведомству богоугодных заведений и был пожалован чином камергера. Державин много пекся о нем: не имея детей, решил передать свою фамилию одному из своих родственников с правом наследства всего имения после смерти обоих супругов; выбор поэта пал на Александра Львова, но тот отказался, говоря, что недостойн такой чести и что не будет знать, куда деваться от стыда. Также Львов чрезвычайно страдал близорукостью, что и родило в Державине однажды желание женить его на жившей у него в доме девице Вере Петровне Лазаревой, тоже близорукой, но этот брак разошелся (она вышла за Петра Петровича Львова, двоюродного дядю Александра).

Среди бумаг Державина сохранился ответ Куракина, опубликованный Я. К. Гротом (*Державин, VI. С. 371—372*), датированный 20 ноября 1801 года, где князь просит переписать прошение с указанием возраста Львова и обещает исполнить просьбу (что он впоследствии и вправду выполнил).

[Приложение 3].

Отпуск ответа А. Б. Куракина к Г. Р. Державину от 21 июля 1802¹.

Его Высокопрев<осходительст>ву Г. Р. Державину.
Доставленную от вашего высокопр-ва записку к Генерал Про-

курору² а от него ко мне препровожденную в следствие Высочайшего Соизволения от меня Ему объявленного, о удовлетворении Г-на Арстейнера³ по его вексельному иску на Гр-фе <так!> Гр. Ив. Чернышеве, приказал я перевезти на французской язык и поелику от имени помянутого Арстейнера дана по сему делу доверенность находящемуся здесь Коммерции-Советнику Бергину⁴; то я и счел нужным препроводить ее к нему с тем чтобы он по Содержанию той записки сделал с своей стороны нужные по сему обстоятельству возражения на все заключенные в ней Статьи в следствие чего и получил я от него прилагаемую при сем записку, с тремя следующими к ней приложениями объясняющими настоящее положение требования его.

Я нахожу, что кажется можно на основании оных приступить к окончанию единожды навсегда сего столь долгое время продолжающегося дела и что ваше высокопревосходительство и сами усмотреть изволите что по теперешнему курс гульденов голандских и венских большой розницы не состоит. и что в Вене все обороты денежные считаются не голандскими, а тамошними гульденами, то самой удобной представляется случай и для пользы Гр<афа> Чернышева выгодной, к совершенной разделке с помянутым Арстейнером не теряя время новым по сему делу перепискам в Вену к послу нашему Графу Разумовскому⁵ обратиться. Сообщая вам М<илостивый> Г<осударь> мой таковое мнение мое по сему предмету, буду я ожидать вашего на то отзыва и ласкаясь что оно послужит к прекращению впредь всякаго обоюдного попечения нашего по сему делу, пребываю, &. &.

¹ ОПИГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 993. Л. 249об–251. Писарский.

² Имеется в виду генерал-прокурор Сената Александр Алексеевич Беклешов (1743–1808).

³ Имеется в виду знаменитый венский еврей и банкир Иосиф фон Арнштейн (Arnstein), пожалованный в 1783 году баронским достоинством Свя-

щенной Римской империи. Он был знакомым князя Александра Борисовича.

⁴ Бергин Иван — известный петербургский купец. Именным указом Павла I от 19 января 1798 года назначен в Кантору для внешних переводов, платежей и комиссий и ведал в ней внутренними расчетами (ПСЗ, XXV. № 18331). Затем был пожалован коммерции советником и занимался в том числе подготовкой сенатских постановлений по вопросам торговли, например в, 1803 году «Об устройстве торговой компании на Белом море, для сельдяного и другого промыслов» (ПСЗ, XXVII. С. 832). Князь Александр Борисович продал ему в 1801 году бриллиантов на двадцать тысяч рублей, а также имел с ним обширную переписку.

⁵ Граф Андрей Кириллович Разумовский (1752–1836). С 1784 по 1786 — полномочный министр в Копенгагене, с 1786 по 1788 — в Стокгольме. В 1790 году определен в Вену в помощь послу князю Д. М. Голицыну, после смерти которого в 1793 году занял его место. Скончался в Вене.

[9]. 25 июля 1802 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович.

По слову Вашего Сиятельства и милостивому расположению ко мне, племянник мой иностранной коллегии юнкер Александр Львов² отпущен был в отпуск на 28 дней с тем, что еще отсрочено будет, Он теперь с отцем³ его в Риге и не весьма здоров; а при том Еще нужно Ему время для окончания немецкаго языка. Всепокорнейше прошу ему изходатайствовать у всемилостивейшаго Государя годовой отпуск, для Вышесказанной Надобности. Нота Г<осподина> Бергина⁴, доставленная мне от Вашего Сиятельства, еще не принесена мне от перевочика. Коль скоро получу и сообщусь с возможностью удовлетворить претензию Г. Арстенберга⁵, не оставляя исполнить воли Вашего Сиятельства. — Об отпуске Львова, я ныне же просил и графа Виктора Павловича⁶. Предупреждая о сем и прося в согласном ходатайству. Пребывая с истинным высокопочитанием и таковою же преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
всепокорнейший слуга
Гавриил Державин
25 июля
1802 года
С Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 200. Л. 317—317об—318. Автограф.

² См. примечание 2 к письму 7.

³ Николай Александрович Львов (1751—1 янв1804) — ближайший друг и позже родственник Державина. Поэт, переводчик, архитектор, рисовальщик.

⁴ См. прим. 4 на стр. 159.

⁵ Имеется в виду Арнштейн, см. прим. 3 на стр. 159.

⁶ Виктор Павлович Кочубей (1768—1834) — граф (с 1799), а с 1831 — князь. Интересно, что Кочубей воспитывался в доме своего дяди — графа А. А. Безбородко, который, в свою очередь, покровительствовал Державину в екатерининское время. С 30 сентября 1801 по 2 сентября 1802 года В. П. Кочубей управлял Коллегией иностранных дел.

[10]. 7 августа 1802 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович!

На почтенное отношение Вашего Сиятельства от 20-го истекшаго июля, касательно претензии Г-на Арстейнера² на графа Григорья Ивановича Чернышева³, имею честь ответить: Я читал все приложения Г-на Бергина⁴ защищающия ту претензию, но оне мне давно известны. А потому не входя в дальнейшее объяснение сего дела удовольствуюсь токмо сослаться на мою записку, доставленную к Вашему Сиятельству от Господина Генерал прокурора⁵, ис которой видно, что сия претензия веденная судебным порядком, решением здешняго уезднаго суда позакон-

нам не уважена, почему граф Чернышев и от платежа Ея освобожден. А сверх того из бумаг самим Г<осподином> Бергиным представленных означается, что Г<осподи>н Арстейнер из венскаго правительства должен был получить положенныя Его Сиятельством в залог драгоценныя вещи по процессу с Г-м Оливииери⁶. Которой как видно и проигран был там адвокатом Моналди⁷ приятелем Г-на Арстейнера по единственному нестаранию сего последняго. Следовательно Граф Чернышев и подвергается двойным убыткам напрасно, и особливо теряя драгоценныя свои вещи без всякаго щета, коих и Г<осподи>н Бергин представлением поныне нимало не вызывается. Но однакож несмотря на все то, я охотно желаю войти с Г<осподином> Бергиным по той претензии в согласное примирение, и тем более, что как вы сами изволите объявлять, что по сомнительству в сумме венския гульдены голландских не многим числом в щоте превышают; следовательно Г<осподину>ну Бергину и хлопотать о той малости было бы ненужно. Почему я и готов преждеданное мною на то слово исполнить и прекратить сии излишния переписки. Токмо с тем, чтоб заплату сию зделать в будущем 1803-м году, а в нынешнем за учиненным уже распоряжением доходов Графа Чернышева, на уплату протчих ево долгов зделать невозможно. Сего ради Вашего Сиятельства покорнейше прошу употребить ваше старание к преклонению Г<осподина>на Бергина на примирение со мною, и чтоб он взял на себя как означенныя драгоценныя Графа Чернышева вещи доставить, так и векселя Алливиери⁸, по коим Г<осподи>н Арстейнер состоял за Его Сиятельство порукою, и кои из венскаго правительства должны бытъ ему выданы, ко мне представить.

В протчем пребываю с отличным почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя моего
всепокорнейший Слуга
Гавриил Державин
Августа 7 дня
1802-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 200. Л. 358 — 358 об. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 3 на стр. 159.

³ См. прим. 2 к письму 5.

⁴ См. прим. 4 на стр. 159.

⁵ князя А. А. Вяземского.

⁶ Оливieri — венский купец, который предъявил к графу Чернышеву несправедливый иск на сумму 6930 гульденов, зафиксированный нотариусом Меланде. (Об этом иске Державин подробно писал к графу Н. П. Панину еще 4 апреля 1800 года, см.: АВПРИ МИД РФ. Ф. 12. Оп. 2. Е.х. 298. Л. 1—1об.)

⁷ Моналди — очевидно, венский банкир.

⁸ Имеется в виду Оливieri, см. прим. 6.

[11]. 16 сентября 1802 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович,
По воле Вашего Сиятельства я имел щастие испрашивать у Государя Императора высочайшаго соизволения на напечатание в ведомостях обеих столиц грамоты, при коей пожалованы вам орден Св. равноапостольнаго Князя Владимира 1-й степени. Его Императорское Величество приняв со всемилостивейшим благоволением сие желание ваше отозваться соизволил, что по высочайшей милости к вам во всяком случае вы были бы во оном конечно удовлетворены; но как грамоты такого роду не печатаются в ведомостях, потому что оне все пишутся одинаковою формою, то вышло бы то из общего порядка и подало бы к тому пример и другим.

Между тем в ведомостях обеих столиц напечатано будет о пожаловании вас тем орденом². Имея честь сообщит о сем Вашему Сиятельству пребываю с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Гавриил Державин
Сентября 16 дня
1802 Года
Его Сия<тельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 201. Л. 97. Писарское, с подписью-автографом.

² Вопреки обещаниям, ни в Санкт-Петербургских, ни в Московских ведомостях этого сообщения напечатано не было.

[12]. 22 октября 1802 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович !
Почтеннейшее Вашего Сиятельства письмо, коим угодно было вам известить меня о получении отправленных к вам бумаг, я имел честь получить. С чувствительнейшею благодарностию приемлю удостоверение в искреннем и благосклонном ко мне расположении Вашего Сиятельства и сохраняя навсегда отличное к достоинствам вашим уважение, постараюсь самым опостом показать искреннюю к Вашему Сиятельству преданность и не прменяемое почтение, с коим имею честь быть
Милостивый Государь Мой!
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Гавриил Державин.

№ 354.

Октября 22 дня 1802 года.

Его Сият<тельст>ву Князю А Б Куракину
в Велье².

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 202. Л. 251—251 об. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду село Велье (иначе Вельё) в Опочечком уезде Псковской губернии. В 1777 году имение Велье было пожаловано князю Г. А. Потемкину, в 1780 году там побывала Екатерина II и будто бы решила построить дворец. В 1782 году императрица пожаловала Велье, с согласия Светлейшего, А. Д. Ланскому, который заказал Д. Кваренги проект дворца. После смерти Ланского в 1784 году оно было взято в казну.

В 1796 году Павел I в день своей коронации пожаловал волость Велье братьям князьям Александру и Алексею Куракиным, а император Александр I 12 февраля 1802 года дал на нее жалованную грамоту. В 1804 году князь Александр Борисович, предварительно переселив часть крестьян в село Павловское-Куракино Городищенского уезда Пензенской губернии, продал это имение в Удельное ведомство. Еще до начала XX столетия в Велье существовала березовая роща под названием Куракинской.

[13]. 24 декабря 1802 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович,

По всегдашнему уважению моему к Вашему Сиятельству совершенно лестны для меня все изъявления в почтенном письме вашем, полученном мною чрез Г. Молчанова². Примите, Милостивый Государь мой, искреннюю мою благодарность за оныя и в месте истинное мое уверение, что я сердечно готов на всякия по мере моей возможности доказательства моих преданных и почтительных к вам чувствований. В разсуждении дела Вашего Сиятельства о рыбных астраханских ловлях я ничего еще не могу сказать вам, кроме того, что сюда ожидается Астраханский

Гражданский Губернатор Князь Тенишев³ для нужных объяснений об оных; что же касается до польз ваших по сему делу на предполагаемые вами случаи, о коих известен и Государь Император, то я ничего конечно не упущу к оправданию вашей ко мне доверенности, сколько то от возможности моей зависеть будет.

Имею честь быть с отличнейшим почитанием и преданностию.

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Гавриил Державин
в С. Петербурге
декабря 24 дня
1802 Года

Его Сия<тельст>ву Князю А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 198. Л. 87 — 87об. Писарское, с подписью-автографом.

В этом и последующих двух письмах речь идет по поводу тяжбы об астраханских рыбных ловлях. Суть ее в следующем: 10 апреля 1797 года именным указом императора Павла I братьям князьям Куракиным в вечное владение были пожалованы «астраханские рыбные ловли и казенные учуги», находившиеся с 1762 году на содержании у астраханского купечества. В результате недовольств местных помещиков тем, что из-за учугов рыба не может входить из Каспия в устье Волги, в 1802 году в Сенате было возбуждено дело об отмене монополии князей Куракиных на астраханские рыбные ловли. Несмотря на все тщания князя Куракина, 27 августа 1802 года все-таки был подписан именной указ о предоставлении всех каспийских рыбных ловель в общее употребление. Причем это решение Сената прежде всего основывалось на мнении, поданном Г. Р. Державиным (*Державин, VII. С. 379—381*), где он высказывался за отмену монополии.

Стоит объяснить, что учуги — это «тын поперек реки, для непропуска и улова рыбы, особ. красной, которая по весне идет вверх по реке, и останавливается учугом» (*Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Спб-М, 1909. С. 1121*).

² Молчанов Петр Степанович (1772–1831) — сенатор, тайный советник, член комиссии прошений, затем статс-секретарь Александра I у принятия прошений и управляющий делами комитета министров. Вышел в люди благодаря князю Александру Борисовичу, у которого служил управляющим еще в Надеждине (там в числе усадебных построек был «дом Молчанова»).

² Князь Дмитрий Васильевич Тенишев (1769-?). Действительный статский советник, сперва казанский вице-губернатор, а потом (в 1802–1808 годах) астраханский гражданский губернатор и управляющий в астраханской экспедиции соляных запасов, с 1809 года в отставке.

[14]. 14 апреля 1803 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович,

Я имел честь получить письмо Вашего Сиятельства, которым приносите вы жалобу на причиняемые Астраханскими присутственными местами и чиновниками несправедливости и притеснения находящемуся в Астрахани поверенному о делах ваших рыбных ловель. Для доставления законного вам удовлетворения предписал я тамошнему Губернскому Прокурору², чтоб он вошел в рассмотрение всех обстоятельств, содержащихся в приложенной при письме вашем записке и употребил бы по должности своей в пользу вашего поверенного надлежащее в присутственных местах настояние, о сем извещая вас пребываю с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Гавриил Державин

С. Петербург

Апреля 14 дня

1803 года

Его Сия<тельст>ву Князю Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 204. Л. 311. Писарское, с подписью автографом.

² Астраханским губернским прокурором тогда был Никифор Амвросиевич Кузнецов, надворный советник.

[15]. 15 июня 1803 года¹.

Милостивый Государь Мой Князь Александр Борисович!

В почтеннейшем отношении от 19-го минувшаго марта, Ваше Сиятельство, жаловались на причиняемые Астраханскими присутственными местами и чиновниками несправедливости и притеснения по делу вашему о рыбных ловлях. Почему тогда же от меня сделано было надлежащее предписание Астраханскому Губернскому Прокурору²; от коего получил ныне рапорт объясняющий, что Губернское Правление, поручило Уездному Суду, разобрать Дело немедленно судебным порядком, для чего изтребовать не токмо подлежащие документы, но и на самом месте зделать изыскание, взяв в рассмотрение и последовавшие по делу тому упущения; До решения же дела возвратить ловли, в такое владение, как они по назначению казенной палаты были отведены.

О чем долгом ставя известить Ваше Сиятельство, с совершенным почтением и таковою же преданностию пребываю

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя Моего

Покорнейший Слуга

Гавриил Державин

№ 4114.

Июня 15 Дня

1803 года.

Его Сия<ельству>ву Князю А. Б. Куракину в Москве.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 207. Л. 259 — 259об. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 2 к предыдущему письму.

[16]. 14 октября 1804 года¹.

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович.

В севоднешной высокотожественной праздник², желал было я всенижайшее мое Ея Величеству всемилостивейшей Государыне принести в Гадчине <!> Поздравление; но встав зделался так болен, что должен был принять лекарство, и для того в надежде милостиваго Вашего Сиятельства ко мне расположения покорнейше вас прошу, ежели удобный случай будет, довести до сведения Ея величества мое усердие. Пребывая впрочем с истинным почтением и чисточердечною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
всепокорнейший Слуга
Гавриил Державин
14 октября
1804 года
С. Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 218. Л. 220 — 220 об. Автограф.

² 14 октября — день рождения императрицы Марии Феодоровны (1759–1828).

[17]. 12 января 1806 года¹.

Милостивый Государь Мой
Князь Александр Борисович

С самага воскресенья был весьма нездоров, не мог сдержать своего слова и представить лично во вторник Вашему Сиятельству переведенных на немецкий и французский язык стихов моих. Теперь оныя препровождая первья печатныя², а вторья песьменныя³ и при них песнь на прибытие Государя Императора на немецком⁴. Покорнейше прошу Вашего Сиятельства по предварению вашему, все милостивейшей Государыне императрице матери поднести⁵. Завтра на бале ест ли только смогу лично благодарить буду Вашего Сиятельства за сию оказанную мне милость. Пребывая между тем с отличным почтением и преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший Слуга
Гавриил Державин
12 генваря
1806 году.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 129–129об. Автограф. В верхней части л.129 карандашная запись рукой М. И. Семевского: «Списано для «Рус<ской> Ст<арины>» с разрешения 7 Авг 1891 г. М. С».

² Речь идет о стихотворении «Глас санктпетербургского общества...», сочиненном в 1805 году по поводу рескрипта императора Александра военному генерал-губернатору Петербурга С. К. Вязмитинову от 29 ноября 1805 года, в котором государь выразил свое благоволение столичным жителям за их «усердные отзывы и добрые желания», сопровождавшие государя к армии перед сражением при Аустерлице, но которым, увы, не суждено было оправдаться. Книга была издана в четвертую долю листа, без указания даты, с параллельным немецким текстом:

«Глас Санктпетербургского Общества по случаю высочайшего благоволения, объявленного ему главнокомандующим ноября 29 дня. Stimme des Publikums von St.Petersburg bey Gelegenheit des Allerhöchsten Gefallens, welches demselben durch den Oberbefehlshaber den 29 November bekannt gemacht worden. Спб., При Императорской Академии наук. <1805>» — 11,[3] s. На четных страницах помещен русский текст, на нечетных — немецкий перевод, выполненный офицером на русской службе Карлом Вольдемаром фон Брюммером и подписанный «Aus dem Russischen von Carl Woldemar von Brümmer»; кроме того, переводчик на последних трех нумерованных страницах поместил собственное стихотворение.

Настоящее письмо позволило окончательно датировать выход в свет этого издания, поскольку поэт в своих Объяснениях (*Державин, III. С. 697*) пишет: «напечатана в первый раз 1807 на особых листках <т. е. отдельным изданием — П. Д.>», а граф М. А. Корф, составляя картотеку державинских переводов, дал этому изданию следующую характеристику: «Стихотворение это было писано Державиным в 1805-м году, в котором, без сомнения, напечатана и эта книжка» (*Державин, IX. С. 513*). Эта хронологическая несообразность легко разрешается публикуемым письмом и указанием Я. К. Грота при вступлении к Объяснениям Державина, что «...память изменяет ему в определении годов...» (*Державин, III. С. 590*).

³ Здесь, судя по всему, упоминается французский прозаический перевод того же стихотворения, так и оставшийся неизданным. О существовании такого говорит Я. К. Грот в комментарии к русскому тексту Гласа: «В бумагах поэта попался нам и рукописный французский перевод в прозе» (*Державин, II. С. 574*).

⁴ Видимо, речь идет о рукописном переводе некоего стихотворения Державина, посвященного возвращению Александра I в Петербург после проигранного Аустерлицкого сражения (государь возвратился в Петербург 21 декабря 1805 года в 4 часа утра), однако среди произведений поэта такого текста либо указаний на него нам отыскать не удалось.

⁵ Императрица Мария Феодоровна (1759–1828), вдова Павла I.

[18]. 27 марта 1807 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович!

Имею честь препроводить Кантату, которую вчера же вам обещал². Извините, что не в переплете. Во время болезни вашей я думаю поднес Его и Государыне Императрице Матери Александр Николаевич Голицын³. Присовокупляю здесь для любопытства вашего и письменную молитву, которая еще никому неизвестна⁴. Пребывая с истинным высокопочитанием и таковою же преданностию,
Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга
Гавриил Державин
Марта 27 дня
1807 года.

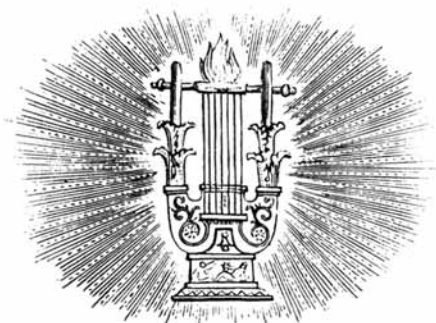
¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 247. Л. 83. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду следующее сочинение: Персей и Андромеда, Кантата на победу, одержанную Русскими над Французами, и стихи на выступление в поход Гвардии. Спб. 1807. -[6 с.] 4-о. Эта кантата написана на победу в сражении при Прейсиш-Эйлау 27 января 1807 года.

³ Князь Александр Николаевич Голицын (1773–1844) — министр Народного Просвещения, обер-прокурор Святейшего Синода, Канцлер капитула Российских императорских и царских орденов. Основатель Библейского общества, масон. Был любимцем императора Александра I.

⁴ Речь идет о стихотворении «Молитва по высочайшем отсутствии в армию его императорского величества». В том же году оно было напечатано отдельным изданием: «Молитва по Высочайшем отсутствии в Армию Его Императорского Величества 1807 года марта 16 дня сочиненная Г. Р. Державиным, положенная на музыку Нейкомом» (Спб, при Императорской Академии Наук, [1807]. — [4]с). Указание на музыкальное переложение

происходит от того, что Молитва в том же году была положена на музыку австрийским композитором Сигизмундом Нейкоммом и исполнялась в Филармоническом обществе придворными певчими (этим композитором была сочинена музыка и к нескольким другим сочинениям Державина). Ноты к Молитве были напечатаны Гротом в приложении к последнему тому собрания сочинений (*Державин, IX. С. 5–13 второй пагинации*).

Сергей Герасимович
Домашнев

Сергей Герасимович Домашнев (1753—1795) познакомился с князем Александром Борисовичем около 1773 года. В начале июня месяца князь приехал из-за границы, а после свадьбы Павла Петровича и Наталии Алексеевны в начале октября 1773 года по указу государыни Домашнев был отправлен ко двору прусского короля Фридриха Великого с сообщением о женитьбе цесаревича. Таким образом, они, вне всякого сомнения, должны были увидеться. Вернулся Домашнев в Петербург вместе с флотом своего покровителя графа А. Г. Орлова-Чесменского, где 11 июля был назначен директором Академии наук. Домашнев, подобно князю Куракину, был избран в Королевскую Академию в Стокгольме. В январе 1783 года Домашнев получил отставку, чему предшествовала необыкновенной силы «борьба», а попросту масштабная свара академиков и директора, о которой мы говорили в разделе, посвященном И. И. Богаевскому; прочувствовать эту чисто академическую атмосферу можно, прочитав приложенное в конце раздела письмо.

Все послания, направляемые к князю Куракину, были им написаны в бытность директором Академии. Первая записка к князю датируется 19 июня 1777 года (АКК, IX. С. 363, на французском). Завершает их корреспонденцию письмо от 3 января 1783 года, когда Домашнев уже почти оставил дела при Академии.

[1]. 1 июня 1779 года¹.

Препровождая сим к Вашему Сиятельству записку о деле Г<осподина> профессора Безака² покорнейше прошу соединить милость с неразлучным от вас правосудием в скорейшем предложении сего дела чем одолжите Ваше Сиятельство честного и добродетельного человека в лице профессора Безака с коим разделит чувствительность его и благодарность Вашего Сиятельства покорнейший и послушнейший слуга

С. Домашнев

1 июня 79.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 457. Л. 157. Автограф.

² Безак Христиан Христианович (Besack, Gottlieb Christian; 1727–1800). Уроженец Пруссии, сын пастора. Учился в Лейпцигском университете и в звании магистра философии приехал в 1760 году в Петербург, где поступил на службу профессором исторических и нравственных наук в Сухопутный Шляхетный кадетский корпус. Под руководством И. И. Бецкого принимал деятельное участие в преобразовании учебной части корпуса, за что был неоднократно поощряем. Также является автором русских и немецких сочинений. Домашнев, скорее всего, просит от решения дела Безака в Сенате.

[2]. 24 апреля 1781 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Для некоторой Академии надобности нужны справки о покойном Сенаторе Василье Евдокимовиче Адодурове⁴ как о бывших его в чинах происхождениях, так и ежели употребляем он был в какия либо особливия комиссии к исправлению порученных дел. В сем случае позвольте мне Ваше Сиятельство иметь к вам прибежище по сугубой причине и по известному вашему способствованию во всех делах, так и по особой милости ко мне, которая столь мне драгоценна, сколь мое оной признание и особое к вам почтение истинно и отменно.

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейший и послушнейший
слуга С. Домашнев
Апреля 24го дня
1781го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 127. Писарское, с подписью-автографом.

² Адодуров Василий Евдокимович (1709–1780) — почетный член Академии наук, действительный тайный советник. Внес значительный вклад в развитие русского языка и регламентирование языковых норм, известен как переводчик (переводы его см.: СК, I. №№ 575, 1529, 1530; II. № 3282; III. №№ 8481, 8485, 8489, 8496, 8567, 8568). Первым из русских воспитанников Академии наук в 1733 году получил звание адъюнкта по кафедре высшей математики у Л. Эйлера. В 1744 году был пожалован тайным советником и назначен преподавать русский язык будущей императрице Екатерине II, которая при восшествии своем на престол назначила его куратором Московского университета и президентом размещавшейся в Москве Ману-

фактур-коллегии. В 1778 году не без участия Домашнева был избран почетным членом Академии Наук.

[3]. 3 января 1783 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Ухватывая всевозможныя случаи изъявить вам усердие мое и преданность в недостатке больших пользуясь хотя принесением вам календаря² возобновить о себе в памяти вашей и повторить вашему сиятельству свидетельство искреннейшаго и непременнаго моего почтения с коим навсегда и пребываю

вашего сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейший и послушнейший слуга
Сергей Домашнев

СПбург
3 генв. 83.

Припроведивши при сем другой покорнейше прошу поднести Его Сиятельству милостивому государю графу Петру Ивановичу Панину⁷. особливим письмом трудить Его я не осмеливаюсь из особливаго уважения и высокопочитания.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 460. Л. 75. Автограф.

² Здесь Домашнев имеет в виду следующее издание: Календарь или месяцеслов на лето от Рождества Христова 1783, содержащее 365 дней, сочиненный в знатнейшия места Российской Империи. Спб. При Императорской Академии Наук. [1782]. (Описание см.: СК, IV, 404).

Этот выпуск календаря готовился в 1782 году и был возвращен в Академию Наук редактором академиком С. Я. Румовским в июле 1782 года, но его печатание, несмотря на протесты академиков, было задержано Домашневым для внесения дополнительных изменений в корректуру.

³ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) — генерал-аншеф, покоритель Бендер.

[Приложение].

Письмо С. Г. Домашнева к князю А. Б. Куракину, <декабрь 1781 года¹>.

Это послание, сохраняющееся среди бумаг князя, должно было войти в третий том издаваемого князем Ф. А. Куракиным исторического сборника «XVIII век», но издание не осуществилось. Тогда хранитель куракинского архива В. Н. Смольянинов напечатал письмо с сокращениями в 1911 году в сборнике «Старина и Новизна»². Написано письмо на плохом французском (применительно к тому времени, можно сказать, просто-таки на ломаном). В виду крайнего интереса письма мы решили напечатать его здесь в полном виде, с переводом. Правописание французского текста было поправлено.

Mon Prince,

La noblesse des sentiments et la fazon de penser qui vous caractirisent et qui vous rendent aussi cher que respectable a tous ceux qui ont l'honneur de vous connaotre, vous prissentent a l'esprit le premier dans tous les cas ou les droits de la vйritй et de justice sont blessйes. Cette opinion gйnйrale que vos qualitts inspirent a tout le monde, est une certitude et une assurance la plus parfaite pour moi qui a l'avantage d'кtre en possession de vos bontйs depuis longtemps. Cela redouble encore le motif que j'ai de rйclamer votre amour pour la justice dans un cas injustement oppressif. Le Sйnat d'apris la dйnonciation de quelques professeurs le rebut de deux Academies est intervenu dans l'arrangement que mon devoir m'a fait faire a deux Acadйmies, il en rйsulte, mon respectable

Prince, que je suis peut-être le seul dans l'Empire qui est jugé sans être entendu et au détriment duquel on a écarté tout ce que l'ordre le plus simple prescrit. Que n'a-t-on demandé l'acte par lequel ces arrangements sont faits! On y aurait vu les raisons indispensables. Comment m'aurais-je justifié si dans le même temps ne pouvant pas obtenir pour 15 ans le compte pour plus de 200 000 roubles formant le capital de l'Académie accumulé depuis 50 ans, comment pourrais-je leur confier plus longtemps la recette s'ils y arrivent droit à la bonne heure, mais ils n'en ont point d'autres que ma confiance, puis-je la donner si le sentiment y répugne à des gens convaincus des plus grandes malversations. Mon prédécesseur a payé 3000 roubles pour la librairie où il y avait un grand déficit. J'ai voulu le prévenir ou plutôt l'arrêter, car l'argent est partagé entre Stelin et Roumovsky et pour le cacher il n'y a pas de traces des livres depuis 1767. L'honneur, la réputation de l'Académie m'ont inspiré pour y remédier les moyens les plus doux. J'ai déjà payé 15 mille roubles d'anciennes dettes de l'Académie. Mais cela enhardit les malheureux, et ce qui est inconcevable, ils trouvent la protection la plus forte dans les affaires d'une si grande évidence contre eux. Il a donc fallu que je mets au jour les indignes manœuvres de ces savans voleurs. Des preuves trop nombreuses pourraient anéantir ces malheureux si j'aurais pu m'empêcher d'être indigné de cette triste et humiliante victoire. Je les méprise autant qu'ils le méritent. Tout ce que crois devoir à moi-même, c'est de donner une idée de cette affaire à des personnes que j'estime et respecte — il est honteux pour le corps aussi respectable que l'Académie doit l'être d'avoir dans son sein des gens si méprisables et si vils. Mais ce qui me force le plus de vous en faire confidence, mon respectable Prince, c'est la persécution que le Professeur Roumovsky fait éprouver à tous ceux qui en remplissant leurs

devoirs vont par la voie différente de la sienne. C'est pour ne pas les sacrifier que je réclame votre protection pour eux, mon Prince. L'estime aussi haute que sentie que j'ai pour vous, vous rendront toujours le dépositaire naturel de mes sollicitations et de mes droits en tant qu'ils sont conformes à la vérité et à la justice. Leurs intérêts sont les vôtres et la connaissance, la conviction que j'ai de vos sentiments seront toujours une de plus grandes consolations de ma vie civile.

Agreez, mon Prince, les assurances de l'estime sincère et respectueuse avec laquelle je suis à jamais votre très humble et très obéissant serviteur

Domaschneff

Pour vous donner, mon Prince, un échantillon des mœurs de ces gens-là, je vous dirai qu'un jour j'ai vu le professeur Kotelnikoff tomber à mes genoux me présentant une lettre. Ce que c'était? C'était un aveu qu'il faisait. Disait-il d'un tort à mon égard, sans qu'il sache en quoi il consistait parce que Roumovsky l'ayant invité chez soi, l'a fait boire et lui a fait signer un écrit. Tout ce dont il se rappelle c'est qu'il y ait beaucoup d'injures contre moi. Mais est-ce le seul cas? En dernier lieu on m'écrit que le secrétaire de la commission a fait mettre un écrivain à la place de président. Un procédé pareil ne ressemble-t-il pas à des gens qui se croient être au cabaret plutôt que dans une chambre d'audience.

[Перевод:]

Любезный князь,

Благородство чувств и способ мыслей, вам присущие и почтение вызывающие у всех, кто имеют честь вас знать, вас на ум приводят всякий раз, когда попораны бывают права истины и справедливости. Сие мнение всеобщее, кое достоинства ваши всему

свету внушают, есть и для меня истина неопровержимая, ибо давно уже милостями вашими я обласкан. Тем больше оснований у меня уповать на любовь вашу к справедливости, ибо обижен я неправедно. Подали несколько профессоров на меня донос сенату³, и по сему доносу условия мои с двумя академиями⁴ резко разорвали, из чего следует, почтеннейший князь, что, возможно, один лишь меня во всей Империи осудили, не выслушав, и с нарушением всего, что самый простой порядок предписывает. Отчего же не затребовать было бумаги, по какой условия эти заключены были! Сделались бы ясны обстоятельства необходимые. Мог ли я оправдаться, ежели в то же самое время за пятнадцать лет счетов не мог добиться о расходе 200 000 рублей, кои капитал Академии, за 50 лет накопленный, составляют, как мог я долее выручку им доверять, ежели право доступа к ней издавна имели, но право сие на одном лишь доверии моем основывалось, могу ли доверить выручку таковым людям, кои в величайших злоупотреблениях изобличены, и сердце мое от них отвращается! Предшественник мой 3000 рублей заплатил за книжную лавку, в коей обнаружили большие недостатки. Захотел я его предупредить или, скорее, остановить, ибо деньги делят между собой Штелин⁵ и Румовский⁶, а дабы никто о сем не знал, нет и следов расходных книг после 1767 года. Ради чести и славы Академии решился я действовать средствами самыми мягкими. Старых долгов Академии заплатил я уже 15 000 рублей. Однако несчастным сие лишь дерзости прибавило, самое же непостижимое, что в сих делах, где неправота их вопиет, находят они покровительство самое могущественное. Пришлось мне недостойные проделки сих ученых воров громко обличить. Доказательства бессчетные могли бы сих несчастных погубить, воспрети я себе возмущаться сей победой, печальной и унижительной. Презираю я их так, как того они заслуживают. Долгом своим одно почитаю — о деле сем поведать особам, коих уважаю безмерно, ибо постыдно для

собрания столь почтенного, каковым Академии быть надлежит, членами своими иметь людей столь презренных и подлых. Более же всего побуждают меня обо всем вас известить, почтеннейший князь, те гонения, коим профессор Румовский всех тех подвергает, кто его путем не следуют, ибо долг свой исполняют. Ради их безопасности и молю я вас, любезный князь, почтить их вашим покровительством. Уважение столь же искреннее, сколь и глубокое, кое питаю я к вам, заставляя меня будет всегда к вам обращаться просьбы о защите их прав, ежели не оскорбляют они ни истины, ни справедливости. Их интересы суть ваши, уверенность же моя в ваших чувствах пребудет вечно одним из величайших утешений моих в жизни гражданской.

Примите, любезный князь, уверения в искреннем и почтительном уважении, с коим имею честь быть

Вам покорнейший и почтительнейший слуга
Домашнев

Вот вам, любезный князь, образчик нравов сих людей. Однажды падает профессор Котельников⁷ предо мной на колени и мне вручает письмо. Что же в нем? Признание. Обвинял он меня в проступке, не зная, в чем сей заключается, ибо Румовский его к себе зазвал, напоил и бумагу подписать заставил. Одно лишь то помнит, что было в бумаге сей много оскорблений на мой счет. Да мало ли таковых случаев! Недавно сообщили мне, что секретарь комиссии⁸ писаря на место председателя усадил. Поступают так люди, коим не в зале заседаний быть пристойно, а в кабаке.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454 («Письма от разных особ 1781 года»). Л. 465 — 468. Автограф. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной. Датируется по содержанию.

² Старина и Новизна: исторический сборник. Кн. XIV. М. 1911. С. 109—111, без указания даты.

³ Речь идет о «Покорнейшем рапорте», довольно объемном, который подали 3 ноября 1781 года в Сенат члены Академической комиссии — академи-

ки Румовский, Штелин и Котельников (опубл.: Русская Старина. Спб. 1896. №9. С. 484–490). После этого рапорта на сторону академиков встал генерал-прокурор князь А. А. Вяземский, что и решило дело не в пользу Домашнева.

⁴ Домашнев говорит об Императорской Российской Академии и Императорской Академии наук.

⁵ Штелин Яков Яковлевич (1709–1785) — академик по кафедре поэзии и красноречия.

⁶ Румовский Степан Яковлевич (1734–1812) — астроном, академик, позднее вице-президент Академии наук.

⁷ Котельников Семен (Симеон) Кириллович (1723–1806) — математик, академик, затем почетный член Академии наук.

⁸ Секретарем комиссии был Штелин, упоминаемый секретарь — очевидно Василий Басов, по крайней мере им в качестве секретаря подписан документ, помещенный нами в разделе настоящей книги, посвященном И. Богаевскому (см. стр. 104).

Герасим Степанович
Лебедев

Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) является основоположником изучения в России новоиндийских языков. Его заслуги в области изучения живых индийских языков и санскрита неоспоримы. Знакомство Герасима Лебедева с князем Александром Борисовичем Куракиным состоялось в 1782 году, во время путешествия Павла Петровича и Марии Феодоровны под именем графов Северных по Европе; причем князь Куракин и его близкий друг протоиерей А. А. Самборский, сопровождавшие Северных, отнесли к Лебедеву с наибольшим участием. Именно благодаря этому благорасположению Лебедев в 1799 году смог воспользоваться покровительством русского посланника в Лондоне графа Семена Романовича Воронцова.

В 1782 году в Этюбе близ города Монбельера (там Северные со свитой находились с 21 июля по 21 августа) князь Куракин написал Лебедеву рекомендательное письмо для вручения графу С. Р. Воронцову. Но воспользовался Лебедев им только в 1797 году, когда приложил копию с него при своем письме графу из Калькутты от 23 июля, а оригинал

вручил лично в Лондоне только 15 февраля 1799 года. (Напеч. в кн.: Русско-индийские отношения в XVIII в. М. 1965. С. 487–488).

[1]. 11 (27) июня 1801 года¹.

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Я при первом случае с наивысочайшим почтением препровождаю Вашему Сиятельству, напечатанную мною в Лондоне Грамматику не смешанных и смешанных Восточной Индии диалектов, произшедших от шамскритского языка, и на Англинском²; и как патриота со отечественников, прошу Ваше Сиятельство оную принять и меня воспокровительствовать.

Она в Лондоне уже многими разных Класов Учоными и почтенными жителями от меня куплена, и признана новым откровением для того что оной начальных правил из Европеицов прежде ни кто не мог выразуметь. И как надеюсь будет Употребительна в Россииских Академиях, и для Государственного сношения с народами разных Азиатских наций: я по усердию души моей дерзаю препроводить при сем одну к Государю Императору, и всеижеише Ваше Сиятельство прошу оную с проспектусом³ повергнуть Его Императорскаго Величества пред стопы, ради польз Его Верноподданных, которым он по воле всенаипремудраго творца светов, как и всенаипресветлейшия Его прародители Умножает Благосостояние, и трудолюбцам за вножение⁴ Благодарит живот⁵.

В сопровождаемом проспектусе Ваше Сиятельство изволите увидеть, я намерен публиковать наидревнейших Брамгней хронологию⁶; и по находящимся в оном объяснениям, о первоначальных и всенаиважнейших преданиях, я надеюсь Ваше Сиятельство

изволите признать, оной публикация Моя достойна покровительства Государя Императора Отца нашего Отечества. И чтоб сделать Разныя языки Больше известныя в России. Я того ради Ваше Сиятельство всеижеише прошу исходатаиствовать мне всемилостивейшаго Государя позволение оную пред писать Его Императорскому Величеству; и предложить, не угодноль будет приказать мне оную напечатать в Лондоне, на Россииском и на Англинском языках; И милостиво пожаловать такую сумму денег для заплат расходов при напечатании, какую Государь Благоволит.

Оне будут стоять мне не менее пяти сот фунтов штерлингов; и издание таковое, каковаго Европа до сего времени не имеет, будет при высочайшем покровительстве точно пользою и славою для всего Россиискаго Государства.

Кроме посланной Грамматики, я имею с буквами полной шамскритский Алфавет, Расположением ею он превосходит всех мне известных Европейских и Азиатских Азбукв. И так же с буквами словарь, Бенгалскую Грамматику, и Арихметику; Хронологи, Этимологи и Астрономи переводы⁷.

Для всего помянутаго Разныя системы писаны древнейшими Брамгенами в первоначальных сего света временах. И которых ради незнания шамскритского языка, Англичане не могут выразуметь; хотя оне и установили в Калкоте общество для Узнания Азиатских Наук, и Художеств. О которых по причине объявленнаго недостатка, и ради особливых совершеннейших систем; из Европеицов, не котория о них писали по одному только наслыху от незнающих в Индии наук, и иныя только по догадкам и чрез то, во обширной Раиской той стране, переменены древнейших наиполезнейшия Народныя Учреждения, помрачили и преобразили чистой мудрости в красоту.

Удостоверить о сем свет, мне нужно только иметь для славы Россиан нашего Государя Императора высочайшее покрови-

тельство, которое я надеюсь Ваше Сиятельство благоволите мне обрести.

По прибытии моем из Индии в Лондон, было донесено переселившемуся в Вечное блаженство Государю Императору Павлу Первому (но жалею не так как бы надлежало) о желании моем публиковать все мои собрания сперва в России. И он все-милостивейше Благоволил ответом объявить, что оной будут напечатаны на казенной щот, и по продаже книг деньги пожаловал мне⁸. Но как не был уведомлен, был ли я за мои <!> ради отечественной пользы великия издержки и труды определен к месту с жалованьем, и не знав сколько Расцветаяющия Россиане Расположены покупать книги; то по прибытии из Жаркаго Климату, и по слабости изнуреннаго здоровья, без верности на содержание мое я не мог тотчас отправится от холода в замерзающей.

Помянутыя собрания в восточной Инди <!> мне Истинно стоят, Сиятельнейший Князь, более двух тысяч фунтов штерлингов, и пренаитяжелых трудов, и к сему я был определен ободрениями всенаидостоинных напоминовения великих Россииских Государей.

В трех частях света я странствовал ради услуг Государю а Государству сносил невероятныя трудности, не однократно находил в опасности мою жизнь, и растратил трудами идоставшее мне имение. При надежде получить в отечестве признание, и для сего чрез препровождаемую грамматику свидетельствую о моем Усерди, любви, и верности Государю и отечеству.

Я искренне уповаю, Ваше Сиятельство не отречется вашего знакома милостиво воспокровительствовать и исходатайствовать мне от Его Императорскаго Величества такое пристойное место в жалованьем каким Его Императорскому Величеству, и Вашему Сиятельству будет угодно меня ошастливать. И чтоб мог я возвратить несколько моих издержанных денег; обрести Его

Императорскаго Величества благоволение, на печатать оныи на казенной щот, что Его Наипрестветлейшим Родителем уже было мне и назначено⁹.

Случай позволяет мне теперь удостоверить о моей благодарности за прежде полученныя милости; и чтоб привести себя Вашему Сиятельству в память, я с неизъяснимым удовольствием должен напомянуть 1782 Года то приятное время Вашего Сиятельства в Европе путешествия во свите от шедшаго в вечное блаженство Государя Императора Перьваго Павла, в которое я имел щастие, и особливо в Момпильяре, наслаждатся Его Императорскаго Величества и Вашего Сиятельства благоприятством и милостями¹⁰; и уведомить, что Вашей персоны портрет которой при растани нашем Ваше Сиятельство благоволил мне подарить ради напоминая вояжировал со мною в Инди, и Африке, и как совершенно превосходной наилутчим сокровищам, в путешествии на морях, и в пребывании в селениях был мною с обожением храним, для того что я по бесмертию души Тебя благодетеля моего буду обожать и в бесконечности.

После растаяния нашего я скоро отправился в восточную Индию, и в ней, был 12 годов. Что там видел, слышал и написал к сему в дополнение, о! Сколько бы я был щастлив сделать персональное уведомление.

При ожидании призрения, предавая себя в Патриотическое Вашего Сиятельства покровительство и милость, с истинным моим высокопочитанием имею щастие навсегда пребыть

Сиятельнейший Князь
Вашего Сиятельства
Милостивый Государь
Всенаипокорнейшии Слуга
Герасим Лебедев.

Лондон
 $\frac{11}{27}$ июня 1801.

NB. Сие письмо послано чрез сухопутнаго Г. Куриера, и такое ж, с прошением к Его Императорскому Величеству послано чрез морскаго Куриера Господина Рикард¹¹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 194. Л. 505—506. Автограф.

² Имеется в виду составленная Г. Лебедевым грамматика калькутской формы разговорного хиндустани «The Grammar of the pure and mixed East Indian dialects, with dialogues affixed... arranged... accordity to Brahmenian system, of the Shamscrit languae... with a recitation of the assertions of Sir William Jones, respecting the Shamscrit alphabet... By Herasim Lebedeff» (London, printed by J. Skirven, for, and sold by the author Debreff. 1801).

Издание прилагается при публикуемом письме и включено переплетчиком в том корреспонденции князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 194. Л. 507—656), разрезано не полностью.

Упомянутая грамматика построена Лебедевым по собственной оригинальной схеме, в которой он использовал в основном собранный самим материал. Лебедевым была сделана попытка объединить европейскую и индийскую грамматическую традиции, наряду с европейскими грамматическими терминами он приводит и санскритские в бенгальском произношении.

При составлении Грамматики Лебедев пользовался в том числе имевшимися на тот момент пособиями по хиндустани Дж. Фергюссона и Г. Хэдли, причем экземпляр книги последнего, снабженный рукописными пометами самого Лебедева, хранится в библиотеке Института Востоковедения РАН (Headley G. A. A compendions Grammar of the Current Corrupt Dialect of the jarg on of Hindoostan... 4 ed. London, 1796. Шифр IX — 3/20).

³ Здесь говорится о рекламной печатной афише к книге, размером в откритый лист, о существовании коей ранее известно не было. Сама афиша прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 194. Л. 506).

⁴ Вероятно, имеет место неверно написанное слово «вношение» (от глаг. вносить, внашивать), которое по смыслу здесь употреблено как «вклад» или «усердие»; тогда как глаг. «вножить, внаживать» означает «вонзить, занозить».

⁵ Экземпляр Грамматики был Александру I действительно преподнесен, но это был уже другой экземпляр, а этот (как мы, собственно говоря, и видим) князь Куракин оставил у себя. Экземпляр, который дошел до императора, был приложен Лебедевым к своему прошению на имя Александра I; об

этом писал 29 января 1802 года статс-секретарь Д. П. Троцинский барону А. Л. Николаи (Русско-индийские отношения в XVIII в. М. 1965. С. 506).

⁶ Речь идет о книге, изданной Лебедевым в 1805 году в Петербурге под заглавием: «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов, священных обрядов их, и народных обычаев; собрано на Российском языке и издано жившим в Калкутте, Герасимом Лебедевым» (СПб, в типографии сочинителя). Издание посвящено императору Александру I. Одновременно издание было также выпущено на английском и французском языках.

Типография, где была напечатана эта книга, была основана Лебедевым в 1804 году и явилась первой в Европе, оборудованной бенгальским шрифтом. А первенцем этой типографии, судя по всему, является брошюра с бенгальскими стихами и параллельным русским переводом Лебедева, она состоит из [8] страниц и сохраняется среди бумаг Г. Р. Державина (ОР РНБ. Ф. 247. Т. 5).

⁷ Из указанных Лебедевым здесь сочинений до нас дошла лишь рукопись арифметики (беловая рукопись хранится в Петербурге — Институт востоковедения РАН, архив востоковедов, ф. 90, № 1/1226/1).

⁸ Действительно, обратившись в 1799 году по приезду из Индии в Лондон через нашего там посланника графа С. Р. Воронцова к Павлу I, Лебедев получил уверение в напечатании его трудов на казенный счет. Но вследствие 1) доносов на него священника лондонской миссии Я. И. Смирнова о дружбе Лебедева с якобинцами; и 2) несвоевременного ходатайства на высочайшее имя о награждении англичанина Д. Уайта за спасение русского судна, эта милость Павла I последствий на деле не имела (СРП, 2. С. 192.)

⁹ Неизвестно, ходатайствовал ли князь Куракин за Лебедева, хотя нам кажется, что нет. Уже после возвращения в октябре 1801 года в Россию Лебедевым было написано еще одно прошение на высочайшее имя, в котором он описал свои странствования и просил опять об издании на казенный счет своих переводов и трудов. Александр I повелел выделить ему на издание книг десять тысяч рублей. А в январе 1802 года был подготовлен императорский указ о присуждении Лебедеву звания профессора восточных языков и зачисления его в штат, но из-за интриг президента Академии барона А. Л. Николаи назначение не состоялось.

¹⁰ Лебедев летом 1782 года был представлен в Этюбе (провинция Монбельяра) цесаревичу Павлу Петровичу и Марии Феодоровне, путешествовавшим по Европе под именем графов Северных. Тогда же он познакомился и с князем Куракиным.

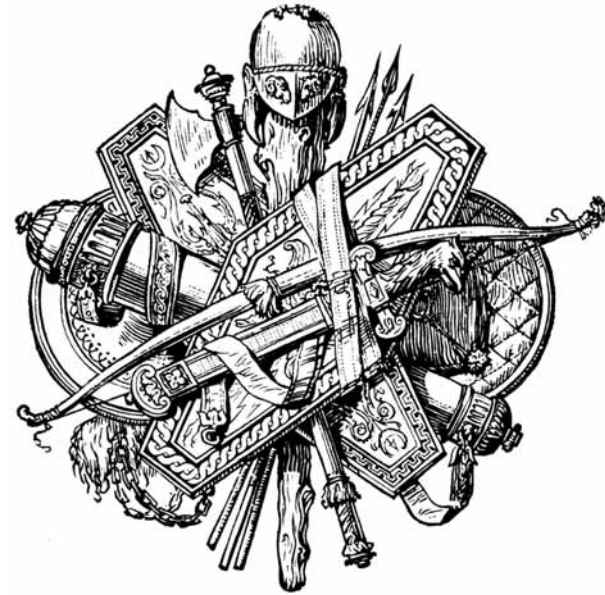
¹¹ Речь идет о лейтенанте русского флота Петре Ивановиче Рикорде (1776—1855), который путешествовал в 1810-х годах с В. Ф. Головинным и впоследствии стал адмиралом. Немногим позже — в 1803 году — он приехал в Англию в качестве волонтера и до 1806 года служил на судах английского флота.

Что касается упоминаемого послания на высочайшее имя, то, по-видимому, оно либо не достигло адресата вовсе, либо появилась еще какая-то причина, побудившая Лебедева обратиться к государю в том же году еще раз (см. прим. 8).

Павел Артемьевич
Левашов

Письма Павла Артемьевича Левашова (Левашева; 1720[?] –1820) вводят нас в многочисленное семейство князей Куракиных и их родственников, в том числе графов Паниных и Апраксиных. Павел Артемьевич Левашов, сведения о котором можно почерпнуть из приложенного к письму 18 формулярного списка, за время службы своей с 1750 по 1778 год при Коллегии Иностранных дел сблизился с графом Никитой Ивановичем Паниным, через которого познакомился с его родственниками. Это отчасти объяснялось веселым нравом Павла Артемьевича, который всегда становился душой компании — был мастером шутить и по-русски, и по-французски, а также излагал множество веселых историй, запас коих казался собеседникам неисчерпаемым.

Литературные интересы объединяли его с другой родственницей князя — княгиней Е. Р. Дашковой.

Хотя по возрасту он и годился князю Куракину в отцы, но в 1770-х годах сдружился с ним и был практически постоянным партнером его по игре в карты (а князь Александр Борисович в молодости очень уважал рокамболь, берлан и ломбер). В те же годы Левашов пытался сватать молодого князя и подыскивал ему невест, но, как известно, старания многих на этом поприще так ничем и не увенчались.

Левашов иногда посылал князю Александру Борисовичу свои произведения, например, в 1777 году рукопись книги о нашествиях татар (издано в Петербурге в 1792 году под заглавием: «Картина, или Описание всех нашествий на Россию татар и турков и тут их браней, грабительств и опустошений, начавшихся в половине десятого века и почти беспрерывно чрез восемьсот лет продолжавшихся... »).

Здесь мы печатаем 19 неизвестных писем Левашова за период с 1774 по 1804 годы, да сверх того неизвестную оду в приложениях. Наибольший интерес вызывает шестнадцатое письмо от 19 февраля 1797 года, при котором Левашов посылает оду на восшествие на престол императора Павла I. Вообще стихи Левашова пользовались известностью, а Н. И. Новиков хорошо отзывался о них в своем словаре: «Много писал лирических стихов, которые от знающих людей похвалу заслуживают» (*Новиков. С. 116*). Но по причине того, что из стихов его сохранилось лишь послание к Г. Р. Державину (РНБ, арх. Державина, т. 22. № 55. Л. 297), в современной науке вдруг устоялось мнение, что некий Павел Левашов-поэт является однофамильцем нашего Павла Артемьевича Левашова (*СРП, 2. С. 196*). Теперь этим несообразностям можно положить конец, поскольку сам Левашов в указанном письме сообщает, что он «с лишком сорока лет не писавши стихов вдруг сделался в новь поетом».

Кроме помещаемых здесь девятнадцати писем Павла Артемьевича за 1774–1804 годы, известно еще восемь его писем к князю Куракину — семь были напечатаны прежде — от 9 января 1774 года из Петербурга (*АКК, VII. С. 268*), 15 мая 1774 из Полоцка (*Там же. С. 296–297*), 27 февраля 1777 из Москвы (*АКК, XI. С. 287*), 1 августа 1777 из Дугина (*Там же. С. 394–395*), 18 августа 1777 отсюда же (*Там*

же. С. 407), от 23 августа отсюда же (*Там же. С. 411*) и отсюда же от 26 августа 1777 (*Там же. С. 412*). Последнее — восьмое известное письмо от 21 мая 1774 года хранится в собрании ИРЛИ РАН (ф. 265. Оп. 2. №1434, см. *СРП, 2. С. 196*). Сам князь в описи входящим письмам указывает на 18 писем Левашова за 1772–1782 годы (*АКК, VIII. С. 440*).

[1]. 13 января 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович

Вторичным сим моим писмом повторяю вам мое усерное желание в событии всех ваших там благих предприятий, и чтоб такое там в пользу вашу ни случилось прошу без известия меня неоставить дабы я мог по моей к вам преданности принять соучастие в вашей радости,

Присем прошу засвидетельствовать всенижайшее мое почтение Ея С<иятельству> Милостивой Государыне моей Княгине Александре Ивановне² и Е<я>. С<иятельству>. Княжне Аграфене Александровне³, також при случае удостоверить о моем особливом Глубокопочитании Е<го>. С<иятельство>. Графа Петра Ивановича⁴ и Е<я>. С<иятельство>. Графиню Марию Родионовну⁵.

Его Сиятельство Граф Никита Иванович⁶ и все наше сообщество вам известное находится в добром здоровье. Новаго ничего нет. Герцог Курляндской⁷ уехал в свою резиденцию, откуда чрез 3 недели возвратится и потом будет Его Свадьба⁸. Буде ваша собственная вас там не удержит то просил приезжать сюда поскорей

Милостивый Государь
мой Вашего Сиятельства
всепокорнейший
слуга Павел Левашов

в С. П. бург
Генваря 13 дня
1774

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 347. Автограф.

² Княгиня Александра Ивановна Куракина (1711–1786), рожд. Панина, родная сестра графов Паниных. Супруга посла в Париже обер-штальмейстера Александра Борисовича Куракина-старшего. Бабка нашего князя Куракина.

³ Княжна Аграфена Александровна Куракина (1734–1791) — третья дочь князя Александра Борисовича Куракина-старшего. Фрейлина императрицы Елизаветы Петровны, а в правление Екатерины II считалась «в отпуску». Жила главным образом в Москве при матери, Александре Ивановне; замужем не была.

⁴ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) — генерал-аншеф, покоритель Бендер, выйдя в отставку жил в Москве. Являлся одним из столпов оппозиции, ориентированной на цесаревича.

⁵ Графиня Мария Родионовна Панина, рожд. Вейдель (1746–1775) — вторая супруга графа Петра Ивановича, мать графа Никиты Петровича, отличавшаяся весьма сварливым характером.

⁶ Панин.

⁷ Имеется в виду Петр Бирон, герцог Курляндский и Семигальский (1724–1800), сын знаменитого регента Эрнста-Иоганна Бирона. Крестник Петра Великого, стал герцогом при активной помощи Екатерины II.

⁸ Он 6 марта 1774 года сочетался браком с княжной Евдокией Борисовной Юсуповой (1747–1780), причем брак этот устроен был также при помощи императрицы. Брак долго не продержался — не считая нужным сносить грубость мужа, Евдокия Борисовна развелась с ним, оставшись жить в Петербурге (к слову, так же поступила с ним и первая его супруга герцогиня Каролина-Луиза Бирон, рожденная принцесса Вальдекская).

[2]. 2 февраля 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович
Мне весьма приятное письмо ваше я к немалому моему удовольствию получить честь имел, но весьма сожалею что исполнением

ваших желаний так долго медлился, но я уповаю получить вскоре от вас приятную о том ведомость,

Его Сиятельство Граф Никита Иванович² все в добром здравии находится и все вам известное наше общество, двор вчера поехал в Царское село где сказывают пробудет недели две. В прочем здесь все старое по старому.

Смею просить засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Ея Сиятельству М<илостивой>. Г<осударине>. м<оей>. Княгине Александре Ивановну³ <!>, Княжне Аграфене Александровне⁴, Его Сиятельству Графу Петру Ивановичю⁵ и Ея Сиятельству Графине Марье Родионовне⁶. Прошу отдать мне справедливость верить что я емь с истинным моим много почтением и без пределною преданностию

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
Нижайший и покорнейший
Слуга Павел Левашов
В С. П. бург
Февраля 2 дня
1774 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 348. Автограф.

² Панин.

³ Куракиной. См. прим. 2 к письму 1.

⁴ Куракиной. См. прим. 3 к письму 1.

⁵ Панину. См. прим. 4 к письму 1.

⁶ Паниной. См. прим. 5 к письму 1.

[3]. 5 мая 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович
Завтре или непременно послезавтрева я намерен в путь мой отправится. Крайне сожалею что не могу персонально с вами про-

стится, как я Вашему Сиятельству объявлял о намерении моем, чтоб и в Москве побывать и вы мне позволили въехать к вам в дом но как оное без вашего приказания там быть не может и для того прошу пожаловать мне письмо к вашему там дворецкому или управителю. И оное письмо прислать ко мне со вручителем сего человеком моим нарочно к вам посланным вы меня тем крайне одолжить изволите. А для меня довольно будет покоя два да для людей моих один покой. Сверх сего какия будут ваши в Москву приказании я оные охотно все исполнить почитаю, и с моим не-пременным почтением и совершенною преданностию честь имею пребывать,

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший Слуга
Павел Левашов
В С. Петербурге
Маия 5 дня
1774 года
Р. С. Письмо от Его С<иятельства> Г<рафа> Петра Ивано-
вича² я получил исправно.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 349. Автограф.

² Панина.

[4]. 21 июня 1774 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович.
По претерпении в дороге разных беспокойств я сего июня 20 дня в Москву приехал несколько больной и по милости вашей въехал к вам в дом сего дня нарочную послал я естафету с письмом к Его Сиятельству милостивому Государю Графу Никите Ивано-

вичу² с покорною прозбою о позволении мне остаться здесь до первого числа июля месяца для поправления моего здоровья. Какая же на то воспоследует резолюция покорно прошу удостоить меня слугу вашего неукоснительным ответом я себя лщу что оная резолюция конечно будет милостивая.

Графа Петра Ивановича³ моего отменнаго милостивца уже имел я честь видеть, и Ея Сиятельство Милостивую Государыню Княгиню Александру Ивановну⁴ и принят от них с обыкновенною ея ко мне милостию Они меня всячески уговаривали чтоб с ними хотя дней на пять шесть остаться Неожиданно увидел я здесь и Ея Сиятельство Княгиню Наталию Александровну⁵. я сюда приехав услышел радость за радостию что Его Сиятельство Граф Никита Иванович⁶ и вы все при нем живы здоровы и веселы находитесь.

Завтра воскресенье и будет гулбище в саду. я хотя и не очень здоров однакож нарочно поеду смотреть для Вашего Сиятельства новости которые выберу к вам отпишу с описанием всех хороших качеств.

Прошу принести мое низжайше почтение Милостивой Государыне моей Марье Степановне⁷ Софии Степановне⁸ Александру Федорович⁹ Петру Федорович¹⁰, Степану Степанович¹¹ и обеим вашим братцам¹².

в прочем честь имею пребывать с особливым моим почтением
Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший и преданнейший слуга
Павел Левашов
Из Москвы
Июня 21 дня
1774 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 444. Л. 322—322 об. Автограф.

² Панину.

³ Панина. См. прим. 4 к письму 1.

⁴ Куракина. См. прим. 2 к письму 1.

⁵ Княгиня Наталия Александровна Репнина, рожд. княжна Куракина (1737–1798). С 1754 года замужем за Н. В. Репниным, после фельдмаршала. С 1794 года — статс-дама. Павел I 5 апреля 1797 года наградил ее орденом св. Екатерины I класса.

⁶ Панин.

⁷ Талызина Мария Степановна, рожд. графиня Апраксина (1741–1796), дочь фельдмаршала графа С. Ф. Апраксина. Родная тетка нашего князя Куракина. С 1763 года жена А. Ф. Талызина (см. ниже).

⁸ Не вполне ясно, кого Левашов имеет в виду. Это, конечно, не София Степановна Апраксина, которая родилась в 1798 году.

⁹ Талызин Александр Федорович (1749–1790; ошибочно годом смерти его везде пишется 1787) — тайный советник и сенатор, опекун малолетних князей Куракиных, один из пособников Екатерины II при восшествии ее на престол и впоследствии один из приближенных к императрице людей. Через свою жену Марию Степановну, рожд. Апраксину, и ее племянников князей Куракиных был в свойстве с графами Паниными. Правильный год смерти установлен по княжеской переписке.

¹⁰ Граф Петр Федорович Апраксин (1728–1811) — генерал-поручик

¹¹ Граф Степан Степанович Апраксин (1747–1827) — генерал от кавалерии, родной брат матери князей Куракиных княгини Елены Степановны (то есть дядя братьев-князей), единственный сын фельдмаршала графа С. Ф. Апраксина. Он вместе с нашим князем Куракиным учился в Лейдене. Злые языки уверяли, что он был сыном графа Петра Ивановича Панина. Граф Апраксин, наряду с нашим князем, был знаменитым дамским сердцеедом, но в отличие от князя еще был невероятным циником.

¹² Здесь имеются в виду его родные младшие братья — князья Степан Борисович (1754–1805) и Иван Борисович (1761–1827). Князь же Алексей Борисович Куракин находился в это время в Лейдене, где учился в университете.

[5]. Февраль 1776 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович.

Я посылал вчерась в банковую кантору справляться естли какая резолюция о выдаче мне моих денег, на что сказали мне что еще нет а представление в Сенат подано уже в декабре месяце прошлова года.

Потом я также посылал и в Сенат в первой департамент осведомится что учинено по представлению Банковой канторы о выдаче мне денег, там сказано что подан доклад Ея И. Вел. в прошедшем генваре месяце, но еще резолюции не последовало, между тем векселя сроки прошли и мне платить нечем: и здесь корреспондент Господина Жамеса² почти каждой день ко мне ходит и требует денги которые я у него занял на покупку деревни равно как и у вас самих. И сие зависит от Его Сиятельства Князь Александра Алексеевича³ чтоб оные денги поскорее мне были выданы: о чем покорно прошу от себя Ево Сиятельство попросить. Я au cas⁴ к нему ездил но не получил дома⁵ а ныне выехать немогу по причине моей диеты. А на дворе очень холодно.

Всего болше сожелею что не могу быть севодни у Вашего Сиятельства и воспользоваться толь приятною вашею кампаниею,

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
покорнейший и преданнейший
Слуга П. Левашов
в С. Петербурге
февраля дня
1776 года

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 240–240об. Автограф. На л. 243об. рукой Левашова написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю моему Князь Александру Барисович Куракину. в Ево доме».

² Здесь Левашов имеет в виду банкира Джона Джеймса (John James), который имел контору «Jamesz & Comp». в Москве.

³ Вяземского.

⁴ По сему случаю (фр.).

⁵ Т. е. не застал.

[6]. 2 апреля 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович
Наиприятнейшее Вашего Сиятельства письмо от 8 марта я имел честь получить будучи в моей белоруской деревне², не могу доволно изобразить сколь много оное меня обрадовало, а наипаче усмотря из того неприменность ваша ко мне милости и дружбы.

Что же принадлежит до претензий Его Сиятельства моего милостивца Князь Николая Васильевича³, то я надеюсь по возвращении моем в С. Петербург сам обо всем пространнее изъяснится и уничтожить все те слухи которые до ваших ушей дошли, между тем однакож я не менее Его Сиятельству благодарен за то что он меня еще почитает быть в состоянии делать дела приличныя вашим молодым летам. Изъевленное же ваше в сем случае обо мне сожаление покорно прошу совести тайной более для меня полезной случай. И верить, что я завсегда ваши оказуемые мне благодеяния прямою же ценою, почитать буду. Как и есмь завсегда с безпредельною моею преданностию,

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
нижайший и покорнейший
слуга Павел Левашов
В Могилеве
Апреля 2 дня
1777

Р. С. Всепокорно вас Милостиваго Государя моего прошу принести мое всенижайшее почтение Его Сиятельству Милостивому Государю моему и патрону а вашему дядюшке Гр. Н. П.⁴ и удостоить меня уведомлением о его здравии чем меня наичувствительнейше одолжить изволите, також прошу засвидетельствовать мое должное почтение Его Сиятельству милостивому Государю моему Князь Николаю Васильевичу⁵ и Ея Сиятельству М. Г. Княгине Наталье Александровне⁶ и всей ея дражайшей фамилии,

Милостивой Государыне моей Марие Степановне⁷ и Александру Федоровичю⁸, любезным вашим братцам и невестушке⁹, Степану Степановичю¹⁰, Матвею Федоровичю Кашталинским¹¹ и всем нашим общим приятелям.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 244—244об. Автограф.

² Имение Старое Село в Рогачевском уезде Могилевской губернии, рядом с польской границей, которое было пожаловано ему государыней.

³ Князь Николай Васильевич Репнин (1734—1801) — генерал-фельдмаршал, последний представитель рода.

⁴ Здесь описка Левашова, следует читать Н. И., т. е. Панину

⁵ Репнину.

⁶ Княгиня Наталья Александровна Репнина. См. прим. 5 к письму 4.

⁷ Талызиной. См. прим. 7 к письму 4.

⁸ Талызину. См. прим. 9 к письму 4.

⁹ Речь идет о всех трех братьях, в то время находившихся в Петербурге — Степане Борисовиче (1754—1805), Алексее Борисовиче (1759—1829) и Иване Борисовиче (1761—1827). Невестка может упоминаться только одна — супруга Степана Борисовича, поскольку Алексей Борисович женился на Наталье Ивановне Головиной в 1783 году, а Иван Борисович на графине Екатерине Андреевне Бутурлиной в 1788.

Супругой же князя Степана Борисовича была княгиня Наталья Петровна Куракина, рожденная Нарышкина (1758—1825) — дама весьма примечательная. После свадьбы в 1775 году она была радушно принята всей большой фамилией князей Куракиных, но через одиннадцать лет оставила мужа, страстно влюбившись в его родного дядю и первого красавца Степана Степанови-

ча Апраксина, который не устоял и ответил взаимностью. Их связь сделалась через некоторое время известной, после чего Степан Борисович, влюбившись сам в девицу Екатерину Дмитриевну Измайлову, начал добиваться формального развода, который и был утвержден Синодом в 1799 году благодаря отношению Павла I к князьям Куракиным. Причиной развода, происшедшего с согласия княгини, названа «неизлечимая болезнь» жены. Вообще решиться на развод было очень редко для высшего света того времени (поскольку для жены в данном случае это означало отказаться от почестей, блестящего положения и богатства). Необычность этого случая подтверждается тем, что позже при вопросе о разводе великого князя Константина Павловича он был принят во внимание в виду похожих обстоятельств формальной стороны дела.

¹⁰ Апраксину, о котором только что говорилось. См. прим. 11 к письму 4.

¹¹ Кашталинский Матвей Федорович (ум. после 1810). В службе с 1741 года, с 1765 года заведывал Экспедицией церемониальных дел Коллегии иностранных дел, с 1778 года обер-церемониймейстер. С 1783 — тайный советник. Павел I 25 января 1797 года пожаловал его сенатором, а 5 апреля — действительным тайным советником. Вышел в отставку по собственному прошению 26 апреля 1798 года. Имя Кашталинского известно среди первых покупателей книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» в лавке купца Г. К. Зотова.

[7]. 30 мая 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Уже с неделю времени, что я в здешнюю резиденцию приехал толико вас моего милостивца еще за отсутствием вашим видеть не удостоился.

Имея же неутолимое желание как наискорее увидеть Ваше Сиятельство, покорно прошу прислать ко мне билет для приезда в Царское Село, получа которой я тотже день нарочно к вам туда приеду, естли толко сие вас неможет беспокоить, а я к вам из Москвы имею множество поклонов отправить. В ожидании же сего толь приятнаго для меня момента честь имею быть с неограниченною преданностию.

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
Нижайший и покорнейший Слуга
Павел Левашов
в Санктпетербурге
Маия 30 дня 1777 года.

P. S: для получения же от рук ваших билет я нарочно послал вручителя сего моего человека, знак что мое желание видеть Ваше Сиятельство очень велико.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 245—245об. Писарское, подпись и постскриптум — автограф.

[8]. 2 июня 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Никогда бы я нечаял видеть себя лишенным удовольствия в такой малой прозбе, ибо почти все кто хочет здесь в городе даже и купцы билеты получают, а я надеелся тем наискорее получить онои чрез Ваше Сиятельство но в надежде моеи краине обманулся. Мне не столко прискорбно сие что я ныне принужденным нахожусь к кому другому адресоватся для получения билета, как то что чрез оное предвижу я сколь мало и впредь могу я возлагать на вас надежду в случаях болшей для меня важности, но невзирая на все то я как был и есмь, и завсегда пребуду с неперменным моим почтением и совершенною преданностию

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга
Павел Левашов

в Санктпетербурге
июня 2 дня
1777 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 255—255об. Писарское, с подписью-автографом.

[9]. 28 июня 1777 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович !
Зная сколько вы любите деда Вашего Его Сиятельство Графа Никиту Ивановича² и потому я за долг себе поставляю уведомить Ваше Сиятельство каким образом препроводили мы с ним наш путь и в Дугино³ приехали.

Выезд наш из Санктпетербурга как памятно и вам был с довольно хорошим дождем, которой сопутствовал с нами во всю нашу дорогу целые двенадцать дней и был нам почти несносен тем наиболее что дорогу весьма испортил, особливо от Санктпетербурга до Нова Города, которая уже и без того между найдурнейшими света дорогами справедливо почитается может. Однакож невзирая на все то Его Сиятельство Граф Никита Иванович и мы все находящиеся при нем здраво и благополучно тринадцатым днем в Дугино прибыли.

Я признаюсь что мне так медлительно ехать краине бы наскучило, есть ли бы не был я в такой приятной кампании, но поистине могу сказать без всякой лести что с дядюшкою вашим никак сего случиться не может потому что он сам веселаго и благосклоннаго нрава так что мы с ним во всю дорогу проговорили и просмеялись одним словом весьма весело препроводили. Я усердно желая чтоб Ваше Сиятельство еще наиболее своим добронравием на него походили и к преданным вам друзиям стоко же ласковы и благосклонны были, то кажется что небудет уже ничего больше

недоставать к протчим достопохвальным и персону вашу украшающим качествам.

Сколь нидолго то время, которое мы здесь как чайтельно проживем а именно целые два месяца, а может быть и с барышом, но я ласкаюся оные такоже весело и приятно препроводить, особливо когда еще к нам Его Сиятельство Граф Петр Иванович⁴ и Ея Сиятельство Княгиня Александра Ивановна⁵ приедут. Блаженство мое было бы совершеннейшим есть ли бы и Ваше Сиятельство здешние селские пределы посетили и нас Вашего лицезрения удостоили, и когда бы я самолично мог сказать то что я есмь завсегда с бесконечною и чистосердечною моею преданностию

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Павел Левашов
В Дугине
Июня 28 дня
1777 года.

Р. S. Извините Милостивый Государь мой что я к вам писал письмо не своею рукою, причиною тому что зрение глаз переместилось и я при суждении употреблять ачки а к ним еще не привык. Прошу засвидетельствовать мое нижайшее почтение всем тем кто меня жалует и любит, и кто удостоит меня своим напамятованием.

Ежели ваши в болшом Свете упражнении допустят вам удостоить и нас удаленных своим напамятованием то покорнейше прошу уведомить меня о дражайшем вашем здравии також и о том что у вас есть новаго примечания достойнаго.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 447. Л. 246—247об. Писарское, подпись и постскрипту — автограф.

² Панина.

³ Жалованная усадьба графа Н. И. Панина в Сычевском уезде Смоленской губернии. Летом 1777 года туда съехалось много гостей — кроме хозяина графа Н. И. Панина и сопровождавшего его П. А. Левашова, приехали князь Н. В. Репнин с супругой, княгиня А. И. Куракина, граф П. И. Панин, и князь Алексей Борисович. Разъехались они только в конце лета — князь Н. В. Репнин уехал в Москву 25 августа, несколькими днями позже, 28 числа, княгиня Н. А. Репнина вместе с князем Алексеем Борисовичем Куракиным уехали в Петербург; 30 августа в Москву уехали граф Петр Иванович и княгиня Александра Ивановна. Последним уехал граф Никита Иванович вместе с Левашовым — 3 сентября.

⁴ Панин.⁵ Куракина. См. прим. 2 к письму 1.

[10]. 21 октября 1778 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Излишно было бы описывать вам какую имел я дурную дарогу от Санктпетербурга до самой Москвы, и сколько должен был претерпеть разных в пути беспокойств, что само собою глубокоосеннее сие время довольно уже доказывает. Вы из сего Милостивый Государь мой ощутительно уразуметь можете сколь мне наконец пришло несносно жить в Санктпетербурге, когда я не смотря ни на время, ни на дурную дарогу, ни на все от разбойников опасности принужден был взять себя в преднозначенной мне путь. Однакож Благодарю Бога что как нибудь сюда доехал и как Ея Сиятельство Княгиню Александру Ивановну², так и Ево Сиятельство Графа Петра Ивановича³ и Ея Сиятельство Княжну Аграфену Александровну⁴ нашел в добром здаровии и прият от них с обыкновенною их ко мне милостию и ласкою.

В здешнем городе также неимея чем с благопристойностию жить принужден я отдохнувши несколько дней уехать в свою коломенскую деревенку, и там осудить себя по нынешнему зимне-

му времени на самую скучную жизнь, где и буду я ожидать решения моеи судьбины.

Теперь то прямо узнал я каков есть свет. Равно же как истинну сию Святова Писания которое весьма ясно говорит не надеется на князи и на сыны человеческия в них же несть спасения, после чего мне и осталось возложить всю мою надежду на Единого Бога и на известное всему свету великодушие Всеавгустеишей нашей Монархини, и никаво ни о чем болше не просить, и как других, так и себя по напрасну нетрудить, а что вышняя судьба в разсуждении меня определила, то и будет. Правда же и то что хотя и очень мало, однакож находятся в свете и такие князья, на которых в случае нужды еще можно понадеится, в числе которых я конечно Ваше Сиятельство почитаю, и прошу вас содержать меня завсегда в непрерывной вашей любви и милости и удостоить меня иногда вашими начертаниями а я в уединенном моем житии каждую вашу строчку почту новейшими знаками вашего ко мне благоволения и милости. И с моим всеусерднейшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь мой!

Вашего Сиятельства

всенижайший и покорнейший

слуга Павел Левашов

В Москве

Октября 21 дня

1778 Года

P.S. Присем покорно прошу принести мое глубочайшее почтение Его Сиятельству Милостивому Государю Графу Никите Ивановичу⁵, Ея Сиятельству М<илостивой> Г<осударыне> К<нягине> Наталие Александровне⁶, Его Сиятель-

ству К<нязю> Николаю Васильевичу⁷, любезным вашим братьям⁸ и сватушке⁹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 449. Л. 120–120об–121–121об. Писарское, подпись и постскриптум — автограф.

² Куракину. См. прим. 2 к письму 1.

³ Панина. См. прим. 4 к письму 1.

⁴ Куракину. См. прим. 3 к письму 1.

⁵ Панину.

⁶ Репниной. См. прим. 5 к письму 4.

⁷ Репнину. См. прим. 3 к письму 6.

⁸ См прим. 12 к письму 4.

⁹ Возможно, имеется в виду княгиня Наталья Петровна Куракина. См. прим. 9 к письму 6.

[11]. 22 ноября 1778 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович

Вчера Ея Сиятельство Княжна Аграфена Александровна² изволила мне показывать приписку вашу в письме Ея содержащую ответственность на мои последние к вам два письма за что приношу мою наипризнательнейшую благодарность, и препоруча меня продолжениям вашей ко мне милости честь имею быть с должным моим почтением

Р. С. Его Сиятельству Князь Гавриле Петровичо³ присем свидетельствую свое нижайшее почтение,

Милостивый Государь мой

Вашего Сиятельства

всепокорнейший слуга

Павел Левашов

В Москве

Ноября 22 дня

1778

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 153. Автограф.

² Куракина. См. прим. 3 к письму 1.

³ Гагарину.

[12]. 30 мая 1779 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович!

Как Вашему Сиятельству из прежних моих писем небезызвестно, что я по отъезде вашем из Москвы и сам в скором времени отъехал сюда в Белорусские мои деревни, где хотя я недумал пробыть более двух месяцев, однакож и поныне принужден здесь жить а причиною тому не столько Економические мои Упражнения сколько с стороны причиненные мне по землям моим хлопоты, а именно некоторые мои беспокойные и алчные соседи вздумали было воспользоваться моим отсутствием, и неправильно захватили в свои кохти многие мои земли и угодьи, и тем привели меня в нужду разводиться с ними приказным порядком. И от таковых несправедливых их притязаний себя защищать. Сие то наиболее всего меня здесь ныне занимает, и как думаю до будущего июля месеца в здешнем краю удержит. Освободясь же от всех оных судебных хлопот старатся буду как наискорей в Москву отъехать, а оттуды может быть и к вам в Санктпетербург незамедля отправлюсь, где усердно желаю наитить вас моего милостивца в вожделенном здравии и благополучии. И с моим всенаисовершеннейшим почтением и неограниченною преданностию пребываю навсегда.

Милостивый Государь мой!

Вашего Сиятельства

всепокорнейший Слуга

Павел Левашов

В Старом Селе

Маия 30 дня

1779 Года.

P. S.

покорно прошу принести мое глубочайшее почтение Е<го> С<иятельству> М<илостивому> Г<осударю> графу Никите Ивановичу², Ея С<иятельству> М<илостивой> Г<осударыне> Княгине Наталье Александровне³, Милостивому Государю моему Князь Алексею Григорьевичу⁴ и всем тем кто жалует меня поклон.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 149–149об–150–150об. Писарское, подпись и постскриптум — автограф.

² Панину.

³ Репниной. См. прим. 5 к письму 4.

⁴ Возможно имеется в виду князь Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1735–1807).

[13]. 3 сентября 1779 года¹.

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь мой!

Почтенное и мне приятное Вашего Сиятельства письмо третьего августа из Царскова села пущенное нашло меня здесь в отдаленности от света, и живущаго так сказать, в пустынях, я весьма был обрадован видя из того непременность ваша ко мне милости, в чем наиболее еще уверяет меня приемлемое вами участие в прекращении с некоторыми моими соседями споров силою законов и в мою еще ползу ибо ничего неможет быть в свете удоволствительнее как по претерпении обид, на конец видеть себя над врагами своими, то есть над соперниками торжествующим. Я ласкаю себя что Ваше Сиятельство наиболее еще порадуетея услыша что я чрез судебное прение имел случаи несколько познать и полские правы, по которым здесь земские дела болшею частию судятся, и мог бы на некоторую оных часть зделать коментари, к немалой рода человеческого ползе. Но как и самые наимудрей-

шие законы очень мало людей ползовать могут, когда оные надлежаще не исполняются, а и того еще менее оных коментари, и для того то я разсудил чтоб тем перо мое незанимать напрасно.

Смело могу сказать что целой век с отверстыми глазами над законами сидя неможно столко познать их совершенство и пороки, сколко в самое короткое время будучи принужденным с кем либо иметь тяжбу или судится, и себя защищать, правда что школа сия крайне неприятна, а особливо для такова человека, как я, которой всему в свете предпочитает спокойное и мирное с друзьями своими житие.

Святое Писание говорит Блажен человек Его же аще накажиши Господи, и от Закона твоего научиши. Блажен бы я был сто крат блажен, есть ли бы я знал все то дватцать лет прежде, что ныне знаю, и такое же бы имел о вещах сего света понятие, но лутчеи уж то позабыть, чего более невозвратить.

Желание ваше видеть меня в Санктпетербурге уже и одно сильно меня к вам привлекли колми ж паче что я и долг имею туда приехать для изъявления моей благодарности всем моим благодетелям и милостивцам, и потом паки в деревню на уединенное свое житие возвратится, и ожидать с спокойным духом конца безпокойной сего света жизни.

Ежели Вашему Сиятельству нетрудно будет по прошу изъяснить мое глубочайшее почтение Его Сиятельству милостивому Государю Графу Никите Ивановичу², милостивой Государыне моей Княгине Наталье Александровне³, Его Сиятельству милостивому Государю моему Князь Николаю Василиевичу⁴, милостивой Государыне моей Марие Степановне⁵, милостивому Государю моему Александру Федоровичу⁶, Князь Алексею Барисовичу⁷, Матвею Федоровичу Кашталинскому⁸, и всем тем кто пожалует удостоить меня своим напаятованием, и обо мне скажите, ежели кто спросит что я живу, но живу в скуке, и что во многом терплю недостаток, помере того как я уже жить было

привык. Вы не можете поверить сколь тяжело привыкать от хорошева к дурному, а от удовольствия к недостатку: писано есть, претерпев же до конца то и спасен будет. В ожидании чего честь имею быть навсегда с неперемною моею преданностию.

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Павел Левашов
В Тошице
Сентября 3 дня
1779 Года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 151–151об–152–152об. Писарское, с подписью-автографом.

² Панину.

³ Репниной. См. прим. 5 к письму 4.

⁴ Репнину. См. прим. 3 к письму 6.

⁵ Тальзиной. См. прим. 7 к письму 4.

⁶ Тальзину. См. прим. 9 к письму 4.

⁷ Куракину.

⁸ См. прим. 11 к письму 6.

[14]. 14 августа 1782 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Барисович Испытанная Вашего Сиятельства ко мне давнoletняя милость и дружелюбие ласкают меня что вы получа сие мое письмо несколько порадуетесь видя что я еще жив, и нахожусь ныне в Дугине у Его Сиятельства моего милостиваго благодетеля Графа Никиты Ивановича². Единственно чтоб увидеть Ево я ехал сюда нарочно около пятисот верст, и принудил себя оставить мое деревенское уединение. Вот что делает преданность моя и почтение к великим и прямо добродетельнейшим мужам.

К болшему моему удовольствию нашел здесь ваша фамилия почти всех тех которых я издавна привык любить и почитать и сними совокупно препровождаем мы здесь наше время весьма весело и приятно, правда что блаженство мое было б наисовершенное естли б и Вашего Сиятельства здесь же ныне находились, тем наиболее что я безмерно желателен был видеть вас здесь украшеннаго разными ординами яко знаками отличных достоинств и тем вас самолично поздравить, однакоже я ласкаю себя надеждою что в будущем сентябре месяце в том мое желание неизменно исполница ибо сколко известно вы в проезда ваш чрез Белорусию и наш город Могилев посетить изволите. И так я ныне отложу ездю мою в Москву и Каломну возвращуся отсюды прямо в Белорусию где с протчими моими согражданами и будут ожидать толь вожделеннейших гостей, коликое же притом для меня будет утешением что я увижу там тех кому мое навеки посвященное имею благоговение, и возымею случай удостоверить вас моего милостиваго благодетеля о неперемной той преданности с которою есмь навсегда,

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга
Павел Левашов
P. S.

М<илостивому> Г<осударю> моему Князь Алексею Барисовичу³ Свидетельствую мой нижайший поклон,

В Селе Дугине
августа 14 дня
1782.

¹ ОПИ ГИМ. Ф 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 334–334об. Автограф. Князь Куракин в это время путешествовал по Европе в свите Павла Петровича

и Марии Феодоровны, и письмо это он получил в Монбельяре, где они гостили у родителей великой княгини.

² Панина.

³ Куракину.

[15]. 10 марта 1786¹.

Милостивый Государь мой Князь Александра Борисович!

Простясь с вашим сиятельством разстался я с великолепным градом Святого Петра не без сожаления оставя там многих друзей и милостивцов. По выезде же моем продолжал я путь мой в Ригу, из Риги вверх Двиною, между российской и курляндскою границею до тех мест, где начались Двинские пороги, в оных местах невзирая на тогдашнюю жестокою стужу вода незамерзла и стремилась по камениям с превеликим шумом, по причине чего принужден я уже ехать берегом самую дурною гаристою дорогою подобною валдайской на Динабург, Юреславль и на Полоцк, по обеим сторонам реки Двины, очень часто находятся преизрядные господские каменные дома, хорошие местечки и несколько похоже как по реке Рейну в разных местах старинные каменных замков развалины. Я очень был доволен что часть сию России видел, и теперь могу сказать что от самага Балтийскаго моря до впадения реки Днепра в Черное море российской империи граница зделалася мне знакомою. Потом продолжал мой путь на Витебск, на Шклов и Могилев наконец достигнул я к тихому своему пристанищу довезя свой скудельной сосуд благополучно в мой дом, где чрез десять дней успокоения толко что начинаю собирать свои разточенныя силы, и теперь в первые принимаюся за перо принести вашему сиятельству наичувствительнейшее мое признание и благодарение за все оказанные ваши ко мне милости в бытность мою в Санктпетербурге, а наипаче за доставление мне по прежнему входа к их императорским высочествам лишение чего

как вашему Сиятельству известно сколь много меня завсегда печаливало. Сию вашу ко мне отменную милость я в душе моей вечно запечатаю. Ваше Сиятельство не можете себе представить сколь для меня утешительно было наитить в образе вашем новаго благотворителя на место покойнаго деда вашего, а моего прямого благодетеля и милостивца Графа Никиты Ивановича², котораго я прекращением жизни лишился к крайнему моему сожалению, и тако препоруча меня в продолжение вашей неоцененныя милости честь имею быть завсегда с наиотличнейшим моим почтением и совершенною преданностию.

Милостивый Государь мой!

вашего Сиятельства

всенижайший и всепокорнейший слуга П. Левашов

в Старом селе

марта 10 дня

1786 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 117.164—164об. Писарское, с подписью-автографом.

Во время своего путешествия Павел Артемьевич вел дневник, в котором описал путешествие от Риги до Могилева. Этот дневник он послал к своему давнему корреспонденту графу А. Р. Воронцову при письме своем от 24 февраля 1786 года (АКВ, XIV. С. 445—446).

² Панина, который скончался в 1783 году.

[16]. 19 февраля 1797 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь мой

Князь Александр Борисович!

Известие о восшествии на престол Его Императорскаго Величества давно всеми усердными и преданными Его Величеству

вождененное не ожидаемо до меня старца в пустыне живущаго достигшее, произвело во мне такую чувствительную радость, что я оной ни языком, ни пером довольно изобразить не в силах и мне тогда показалось что я сорока летами помолодел чему доказательством есть то, что я с лишком сорока лет не писавши стихов в друг сделался в новь поетом и тогда ж написал пять стров стихов на случай возшествия Его Императорскаго Величества на всероссийский престол, которые во удовольствие Вашего Сиятельства любопытства присем посылаю². Правда я и сам признаюся в несовершенстве красоты их слога, но оно награждается горящим моим из давних лет к Его Императорскому Величеству усердием, которое и было главною причиною моей прежде временной от службы отставки. Я нетерпеливо ожидаю Вашего Сиятельства в Москву прибытия, где из устно буду иметь честь изъяснить вам то отличное почитание и преданность, с коими из давна был, есть и пребуду за всегда

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорнейший слуга
Павел Левашов
в Москве
февраля 19 дня
1797 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 874. Л. 62 — 62 об. Внизу л. 62 рукой Куракина написано: «Павел Артемьевич».

² Ода называется «Дух радостию восхищенный», прилагается при настоящем письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 874. Л. 63 — 64). Писарская копия (возможно, по причине плохой разборчивости почерка самого Левашова). Мы поместили ее, наряду с другими публикуемыми стихотворениями, в приложениях в конце настоящей книги.

[17]. 18 марта 1797 года¹.

Ответствовано 19 марта 1797².

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь мой!
Бумагу которую я имел честь показывать Вашему Сиятельству, уже давно к поданию готова, только остается теперь всепокорнейше просить ваше Сиятельство рекомендовать меня Юрию Александровичу³. Будучи уверен, что таковая ваша рекомендация, в деле моем весьма много весу прибавит.

Милостивый Государь Мой
Вашего Сиятельства
всенижайший и всепокорнейший
слуга Павел Левашов
Москва
Марта 18 дня
1797-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 152. Л. 79. Писарское, с подписью-автографом.

² Запись рукой неустановленного лица.

³ Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий (1752—1829) — тайный советник, писатель. Долгое время, до возвышения в службе, был памятен современникам лишь тем, что кутил во время учебы в Страсбурге и любил хорошо поеть. Приближенный к Павлу I, причем во многом из-за родства с князьями Куракиными.

[18]. Март 1802 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Пре мудрые Государи в честь истинных заслуг на поприще гражданских и военных подвигов установили разные Ордены для верных сынов Отечества в числе которых в воздаяние трудов и мирных гражданских добродетелей учрежден Государынею Императрицею Екатериною Второю Орден святого и равноапостольнаго Князя Владимира, а поелику великодушные и правосудные Российские монархи сами велегласно призывают верноподданных своих к получению означеннаго Ордена имеющих к тому законное право, следовательно уклонение от того Заслуживших оное право было бы нечувствование собственной своей чести и благодарности к высоким установителям таковых орденов. Но как в статуте святого и равноапостольнаго Князя Владимира между прочим в 7-м пункте Сказано: что всяк кто выслужит беспорочно 35-ть лет имеет право получить сей орден, в пополнение к тому в Указе Государя Императора Александра Перьваго от 12-го декабря 1801-го года в 8-м пункте сказано что получить могут знаки сего ордена те которые в бедствиях от огня или воды и в подобных тому случаях подвергая себя личной Опасности или стараниями своими спасут или сохранят жизнь свою десяти человекам но я признаваю <!> что означенные два пункта мною по службе отечеству в точности выполнены что и дает мне законное право, но куда я в том более прибегнуть могу как токмо не к покровительству Государственной коллегии иностранных дел, в высокославной которья команде наибольшее время моею службою продолжалось и от которые я чрез предстательство и рекомендацию прежде бывших Ея мудрых господ министров имел щастие получить чины, деревни, денги и продолжающуюся поныне пенсию, а сие самое вперяет<!> мне надежду что и ныне к полу-

чению желаемого мною Ордена Государственная Коллегия Иностранных дел и мудрыя Ея министры не отрекутся сделать обо мне куда следует надлежащее представление. в доказательство же долговременной и отличной моею отечеству службы представляю при сем формулярный список в чем во всем предаю меня милостивому Вашего Сиятельства благоволению и покровительству честь имею быть завсегда, с глубочайшим моим почтением.

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства

всенижайший и всепокорнейший слуга

Павел Левашов

Марта дня

1802-го Года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Ех. 199. Л. 351 — 351об — 352. Писарское, с подписью-автографом. Просьба осталась без последствий.

[Приложение]¹.

Формулярная ведомость службы действительнаго статскаго советника Левашова:

Действительной статский советник Левашов, в военной службе находился с 1737-го года по 1750-й год. бывал в прежних турецких походах в сраженьях и при осаде крепостей; а с 1750-го по 1778-й год находился он Левашов при Государственной Коллегии Иностранных дел, и употребляем был по большей части при миссиях вне государства где занимал он разные важные посты, а что он служил с отличностию оное доказывают разные Монаршие награждения: чинами, деревнями, денгами, и пенсиєю; всей же его в военной и статской службах бытности слишком 40 лет. По статуту же Ордена Святаго Владимера получают оной все

чиновники выслужившие 35 лет. Следовательно Левашов выслуга с лишком 40 лет имеет законное право к получению оного ордена.

В дополнение к сему статуту а именно: в указе 1801-го года декабря 12-го дня изданном в осьмом пункте сказано: что получать могут знаки оного ордена и те, которые в бедствиях от огня или воды или в подобных тому случаях подвергая себя личной опасности или стараниями своими спасут или сохранят жизнь более 10 человекам.

Но как Левашов в бытность его в Константинополе во время когда была объявлена Турками России война и Г<осподи>^H резидент Обресков² посажен был в едикул³; а он Левашов оставался на воле и увидав что послано было от султана турецкаго к хану крымскому керимбегерю секретное повеление чтобы он внезапно учинил нападение на российский границы, то он Левашов противу запрещения от порты подвергая личной опасности угрожающей собственную его жизнь, секретно отправил от себя двух курьеров в Россию с означенным известием единственно для спасения чрез то от неизбежной смерти и пленения многих тысяч христианскаго народу за что хотя и не лишен был жизни но вместо того посажен был за то в едикул где претерпел много бедствия, чрез таковое предварительное о том известие пограничные селения спасены были от всеконечнаго их раззорения и опустошения; каковая важная услуга Левашова и дает ему право к получению означеннаго ордена.

К чему так же можно еще присовокупить и открытой Левашовым секретной способ к разрушению неприятельских понтонных котроу непосредственно служить может в случае нужды ко спасению не токмо нескольких тысяч храбрых воинов, но и целой армии от неприятельскаго с превосходными силами нападения и поражения, каковаго способа действительность Генералом от артиллерии Господином Корсаковым⁴ обще с господином Генерал

адъютантом Уваровым⁵ испытана и найдена полезнаю; о чем в представленном от него Генерала Корсокова Его Императорскому Величеству доношении пространнее изображено, — во уважение чего он Левашов имел щастие получить от Его Императорскаго Величества бралиянтовой перстень яко знак Его Высокомонаршаго благоволения; но сие нелишает его Левашова предписаннаго по статуту права к получению Ордена но еще более оное подтверждает.

Павел Левашов.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3 . Оп. Ст. Ех. 199. Л. 353 — 353 об. Писарский, с подписью-автографом.

² Обрезков Алексей Михайлович (1720—1787). В 1751—1768 годах русский резидент в Константинополе, с 1779 года — сенатор, с 1784 — действительный тайный советник.

³ Семибашенный замок.

⁴ Корсаков Алексей Иванович (ум. 1821) — генерал от артиллерии в 1803—1821 годах. Член Военной коллегии, почетный член Академии художеств, президент монетного департамента, директор Горного кадетскаго корпуса. С 1813 года сенатор.

⁵ Граф Федор Петрович Уваров (1769—1824), генерал-адъютант, единственный из участников заговора 11 марта 1801 года, который продолжал пользоваться расположением Александра I.

[19]. Июнь 1804 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь Мой Князь
Александр Борисович !

Почтенное писание Вашего Сиятельства от 4-го Сего текущего я имел честь получить, которое влияло<!> в здравье мое новыя силы и особливое в душе моей удовольствие, Усмотря же из оного что Ваше Сиятельство намерены приехать сею осенью в

Москву куда и я по первому зимнему пути приехать намерение имею, Где за щастие почту увидеть Ваше Сиятельство и лично засвидетельствовать мою безпредельную к вам приверженность и глубокое почитание с которым честь имею быть навсегда

Милостивый Государь Мой

Вашего Сиятельства

всенижайший и всепокорнейший Слуга

Павел Левашов

Июня дня

1804-го Года.

Старое Село.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 212. Л. 259. Писарское, с подписью-автографом.

Николай Александрович
Львов

Письма Николая Александровича Львова (1751–1803/1804) к князю Александру Борисовичу Куракину являются логическим дополнением к просьбам о его детях, фигурировавшим в переписке его друга и родственника Г. Р. Державина с нашим князем и напечатанных в соответствующем разделе.

[1]. 2 марта 1801 года¹.

Милостивый Государь!
Сиятельнейший Князь!
Александр Борисович!

При самом вступлении на престол Императора Ваше Сиятельство удостоивали меня покровительством своим². Печать благо-

дарности осталась навсегда неизгладимою в душе моей. Сие чувство уверяет меня, что не откажите вы и теперь справедливости умиравшего, и доселе еще лежащего на смертной постеле отца³ в незаслуженной обиде, сделанной детям его.

Милостию нашего Монарха и покровительством Вашего же Сиятельства двое сыновей моих⁴ записаны были в юнкеры Иностранной коллегии, и в следствие назначения по службе их, которую они действительно при Архиве Иностранной коллегии продолжали, выучены языкам и приличным сведениям, по выбору и без всякой прослуги исключены, и ныне вторично в недорослях щитаются. Ни я ни они, кажется, сего исключительного права не заслужили; но я с моей стороны о возстановлении службы их никогдабы просить не осмелился, есть ли бы изключение из оной или по молодости старшинства или по неспособности служащих сделано было. Зная, что на убавку Юнкеров была воля Монаршая, а не на выбор. Почему и осмелюсь вторично Ваше Сиятельство просить об определении двух моих сыновей с старшинством к прежней их в Московском Архиве^х, ибо многие по выбору же после реформы приняты были. На благородном чувствовании вашем основана моя надежда. Граф Никита Иванович⁵ благодетельствовал отцу; идущей по стези его не откажет в покровительстве детям его.

Честь имею быть с непреложным и совершенным высокопочитанием и преданностию

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Николай Львов
Марта 2 дня
1801-го года
Москва

Его Сият^{ВУ} Кн. Ал. Бор. Куракину.

^х или в Петербург с коллегиею

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. СТ. Ех. 194. Л. 133–133об. Писарское, приписка и подпись — автограф.

² По вступлении своем на престол, Павел I пожаловал Львову в декабре 1796 года чин действительного статского советника, а указом от 21 августа 1797 года был назначен управляющим созданных по его замыслу школ «земельного битого строения» (СРП, 2. С. 244). Традиционно считается, что эти знаки внимания императора были инспирированы покровительством графа А. А. Безбородко (там же).

Думается, что князь Куракин уже не смог повлиять на эту ситуацию, поскольку в ночь с 11 на 12 марта 1801 года Павел I был убит.

³ В сентябре 1800 — апреле 1801 года Львов тяжело заболел и провел эти месяцы в постели, думая, что выздороветь уже не сможет.

⁴ Речь идет о двух сыновьях А. Н. Львова — старшем Леониде Николаевиче (1784–1847) и младшем его на два года Александре Николаевиче (1786–1849), заботами князя Куракина восстановленных в Коллегии. Немногим позже об отпуске для Александра Львова просил князя Куракина Г. Р. Державин — родственник и ближайший друг Н. Львова (см. письмо от 25 июля 1802 года, публикуется в настоящем издании).

⁵ Панин.

[2]. 12 апреля 1802 года¹.

Милостивый Государь
Сиятельнейший Князь!

Две уже недели, как привезя себя на ходулях в Петербург, по сию пору не могу выехать, простудясь вторично в дороге, и по тому не имел еще возможности отдать Вашему Сиятельству долг личного моего высокопочитания. Между тем получа письмо от жены Министра нашего в Мадрите Господина Муравьева², которой желает, что бы большой сын мой³ послан был к его миссии, и бо-

ясь не пропустить может быть удобнаго к тому времени осмеливаясь убедительнейше просить Ваше Сиятельство, исполнением сей просьбы ошастливить сына моего и к обязанностям многим прибавить новое титло душевной и безпредельной благодарности.

Никакое впрочем добро не может умножить того совершеннаго высокопочитания и безпредельной преданности, с коими будет по век

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя

всепокорнейший и послушнейший

Слуга Николай Львов

Апреля 12 дня

1802 года.

Его Сият<ельст>ву Кн. А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 199. Л. 408. Писарское, с подписью-автографом.

Князь Куракин выполнил просьбу Н. А. Львова и Леонид Николаевич Львов был отправлен к нашему посольству в Мадриде, откуда возвратился в 1804 году и продолжил службу в Коллегии иностранных дел.

² Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1769[?] — 1851) — тайный советник и сенатор. С 1799 года наш посланник в Гамбурге. В 1801 году назначен членом Коллегии иностранных дел, с 1802 года — полномочный министр в Мадриде. Затем служил товарищем министра Народного просвещения. После отставки жил в своем рязанском имении Старожилово Пронского уезда.

Жена его — имеется в виду его первая супруга Анна Семеновна Муравьева-Апостол, рожд. Черноевич (ум. 1810), писательница.

³ Леонид. См. прим. 4 к письму 1.

Ефрем Осипович
Мухин

Ефрем Осипович Мухин (1766–1850) является одним из самых известных русских медиков. Доктор медицины и хирургии, действительный статский советник, выдающийся хирург и анатом, автор первого в России руководства по хирургии и одного из первых курсов по анатомии. Мухин был автором множества медицинских трудов и трактатов, которых вместе с переводами насчитывается почти пятьдесят названий (Змеев, 2. С. 23–25). Мухин также имел громадную практику, которую оставил только восьмидесяти лет.

[1]. 26 ноября 1806 года¹.

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь!

Имею счастье рекомендовать себя Вам в доме Его Сиятельства Графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского², коего имею честь быть Доктором, и, во время посещения Вашего Голицынской публичной больницы, имею честь поднести Вашему Сиятельству экземпляры трудов моих³, был рекомендован Вам Его Сиятельством, Князем Александром Михайловичем Господином Обер-Камергером Голицыным⁴. Вы, удостоив меня и труды мои Вашего милостиваго внимания; изволили сказать: что книги мои будут Вам напоминать о мне.

Поставляя себе самым приятным предметом быть известным Вашему Сиятельству и заслужить продолжение ко мне милостиваго Вашего внимания, имею честь поднести присем Вашему Сиятельству новый экземпляр трудов моих — знак особеннаго моего к Особе Вашей высокопочитания⁵. Я препроводил книгу сию начальству, в подкрепление сделаннаго о мне представления Его Сиятельством Князь Александром Михайловичем обер-камергером Голицыным к Высокомонаршему награждению: посему весьма щастливым почту себя есть ли Вы Ваше Сиятельство! окажете мне милость, сделав письменную рекомендацию о мне, и засвидетельствуете труды мои и успехи, оказываемые в Голицынской больнице, Его Сиятельству Графу Виктору Павловичу Кочубею⁶.

Я же за счастье поставляю себе всегда быть с истинным чувством глубочайшаго моего высокопочитания и совершенной преданности к Вашему Сиятельству,

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь!
Ваш всепокорнейший слуга
Ефрем Мухин

Москва
1806 Года
Ноября 26 дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 234. Л. 167–168. Писарское, с подписью-автографом.

² Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1737–1807) — генерал-аншеф, прославившийся победой при Чесме в 1770 году, одержанной русским флотом под руководством Орлова.

³ Скорее всего, это были следующие издания сочинений Е. О. Мухина (по крайней мере, два из перечисленных): *De stimulis corporis humanum vivum afficientibus*. Gottingue, 1804; *Разговор о пользе прививания коровьей оспы*. М. 1804; *Рассуждение о средствах и способах оживотворять утопших, удавленных и задохшихся*. М. 1805.

⁴ Князь Александр Михайлович Голицын (1723–1807) — дипломат, вице-канцлер. После обострения отношений с Н. И. Паниным в 1775 году подал в отставку. Жил в Москве. После смерти в 1793 году в Вене своего двоюродного брата, русского посланника князя Д. М. Голицына, занимался на завещанные им деньги устройством Голицынской больницы.

Ефрем Мухин был с 20 апреля 1800 года главным врачом Голицынской больницы.

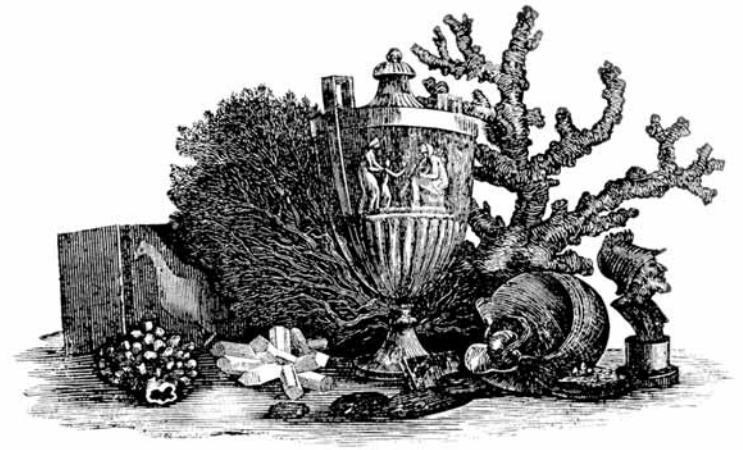
⁵ Речь идет о первом в России руководстве по хирургии: *Первыя начала костоправныя науки*, сочинение Оператора Ефрема Мухина, с анатомическими рисунками. М. 1806.

⁶ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), с 1799 года — граф, а с 1831 — князь. В то время занимал пост министра Внутренних дел. Мухин приводит имя В. П. Кочубея потому, что все медицинские учреждения империи относились тогда к его ведомству.

Андрей Андреевич
Нартов

Андрей Андреевич Нартов (1737–1813) является не только известным ученым и литератором второй половины XVIII — начала XIX вв., но и общественным деятелем. Интересно, что своей удачной карьерой он во многом был обязан покровительству нашего князя Куракина, с которым лично познакомился во второй половине 1770-х годов.

Андрей Андреевич Нартов считался одним из просвященнейших людей своего времени. Обладал глубочайшими познаниями в вопросах рудных дел, минералогии и химии, много сделал для развития русского сельского хозяйства и земледелия, первым настаивал на введении парового отопления, и даже явился основателем лесоводства в России как науки. Владение иностранными языками позволило ему стать известным переводчиком и писателем, а Н. И. Новиков в своей книге (*Новиков. С. 145–147*) воздает ему множество похвал. Андрей Андреевич так же славился среди современников остроумием и ученостью.

Фамилия князей Куракиных была известна Нартову еще по рассказам отца — знаменитого русского механика и изобретателя Андрея Константиновича Нартова, который был хорошо знаком с князем Борисом Ивановичем, прадедом нашего князя. Особенно же его отец был полон благодарности к князю Александру Борисовичу Куракину — деду князя, который способствовал падению светлейшего князя А. Д. Меншикова, давнего противника и притеснителя А. К. Нартова.

Первая встреча Нартова с нашим князем могла произойти 20 февраля 1765 года, когда молодой князь еще жил во дворце. В этот день, как записал Порошин, «подполковник Нартов поднес государю переводу своего книжку, называемое «Торжество философии»» (Семена Порошина записки... Спб, 1881. С. 257–258).

Если А. К. Нартов был благодарен предкам нашего князя, то его сын Андрей Андреевич начиная с конца 1770-х годов был под покровительством князя Александра Борисовича, коему он в значительной степени обязан своей карьерой. Это, надо думать, происходило еще и потому, что области интересов Нартова часто совпадали с интересами князя, особенно что касается «экономии» — сельского хозяйства и земледелия.

По причине этих интересов князь Александр Борисович в конце 1790-х — 1800-х годах являлся главным благотворителем императорского Вольного Экономического общества, членом которого он был с 1776 года, постоянно на свои средства устраивая так прославившие Общество конкурсы. В знак благодарности 20 декабря 1796 года Общество направило князю просьбу возложить на себя звание президента, однако князь не смог принять этого предложения по причине занятости, но указал на Нартова «яко ревностного и трудолюбивого своим всему Обществу известного сочлена», который и был 3 января 1797 года избран президентом, оставаясь в этом звании до самой своей смерти¹.

Здесь мы публикуем 21 письмо Нартова к князю Куракину за 1779 — 1811 годы, одно из которых коллективное (за № 14), а также три отпуски с писем самого князя, которые помещены между письмами в соответствии с хронологией. Началась же их переписка годом раньше — в 1778 году: первое известное письмо датировано 28 сентября 1778 года; оно было напечатано в 1902 году (АКК, X. С. 383–385).

¹ Это письмо от Вольного Экономического общества, датированное 20 декабря 1796 года и подписанное семнадцатью его членами, сохраняется среди бумаг князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 147. Л. 87 — 78об):

«...Императорское Экономическое Общество неимея ныне в Собраниях своих Президента восприяло общим всех членов согласием намерение, просить Вашего Сиятельства яко усерднейшаго Сочлена своего о принятии Президентского звания; чего ради возлагая изъявление усерднейшаго общественного прошения на Господ членов Ореуса и Надворнаго Советника и Кавалера Эйлера ожидает благосклоннаго отзыва, пребывая с отличным высокопочитанием и совершенною преданностию на всегда...».

[1]. Начало 1779 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

По отличной вашего Сиятельства к мне Милости, чрез вас поднесены были Его Императорскому Высочеству труды мои по горным и монетным делам², кои удостоились высочайшей Аппробации, и за которые Самолично я от Государя возблагодарен. Сие возродило во мне вновь желание собирать разныя сведения, заключающия в себе пользу Государственную. Я начал из Архивных известий сочинять выпись всем заводским производствам, от начальнаго их в России заведения по нынешнее время, дабы Его Императорское Высочество читая их, узнал существенныя причины медлительнаго сперва процветания минеральных промыслов, дабы усмотреть мог частыя перемены законов, друг другу противоречущие, нерадивое надзирание правительств, коим горныя дела были подчинены, и злоупотребления причинствующия успехам; наконец нынешние доходы вступающие в казну от выплаваемых металлов. По возвращении моем от целительных вод³, докончав сие сочинение, непременно представить вашему Сиятельству на рассмотрение, будучи уверен, что оно посредством предстательства вашего обо мне, вручено будет Государю. Теперь же

имею честь сообщить вам пиесу достойную примечания, о рублевом вексельном курсе, в которой был я участником с некоторыми людьми, желающими добра Отечеству. Из оного усмотрите Фридрихово попечение о возвышении курса⁴. Таинственную сию бумагу благоволите в праздное время прочесть, прося покорнейше потом показать оную Его Высочеству. В ней обнаружены обманы и хитрые вымыслы купеческие о курсе. Сохраните оное у себя так, чтоб никто не видал, и не сведал, что ваше сиятельство от меня получили, дабы мне притесненному вящаго нещастия не воспоследовало, ибо я и так за оное гонения претерпел. Для вас моего Милостивца, сердце мое откровенно; ведаю, что ваше сиятельство старание прилагаете о познании Государственных польз. Знаю, что вы готовитесь управлять в вечном правительстве делами такого существа, каково оное есть, а потому и должность моя есть сообщать вам для сведения полезное Отечеству. Если бы всемилостивейшая Государыня ведала о таком усердии моем, попотлинне не был бы я оставлен, не стонал бы я в бедности, не пресмыкался бы десять лет в одном чине. Погребен, и сочтен таким, как и прочие, кои ничево не делают. Разстроенным будучи от печалей в здравье, и по болезням подверженный опасностям лишиться жизни, приемлю путешествие для врачевания своего. Удостоите ваше Сиятельство в отлучении моем вашим воспоминанием, которое для меня драгоценно.

Но я где бы нибыл, везде пребуду

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
нелицемерной почитатель и
покорнейший Слуга
Андрей Нартов.

P. S. Прошу попрочтении сие письмо разодрать.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 117. Л 4–5. Автограф. Датируется по содержанию. В данном томе княжеской эпистолярной переписки письма с июля 1781 по декабрь 1783 года; и казалось бы, это недатированное письмо должно относиться к указанному отрезку времени, но это не так. Датировать это письмо можно лишь началом 1779 года. Основания наши суть: упоминающийся банкир барон Фредерикс умер 25 сентября 1779 года; последний чин — статского советника — Нартов получил в 1770 году, а повышение (очевидно, оно последовало после получения князем этого письма) — в 1779 году.

² Речь идет о рукописных трудах Нартова, которые были отправлены князю Куракину при письме Нартова 29 сентября 1778 года (АКК, X. С. 383–385) — истории монетного двора и описания заводов, которые были поднесены князем цесаревичу Павлу Петровичу, с которым Нартова ранее познакомил граф Н. И. Панин. Нартов является автором множества трудов по горному делу, можно о них подробнее усмотреть ниже из прим. 4 к письму 4.

Что же касается работ Нартова по «монетному делу», то в 1772 году Нартов совместно с М. М. Херасковым и М. М. Щербатовым был поставлен во главе Медального комитета, созданного для подготовки «медаллической со времени государя Петра Великого истории», который заседал с 1772 по 1774 год. Результатом работы комитета явился труд, состоящий из описания 128 медалей, 46 из коих были описаны самим Нартовым и чьи описания были наиболее подробными (хранится в НБ Казанского университета, № 4417; копия из Эрмитажного собрания — в РНБ, ф. 885, № 100). После этого Нартов один сочинил Медаллическую историю императриц Екатерины I, Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны. Работу по истории медалей он продолжал до начала 1780-х годов. Наибольший комплекс его трудов, созданных во время работы «медального комитета», хранится в научной библиотеке Казанского университета (см. кн.: Артемьев А. И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке императорского Казанского университета. СПб, 1882. С. 77–84.).

³ Нартов был в Спа на водах; об этом он упоминает в следующем письме.

⁴ Имеется в виду барон Иван Юрьевич Фредерикс (1723–1779) — русский государственный банкир. Скорее всего, размышления Нартова были действительно здравы, и попечение барона Фредерикса об изменении вексельного курса было продиктовано личными резонами, а не заботой о благосостоянии государства. Куракину легко было понять суть подвоха, поскольку его экономические способности удивляли даже современников — в Надеждино, куда он удалился от двора и терпеливо дожидаясь воцарения Павла Петровича, он сам успешно управлял хозяйством.

[2]. 8 марта 1779 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Отличная вашего сиятельства ко мне благосклонность заставляет меня уведомить вас, по приказанию вашему, когда я расстался с вами, что я нахожусь ныне в Берлине, и в здоровье моем слаб имел припадок на пути. На сих днях отправлюсь я чрез Лейпциг в Ахен и в Шпа для врачевания моего. Надеюсь на милость вашего сиятельства, покорнейше прошу неоставить защищением вашим в случае нужды жены и детей моих², сие великодушное снисхождение чувствительнейшую благодарностию преисполнят всю душу мою. Щастливым бы я себя почел, если бы при случае благоволите донести Его Императорскому Высочеству с коликою всеподданнейшею преданностию и рабскою верностию пребываю я к августейшей особе его и в отсутствии моем. Остается мне ласкать себя надеждою о продолжении вашей ко мне милости, и по возвращении персонально доказать, с каким отличным высокопочитанием я во всех днях пребываю

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший слуга навсегда
А. Нартов

Берлин
8. марта
1779 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 451. Л. 193–193об. Автограф.

² А нужда приключилась, поскольку сорок дней спустя — 18 апреля 1779 года умерла жена Нартова — Елизавета Петровна, рожд. княжна Мещерская (1742–1779). Таким образом на его попечении остались четверо детей — Петр Андреевич, Андрей Андреевич, Александра Андреевна и Елизавета Андреевна.

[3]. 2 января 1780 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Сколь ни хотелось мне самолично поздравить Ваше Сиятельство с новым годом, при желании вам здравия и благополучия, но не мог иметь сей чести в доме вашем, хотя и заезжал. Имея крайнюю нужду воспользоваться кратким с вами свиданием, прошу Вашего Сиятельства покорнейше оказать сию благосклонность и назначить свидание. Неоткажите в оном тому, который имеа вас своим благодетелем, искренно почитает пребывая всепокорнейшим слугою

Андрей Нартов

2 января
1780 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453. Л. 4. Автограф. На л. 5 об. рукой Нартова написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князь Александру Борисовичу Куракину».

[4]. 4 октября 1780 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Благосклонность, оказываемая Вашим Сиятельством мне при разных случаях, заставляет меня часто вспоминать редкия души вашей свойства, к которым сердце мое привлечено. Уверен будучи о продолжении оных, сообщая вам при сем, трудов моих описание пребывания Его Величества Государя Императора Петра Великаго, в Париже². К сему изданию побудила меня редкая медаль, в память сего монарха натисненная, которая была ему поднесена во время присутствия Его в Королевском монетном дворе, которая у нас в Собрании медалей хранится.

Жалко бы было, Если бы в России неизвестна была она медаль, свидетельствующая и славу Его, и то почтение, которое к нему имели чужестранные народы. Когда уже иноплеменники вечности предавали подвиги Его, то Грешно бы было и непросительно забывать Россиянам того, который разверз Хаос, который все устроил и все просветил! Когда любили его тогда, Как Отца Отечества, то для чего и ныне не любить и не памятовать Его, за великия деяния? На какое учреждение тогдашних времен, ни обратим взор наш, все провозглашает: Сотворил Он!³

Теперь склоняю всепокорнейшую прозбу мою к вам о том, чтоб приложенный присем другой Екземпляр от меня чрез Ваше Сиятельство поднесен был Его Императорскому Высочеству, дабы я мог иметь щастие хотя при сем случае предстать Неоцененному Его воспоминанию, яко Такой подданный, который Ему и Отечеству верен.

Удостоите потом меня вашим уведомлением как оно будет принято Его Высочеством? Я оканчивая Горных дел историю⁴, и тружусь единственно для того, чтоб увидеть мог Его Высочество возрастание, падение и злоупотребление минеральных производств; Если предстательством Вашего Сиятельства наперед об оном Его Высочеству внушено будет. Истинну обнажать, есть дело скользкое.

Питаюсь надеждою, надеюсь, что когданибудь воздан буду за труды и службу мою, хотя ныне удручаюсь, забыт и с детьми моими претерпеваю нужду.

С отменным высокопочитанием и преданностию во всю жизнь пребуду

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
Покорнейший Слуга
Андрей Нартов

Октября 4 дня
1780 г.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453. Л. 250 — 250об — 251. Автограф.

² Речь идет о книге «Медаль на память пребывания Его Величества Императора Петра Великого в Париже, 1717 года, при осматривании Королевского монетного двора нечаянно в присутствии Его натисненная». (Б. м. и г. [Спб, 1780] 4о). До сих пор автор ее оставался неизвестен; без указания автора эта книга включена и в СК (II, 5757), причем, в СК она описана не на название, а по заголовку на с. 3 — «Путешествие его величества в Париж» и предположительно датирована 1771 годом, каковую датировку можно теперь опровергнуть.

Титульный лист упоминаемой Нартовым книги воспр.: Порше Ж. Петр Великий и Парижская Королевская библиотека. // Временник общества друзей русской книги. [Всп.] IV. Париж. 1938. С. 51. Что же касается непосредственно медали, то она воспроизведена в кн.: Собрание русских медалей, изданное по Высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Спб. 1840. С. 17, № 73., воспроизведение на т. XV. Текст: На посещение Петром I Парижского монетного двора. Работы Дювивье (Duvivier). Также с нее в России была на Петербургском монетном дворе отчеканена копия, на которой лицевая сторона гравирована Тимофеем Ивановым, а оборот Самуилом Юдиным.

³ Вообще А. А. Нартов очень трепетно относился к личности Петра Великого, единственно покровительству которого его отец Андрей Константинович Нартов (1680—1756) — токарный мастер и механик — был обязан своим особым положением (что, впрочем, по смерти Петра I прекратилось, поскольку недолголюбивший Нартова князь А. Д. Меншиков своими интригами инспирировал удаление его от двора).

А. А. Нартов является автором широко известных «Рассказов о Петре Великом», составленных им также большей частью по рассказам отца, полное издание которых недавно было предпринято (Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом. Подг. П. А. Кротова. Спб. 2001.) К слову скажем, упомянутое издание этого замечательного произведения Нартова, к великому сожалению, разочаровывает читателя своей своей излишней пафосностью в предисловии и неудовлетворительной подготовленностью (не предпринято никаких, кроме

изнуряющих текстологических, комментариев, и даже инициалы всеильного князя А. Д. Меншикова так и остались для читателя непонятными («К. М...»).

В своих «Рассказах» А. А. Нартов упоминает и об эпизоде на парижском Монетном дворе, подробному описанию которого посвящено посылаемое издание (см.: Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом. СПб. 2001. С. 112.).

⁴ История эта издана не была, но увидели свет многочисленные статьи Нартова по горному делу, помещенные в периодических изданиях, а также переводы книг по горному делу.

Из отдельно изданных ему принадлежат только переводы: «Иоганна Готлоба Лемана, королевского прусского горного советника, императорской Академии наук химии профессора и члена Минералогия. Переведена Андреем Нартовым, статским советником, членом Берг коллегии Монетного департамента, экономического общества и Лейпцигского собрания свободных наук. СПб, 1772» (СК, II, 385) и книги Иоганна Вальха: «Валха Каменное царство, перевел Андрей Нартов, действительный статский советник, Государственной Берг-коллегии вице-президент, Монетного департамента, разных ученых обществ член... СПб, 1784» (СК, I, 832).

Из неизданных произведений Нартова по горному делу интересен «Словарь минералогический, сочиненный Андреем Нартовым, действительным статским советником и королевского ордена Данеброга кавалером. 1790 года в С.-Петербурге» — 254 с., текст на латинском и русском языках (НБ Казанского университета).

[5]. 15 октября 1781 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Болезнь моя лишила меня неоцененного удовольствия при отъезде вашем засвидетельствовать мое почтение, и самолично произнести желание усерднейшее о благополучном путешествии Вашего Сиятельства²; но душа моя и заочно всегда вам счастья и здоровья совершенного у всевышнего испрашивает, ибо добродетели ваши твердо начертаны в сердце моем, а потому они руководствуют и мыслями моими, чтоб вспоминать редкия свойства души вашей. Благосклонность ваша ко мне навсегда меня привя-

занным вам учинившая, питает меня надеждою, что что Ваше Сиятельство прозьбу мою принять благоволите, прозьбу, основанную на люблении тех наук, к коим я себя посвятил, и которых служба и звание от меня требует. Она состоит в том, чтоб во время пребывания вашего в Вене достать для меня венгерских минеральных штуфов, с описанием тех мест, где они добываются, которых для вас конечно не пожалеют, и которых сим средством доставят мне сведение и знание в минералогии тех сцеплений в коих премудрая натура содействие свое в недре земном над ними изъявила³. Сие произведет пользу как мне, так и отечеству ради того соображения, какое я намерен учинить с российскими рудами. Тамошнее горное правительство за честь себе поставит оным услужить Вашему Сиятельству, а я с моей стороны обязываюсь оному, по получении от туда штуфов, переслать им российских руд, которых там весьма редки. Если сие Вашему Сиятельству не будет в тягость, и буде представление мое уважения достойно, то покорнейше прошу пополучении, оныя переслать на имя мое поспособности чрез какое нибудь место воденным путем⁴. Я сочту себе оное вашею ко мне милостию, и за особливую честь то, когда удостоите меня на оное вашим ответом, котораго с нетерпеливостию ожидаю, уверяя, что я во всю жизнь с должною преданностию и высокопочитанием пребуду

Вашего Сиятельства,
Милостиваго Государя моего
Покорнейший Слуга
Андрей Нартов.
С. Петербург.
Октября 15 дня
1781.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 376—376об—377. Автограф.

² Речь идет об отъезде князя Куракина в путешествие за границу, когда он сопровождал в путешествии по Европе князя и княгиню Северных (цеса-

ревича Павла Петровича и Марию Феодоровну). Их отъезд из Царского Села состоялся 19 сентября 1781 года. 15 октября князь покинул Киев.

³ Известно, что Нартов собрал значительную коллекцию минералов, которую современники именовали «Кабинетом Нартова», из которого он в том числе делал подарки в Академию наук (*Летопись РАН, Т. 1, С. 717*). А в 1791 году Нартов «подарил Вольному Экономическому Обществу многочисленное собрание минеральных штуфов и положил таким образом первое основание минералогическому кабинету» (Цит. по: Ходнев А. И. История Императорского Вольного Экономического Общества с 1765 до 1865 года. СПб. 1865. С. 492). А в библиотеке Казанского университета сохраняется составленное Нартовым в 1780-х годах ее описание: «Собрание разных камней и руд, принадлежащее Андрею Нартову...».

⁴ Очевидно, для лучшей сохранности пород, поскольку при сухопутном пути они подвергаются сильной тряске.

[6]. 25 октября 1781 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Пред сим имел я честь к Вашему Сиятельству писать в Вену о рудах минеральных, в Венгрии добываемых, и думая, что может быть каким нибудь случаем письмо мое до вас не дойдет, почел занеобходимое, начертать вторичное с усугублением моей к вам покорнейшей просьбы, дабы благосклонности вашею ко мне достать от начальствующаго в горном правительстве венгерских руд с их горными породами, и доставить их ко мне, так, как удобность сие дозволит. Я с моей стороны верно обещаю сообщить тому российский штуфы, кому от Вашего Сиятельства предписано будет. Редкость минеральных произведений нашей земной утробы конечно тамошним любителям истории натуральной приятна будет, а сим средством и я, и они удовлетворятся. Не считайте Милостивый Государь за дерзость сие, что я вас сим утруждаю, но за стремление мое к приобретению сведений рудословных, дабы расторжением составных частей, связывающих венгерские ми-

нералы, и испытанием огненным узнать содержание их, и сравнить с нашими. Рвение мое о пользе отечества моего в притеснениях и в печалях моих еще не потухает в той надежде, что если жив буду, со временем за руды воздаяние получу. Известно вам, что сильные, прямодушных не любят, да и людей имеющих знания в науках не весьма терпят, воображая себе, будто бы они все то сами знают. Удостойте Ваше Сиятельство меня на сие вашим ответом, могу ли я получить из Вены Руд? Равномерно и о вашем здравии, которое для меня неоцененно. С великим восхищением читаем мы в Петербурге артикулы чужестранных ведомостей, в коих путешествие их Императорских Высочеств описывается². Верные сыны Российскаго Государства денно и ношно просят Бога о сохранении их здравия, дабы они путь свой продолжали счастливо под покровительством всевышняго, и возвратились паки в Россию в совершеннейшем здравии к обрадованию общему. Сего то и я один из их верных рабов от всего моего сердца усерднейше желаю, препоручая себя в милость вашу, с отличным высокопочитанием есмь

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя моего
покорнейший слуга
Андрей Нартов
С. Петербург
Октября 25. дня
1781 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 378–379об. Автограф.

Думается, князь не получил первого письма Нартова, поскольку прибыл в Вену только 10 ноября. Но скажем, что повторное письмо довольно важно, поскольку говорит о достаточно близких отношениях Нартова и князя Куракина, ибо при простых официальных отношениях послание такого письма было бы неуместным.

² В Санктпетербургских ведомостях печатались переводы из газет, писавших о передвижении графов Северных со свитою по Европе.

[7]. 24 сентября 1797 года¹.

Из Императорского Экономического Общества.

Его Сиятельству Господину вице канцлеру и разных
орденов кавалеру Князю Александру
Борисовичу Куракину.

Экономическое общество уважая великую пользу могущую произойти от заданной вашим сиятельством задачи в 1783^m году о исправлении степей, на которую тогда достойного ответа не было, в чрезвычайном собрании своем сего сентября 23го дня за благо разсудило повторить оную на будущий 1798ⁿ год, ежели на то будет благоволение ваше, общество ожидает на сие разрешения Вашего Сиятельства², а между тем доставляет при сем речь произнесенную председателем онаго общества в помянутом торжественном собрании³. Общество непреминет расположить себя согласно отзывом на то от Вашего Сиятельства пребывая с отличным высокопочитанием

Андрей Нартов
Сентября 24 дня
1797 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 999. Л. 2. Писарское, с подписью автографом.

Андрей Андреевич Нартов являлся одним из деятельнейших членов, а затем и президентом Вольного Экономического Общества. Он был и в числе 14 человек, учредивших в 1765 году по предложению И. И. Тауберта «патриотическое общество для поощрения в России земледельства и экономии», получившего при основании название Вольного Экономического Общества. Сперва Нартов, бу-

дучи подполковником артиллерии и членом Берг-коллегии, был назначен секретарем для российской переписки. Также на Нартова была возложена обязанность редактировать Труды Общества. Секретарем он был до ноября 1778 года, когда отказался от должности по случаю отъезда своего за границу, но в декабре 1787 года, по приглашению Общества, вновь принимает это звание и сохраняет его до 3 января 1797 года — дня избрания его президентом Общества. В виду исключительных заслуг Нартова перед Вольным Экономическим Обществом, в 1811 году (еще при жизни) в Обществе был поставлен его бюст.

Что же касается различных задач, то Общество прилагало множество усилий к распространению в России различных растений (манной травы, картофеля, винограда, кукурузы, земляных миндалей), земледельческих новшеств, употреблению сельскохозяйственных машин и т. д. С этой целью Общество из года в год предлагало для разрешения различные сельскохозяйственные задачи, на которые часто получало вполне удовлетворительные ответы. Князь Куракин на протяжении многих лет пересылал Обществу деньги для награждения решивших задачи, чем Общество было ему премного обязано.

² Эта задача была задана сперва 15 декабря, а в награду за удовлетворительный ответ князем было назначено 30 червонцев, но ответа не было. Полный текст задачи прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 117. Лл. 3—4).

³ Имеется в виду речь А. А. Нартова, произнесенная 23 сентября 1805 года в чрезвычайном собрании Вольного Экономического общества. Она посылалась князю в виде рукописи, а фрагмент ее был включен в специальное объявление, которое в октябре месяце того же года было напечатано и приложено к №83 Санктпетербургских ведомостей (Объявление. [О собрании Вольного экономического общества, результатах конкурса 1796 года и объявление новых тем для следующего конкурса].— 5 с.).

[Приложение 1].

Отпуск письма князя Куракина к А. А. Нартову от сентября 1797 года¹.

Его Пр<евосходительст>^{ВУ} Нартову
Милостивый Государь мой Андрей Андреевич.

Примите мою благодарность за доставленный ко мне вашим превосходительством от имени Вольнаго Экономическаго обще-

ства Экземпляр речи произнесенной вами в день чрезвычайного собрания онаго 23 сего месяца. Совершенно лестно для меня было узнать при том, что в сие собрание Общество заблаго разсудило возобновить и на следующий год предложить задачу о исправлении степей, которая от меня в 1783 году предложена была и которая до сего нерешенною оставалася. Назначенное мною награждение за достаточное сей задачи разрешение подтвердительно я сообщаю.

Еще раз извиняюсь я и изъяв<ляю> мое сожаление, что не мог я быть в помянутом чрезвычайном собрании. Не менее однако можете вы уверены быть и от имени моего общество удостоверить в моем искренном к оному усердии.

Впрочем я на всегда с
отличным почтением есть
Милостивый Государь мой
Вашего превосходительства
покорный слуга

С. Петербург
Сентября дня
1797.

На большом листе

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 999. Л. 5—5об. Писарский.

[8]. 29 июня 1802 года¹.

Милостивый Государь!
Князь Александр Борисович!

Милостивое Вашего Сиятельства ко мне разположение подает мне повод и смелость, подателя сего честнейшаго и достойнаго, и мне по добрым своим качествам давно известнаго человека

полковника и кавалера Шлатера² не только рекомендовать в особенное Ваше Благоволение, но и всепокорнейши Ваше Сиятельство просить, оказать ему всевозможное вспоможение в таком деле которое почтет он за ревностную свою службу воздаянием.

Оказанную ему от Вашего Сиятельства милость сочту я мне самому учиненною, за которую не примину благодарить самолично, а в ожидании сего, уверяя Ваше Сиятельство о всегдашнем к особе вашей глубококом высокопочитании и преданности, имею честь навсегда пребыть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Послушнейший Слуга
Андрей Нартов
29 июня
1802 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 237. Нартов. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду Федор Иванович Шлаттер, старший сын статского советника Ивана Ивановича (Иоганна Фридриха) Шлаттера (1738—1780) и внук президента Берг-коллегии и известного ученого Ивана Андреевича (Иоганна Вильгельма) Шлаттера (1709—1768). К тому времени Федор Иванович имел звание инженер-полковника и был кавалером ордена св. Владимира IV степени.

Нартов был дружен с семьей Шлаттеров, особенно с имевшим шестерых детей Иваном Ивановичем (одно время он вместе с ним служил в департаменте Берг-Коллегии по монетным делам). В 1765 году он предлагал избрать И. А. Шлаттера членом Вольного Экономического общества в состав пятнадцати, но поскольку на то же место предлагался граф Ф. Г. Орлов, то решено было не избирать никого и оставить место вакантным.

[9]. 4 декабря 1804 года¹.

Милостивый Государь !

Князь Александр Борисович!

От всего Экономического Общества покорнейше прошу Вашего Сиятельства, яко усерднейшаго члена сего сословия, приложенную при сем 56 ю часть трудов наших² поднести Ея величеству, Государыне Императрице Марии Феодоровне, и сим самым ободрить и ошастливить общество наше. Список речи моей³ и печатное известие⁴ поднося здесь, имею честь пребыть навсегда с отличным высокопочитанием и преданностию

Вашего Сиятельства

Милостиваго Государя

покорнейший слуга

Андрей Нартов

Декабря 4 дня

1804 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 215. Л. 143. Автограф.

² На общем собрании Общества 7 декабря 1765 года, когда утверждался порядок издания Трудов, отдельным пунктом было включено решение подносить экземпляры членам августейшей фамилии.

³ Имеется в виду список с речи Нартова, в том же месяце напечатанной отдельным изданием: «Речь, говоренная императорской Российской Академии президентом, Андреем Нартовым в первое торжественное собрание в новом сей Академии доме, 1804 года». (Спб, 1804).

⁴ Возможно, речь идет об оттиске из кн.: Записки деяний императорского Вольнаго Экономического Общества. Спб, 1804.

[10]. 14 декабря 804 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Почтеннейшее Вашего Сиятельства ко мне письмо, коим извещаете о поднесении вами книги трудов Экономического Общества² Ея Величеству Государыне Императрице матери и о изъявлении Ея Величеством благодарения Обществу, я представил собранию; и Именем его покорнейше благодарю вас Милостивый Государь, за сие усердное содействие к чести всего общества относящееся, пребывая на всегда с истинным моим почтением и преданностию

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

покорнейший слуга

Андрей Нартов

Из Собрания

14-го декабря 1804

Его С<иятельст>ву Князю А. Б.

Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 251. Л. 19. Писарское, с подписью-автографом.

² См. об этом в предыдущем письме.

[11]. 27 мая 1805 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Имею честь препроводить присем Вашему Сиятельству именем Вольнаго Экономического общества сделанную из земляных миндалей муку, которая с пользою употребляется для пригото-

ления разного рода пищи². Как разведение сих миндалей в России произошло единственно по старанию Общества; то я не сомневаюсь, что Вашему Сиятельству будет не неприятно видеть сей Новой способ употребления сего растения.

Пребываю с истинным моим и совершенным почтением и преданностию.

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Андрей Нартов

Маия 27 1805

Его С<иятельству>-ву

Князь Ал. Бор. Куракину.

P.S. Не угодно ли будет Вашему Сиятельству показать сие произведение Государыне Императрице Марии Феодоровне, яко любительнице земледелия и хозяйства.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 222. Л. 126–126об. Писарское, с подписью-автографом.

² Речь идет о т. н. Кипрской траве, называемой Карлом Линнеем *Suregus esculentus*. Из нее, согласно заверениям Нартова, можно в том числе делать муку для выпечки хлеба.

Вообще Нартов был очень сведущ в ботанике, а также является одним из первых русских лесоводов. Им была собрана замечательная коллекция образцов разных деревьев, кустарников, а также гербарий, вкуче состоявшие из 1121 образца. Это собрание, сопровождаемое двухтомным рукописным каталогом, в 1795 году было им пожертвовано в ботаническую коллекцию Общества.

[12]. 4 июня 1805 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Благодаря Ваше Сиятельство именем Вольнаго Экономическаго Общества за представление благоусердное посланной к вам земляных миндалей муки Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Матери, имею честь препроводить присем вам, Милостивый Государь, требуемое вами описание употребления сих миндалей², равно и книшку особенно по сему предмету от Общества Публичкованную³; Пребывая с особенным моим совершенным почтением и преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

Андрей Нартов

С П Бург

Июня 4 дня

1805.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 222. Л. 169–169об. Писарское, с подписью-автографом.

² На Лл. 170–171об — рукописная заметка «Об употреблении земляного миндаля», писарская.

³ Речь идет об одном из двух изданий: Нартов А. А. Описание земляного миндаля и опыта над произращением онаго в Санктпетербурге 1803 года. [Спб], При Императорской Академии Наук. 1803 — 37, [1]с., а скорее всего переиздание следующего года ([1804] — 40 с.) с приложением двух листов иллюстраций.

[Приложение 2].

Отпуск письма князя Куракина к А. А. Нартову от 1 декабря 1805 года¹.

Копия письма моего к
Его превосходительству Андрею
Андреевичу Нартову от 1 декабря 1805-го года.

По болезни моей не могу я воспользоваться лестным для меня приглашением Императорского Вольного Экономического Общества в Собрание Его завтнешний день, сего 2го декабря. Не сомневаясь между тем, что бы назидаемое вами почтенное сословие сие не получило в продолжении сего истекающего года каких либо новых полезных изобретений, и что бы потому и сделанное мною в прошедшем годе приношение не послужило уже предположенной наградою, я покорно прошу Вас, Милостивый Государь Мой, пожаловать меня уведомить кто имянно и за какие точно общепользные представления таковую награду заслужил.

Следующие же на будущий год онаго приношения моего сто червонных я буду иметь честь не в продолжительном времени Вашему Превосходительству доставить; при повторении моего искреннейшего желания, что бы труды общества благим успехом увенчиваемы были, и новаго уверения о том отличном почтении и преданности, с коими и пребываю.

Вашего превосходительства.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 225. Л. 66.

[13]. 4 декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Вольное Экономическое Общество в торжественном своем сего декабря 2го дня собрании определило в знак глубочайшего своего благоволения поднести новоизданную книгу Трудов Своих², и Записки деяний нынешняго года³ Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне.

Препровождая при сем Экземпляры оных к Вашему Сиятельству, покорнейше прошу вас, Милостивый Государь, как усерднаго члена, представить оныя Ея Величеству от имени Экономического Общества.

Имею честь быть с истинным моим почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Андрей Нартов

Декабря 4 дня

1805 года

Его Сиятельству

Князю Александру

Борисовичу Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 49 — 49об. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду: Новое продолжение трудов Вольного Экономического Общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. VIII [Общей нумерации Трудов часть 57]. Спб. 1805.

³ Имеется в виду: Записки деяний императорского Вольного Экономического Общества. Спб, 1805.

[14]. 10 декабря 1804 года, коллективное¹.

Из Вольнаго Экономическаго Общества, Члену онаго, Его Сиятельству Господину Действительному Тайному Советнику, Члену Государственного Совета, Сенатору, всех Российских Орденов Канцлеру, и Разных Российских и Иностранных орденов Кавалеру Князю Александру Борисовичу Куракину.

Присланные от Вашего Сиятельства к Господину Президенту сего Общества от 5-го сего декабря Сто Червонных, при письме изображающем намерение ваше приносить ежегодно таковой же дар сему сословию, Общество приняло с чувствительным уважением. Оно прежняя ваши усердные подвиги к чести Его относящиеся Памятует, и сей новой знак вашей преданности к отечественной пользе, в Самоважнейших упражнении земледелия и домостроительства, торжественною признательностию запечатлело, определив изъявить пред всем светом признательность свою Вашему Сиятельству.

Желание ваше, касательно распоряжения сей суммы ныне и в пребудущия времена, имеет быть исполняемо со всею точностию; и общество не сомневается, что таковые Патриотическия подвиги не только будут вознаграждены всеобщим успехом и истинною славою, но и возродят благородное и нужное соревнование во всех подобных вам ревностных сынах отечества

Президент Андрей Нартов

Член и секретарь Николай Фус²

Член и секретарь Степан Джунковской³

Из Собрания

Декабря 10 дня

1804 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 251 Писарское, с подписями-автографами.

² Фус Николай Иванович (1755–1825) — математик, уроженец Швейцарии. Переехал в Россию по приглашению Л. Эйлера. С 1776 года — адъюнкт Академии наук, с 1783 — ординарный академик по высшей математике, с 1800 по 1825 — неперемный секретарь академической Конференции. Член и секретарь Вольнаго экономического общества.

³ Джунковский Степан Семенович (1762–1839) — известный русский деятель в области сельского хозяйства. В течение двадцати пяти лет руководил осушением болот вокруг Петербурга. Член Вольнаго экономического общества, в 1803–1828 годах был его секретарем.

[15]. 4 декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от 1го сего месяца я представил Вольному Экономическому Обществу в Торжественном Его бывшем собрании. Повторяемое приношение ваше к распространению Его успехов принято всеми присутствовавшими с чувствительным удовольствием и благодарностию. Касательно прошлогодняго вашего Обществу дара, я имею честь по требованию Вашего Сиятельства известить вас, Милостивый Государь, что ответы на задачи предложенныя с обещаением награды из присланной вами суммы оказались неудовлетворительны, и потому оныя задачи ныне повторены, и некоторыя другия вновь предложены, о коих Ваше Сиятельство в непродолжительном времени будете извещены. Сумма же назначенная вами на приобретение машин и моделей, употреблена в награду моделей новоизобретенных машин. 1. для мятя кирпичной глины; 2. молотильни; 3. мяльни и трепальни для льна и пеньки. Сии две последние модели изобретены и представлены простым российским столяром Адмиралтейскаго ведомства Фокиным², коего природное остроумие Общество почло долгом своим ободрить.

При сем имею честь препроводить Вашему Сиятельству, именованному Обществу, новоизданную Книгу Трудов Его на сей 1805 год³. Пребывая с истинным моим почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Андрей Нартов
Декабря 4 дня
1805 года.
Его Сият<ельст>ву Князю
А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 50 — 50об. Писарское, подпись-автограф.

² Фокин Авдей — столяр, возможно, происходил из привлекавшихся в Петербурге к столярной работе при Адмиралтействе охтенских поселян.

³ Новое продолжение трудов Вольного Экономического Общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. VIII [Общей нумерации Трудов часть 57]. Спб. 1805.

[Приложение 3].

Отпуск письма князя Куракина к А. А. Нартову от декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь мой Андрей Андреевич!

Я имел честь получить письмо Вашего Превосходительства от 4-го декабря и при оном прилежащую от имени Вольного Экономического общества Книгу Трудов Его на сей 1805-й год. Принося мою должную благодарность вам милостивый Государь мой, и всему почтенному Обществу за сие лестное для меня примечание, я с искренним удовольствием взираю на благоуспешные плоды попечений Его о пользе общественной. — весьма

приятно для меня также, что внесенная мною в прошедшем году сумма на приобретение машин и моделей послужила уже наградой изобретшим и Обществу представившим модели новых хозяйственных машин: 1) для мятя кирпичной глины, 2-е молотильни и 3-е мяльни и трепальни для льна и пеньки: машины сии для края нашего совершенно полезны. Я покорно прошу вас, милостивый Государь мой, приказать отыскать изобретшаго две последние модели столяра Фокина², пожаловать прислать его ко мне дабы мог я заказать Ему и для меня таковыя же модели сделать.

Пребывающий с отличным почтением и преданностию
Вашего Превосходительства
декабря -го дня
1805го.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 48 — 48об. Писарский.

² См. прим. 2 при письме 15.

[16]. 16 декабря 1805 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

В ответ на почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от бже сего месяца касательно сделавшаго модель машины для мятя кирпичной глины, имею честь уведомить вас, Милостивый Государь, что Вольное Экономическое Общество во уважение к вашему усердию определило во первых препроводить Вашему Сиятельству одну означенную модель, собственно для вас предоставленную сим сословием; а во вторых поручить оную представить вам самому зделавшему ее члену Общества Коллежскому Советнику Пошману², которой и будет иметь честь объяснить расположение оной Вашему Сиятельству.

Пребываю с истинным моим почтением и совершенною преданностию Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

А. Нартов

Дек. 16.

1805 года

Его Сиятельству

Князю А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 51. Писарское, с подписью-автографом.

² Антон Петрович Пошман (1768—1829) — изобретатель, член Вольного экономического общества и хранитель моделей общества. Специалист по солеварению. В 1809 году он составил руководство к употреблению селитры, также является автором книги «Наставление о приуготовлении сухих и влажных туков, служащих к удобрению пашен» (СПб., издание Вольного экономического общества, 1810). С 1806 года статский советник.

В архиве князя Куракина хранится рукописный альбом с чертежами изобретенных А. Пошманом сельскохозяйственных машин, снабженный посвящением автора князю, без указания года. (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1181. 9 л.). Также среди бумаг князя имеется «Список изобретенным Коллежским советником Антоном фон Пошманом общепольным машинам» с приложением письма самого Пошмана от 2 марта 1806 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 235. Лл. 9 — 9об, 14—15).

[17]. 26 января 1806 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

В следствие почтеннейшаго отношения Вашего Сиятельства, коим вы изъявили желание лично видеть Адмиралтейскаго столяра Авдея Фокина², и которой за представленныя им модели молотильни, мяльни и трепальни награжден был от Економическаго Общества суммою из присланных вами ста червонных, он

ныне приглашен в Общество, которое ему с сим письмом и приказало явиться к Вашему Сиятельству³.

Имею честь быть с истинным и совершенным почтением

Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

Андрей Нартов

Генваря 26

1806 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 178. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 2 к письму 15.

³ В том же томе имеется письмо морского министра П. В. Чичагова к князю Куракину по поводу Авдея Фокина (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 251. Л. 312. Писарское, с подписью-автографом):

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

По желанию Вашего Сиятельства приказал я уволить на три месяца столяра Фокина и отправить его к Вашему Сиятельству.

Имею честь быть с совершенным почтением и преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший слуга

Павел Чичагов

№ 332.

Февраля 23 дня

1806 года.

Его Сият<ельст>ву Кн. А. Б. Куракину.

[18]. 23 июня 1806 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович!

Присланныя от Вашего Сиятельства при почтеннейшем отношении от 18-го сего месяца Сто червонных на сей второй год определенныя вами для награждения ответов на задачи, и для

приобретения моделей полезных машин я представил собранию Императорского Вольного Экономического Общества, которое сим чрез меня изъявляет Вашему Сиятельству свою благодарность за столь ревностное ваше усердие к общей пользе.

Извещая о сем вас, Милостивый Государь, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Андрей Нартов

Июня 23 дня

1806 года.

Его Сият<ельств>ву Князю

А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 240. Л. 174. Писарское, с подписью-автографом.

[19]. 1 декабря 1806 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

По обещанию Вашего Сиятельства, объявленному 1804 года в собрании Вольного Экономического Общества, доставлять в оное ежегодно по сту червонных из коих 30 на полезныя Экономическия Орудия, а 70 в награду за ответы на задачи, вы назначит изволили, Общество, получив за два года ваше Патриотическое приношение, поручило мне уведомить вас Милостивый Государь, что из того числа 60 червонных употреблены доселе действительно на модели и махины российского изобретения; 115 червонных назначены в награждение на задачи сего года², о чем, по совершении Торжественнаго Собрания в

сем месяце, я почту своим долгом вам обстоятельно сообщить; а 30 червонных предположено в награду, по получении вернейших сведений. Ваше Сиятельство изволите из сего усмотреть полезное употребление вашего дара. Общество просит вас, при сем случае, не оставить прислать назначенные на следующих год сто червонных для должнаго при будущих задачах распределения.

Сообщая о сем Вашему Сиятельству, имею честь быть с истинным и совершенным почтением,

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
Покорнейший слуга
Андрей Нартов

Декабря 1, дня

1806-го года

Его Сият<ельств>ву Князю

А. Б. Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 234. Л. 205 — 205об. Писарское, с подписью-автографом.

² Деньги, пожертвованные князем Куракиным, в этом году были употреблены на награждение решивших следующие задачи Общества: «о сборе червца для крашения», «о посеве горчицы», «о сравнительном достоинстве некоторых хлебопахотных орудий» и «о земляных миндалях».

[20]. 12 января 1807 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Присланные при почтеннейшем отношении Вашего Сиятельства от 9-го месяца Сто червонных, назначенные вами ежегодно в награду на задачи и модели для Вольнаго Экономического Общества, я представил собранию онаго, и от лица всех сочленов

приношу вам, Милостивый Государь, совершенную благодарность. Каким же образом будут оные на сей год распределены, я не премину уведомить Ваше Сиятельство в непродолжительном времени присылкою обстоятельного объявления. Между тем имею честь препроводить к вам, Милостивый Государь, при сем от Экономического Общества расчет присланным вами двумстам червонных для сведения вашего². Прошу покорнейше при сем случае принять подтверждение искренняго моего уверения в совершенном моем почтении и преданности.

Вашего Сиятельства

Покорный Слуга

Андрей Нартов

Генваря 12 дня

1807 года.

Его Сият<ельст>ву Князю А. Б.

Куракину.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 244. Л. 29 — 29об. Писарское, с подписью-автографом.

² Прилагается при настоящем письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 244. Л. 30) — Роспись потраченным 200 червонцам, присланным князем Александром Борисовичем Куракиным в 1805 и 1806 году, составленная 1806 года декабря 29 дня.

[21]. 13 мая 1811 года¹.

Его Сиятельству Князю А. Б. Куракину.

Милостивый Государь мой

Князь Александр Борисович!

Имею честь получить почтеннейшее отношение Вашего Сиятельства от 4/16 Апреля коим вы, Милостивый Государь мой,

изволите уведомлять о назначении вашем и на сей год ежегоднаго вашего приношения в Вольное Экономическое Общество в сто червонных, для награждения сочинителей ответов на хозяйственные задачи, и на покупку новых экономических моделей, я представил оное Обществу, которое истребовало от Г. Банкира Ливио² означенную сумму и оную согласно первоначальному патриотическому желанию Вашего Сиятельства определило употребить, изъявив всеобщее в собрании своем вам благодарность.

Сообщая о сем вам, Милостивый Государь мой, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга

Андрей Нартов

С. П. Бург

13-го Маия 1811-го

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 282. Л. 105—105об. Писарское, с подписью-автографом.

² Ливио Степан — известный петербургский банкир. Указом Александра I от 1 марта 1817 года, согласно утвержденного мнения Государственного Совета от 18 декабря 1816 года «О причислении иностранцев к российскому дворянству, по дипломам от чужих государей им данным, не иначе, как по оказанным их заслугам Российскому государю и Государству» банкир Степан Ливио был причислен к российскому дворянству на основании диплома от Баварского короля. (ПСЗ, XXXIV. С. 99.)

Николай Петрович
Николев

Николай Петрович Николев (1758–1815) с раннего детства был хорошо знаком с московским кругом князей Куракиных и их родственников. Это прежде всего проистекало из древней дружбы, которую между собою имели граф Петр Иванович Панин и отец поэта — генерал-майор лейб-гвардии Преображенского полка Петр Михайлович Николев. Существует, правда, мнение, что с графами Паниными его познакомила княгиня Е. Р. Дашкова (*СРП*, 2. С. 350),

но это, конечно же, заблуждение, которое полностью развеивает приложенное нами письмо самого графа Петра Ивановича к своему внучатому племяннику.

В отношениях с Николевым князь Александр Борисович является продолжателем дела графа П. И. Панина, и память о дядюшке, очевидно, главная причина расположения князя к Николеву. Вместе с Николевым князь Александр Борисович был действительным членом императорской Российской Академии.

Здесь мы печатаем четыре письма Николая Петровича к князю (два из них французские), при первом из которых поэт, с целью завоевать расположение ближайшего друга нового государя, приложил стихотворение на смерть Екатерины II и воцарение Павла I.

[1]. 13 ноября 1796 года¹.

Милостивый Государь!

Князь Александр Борисович!

Имея честь поздравить Ваше Сиятельство с получением перьваго правосудия новаго нашего Государя²; а между тем помня что я некогда имел щастие быть вам рекомендован от покойнаго вашего дядюшки Графа Петра Ивановича³ и каторой удостоивал оценить мои не лицемерныя чувствования, осмеливаюсь чрез вас препроводить перьвую жертву моего сердца, как в знак памяти блаженной Матери отечества, так и в знак ревностнаго усердия к новому Отцу Российскому⁴. Лъстец не смел бы столь похвалять Государя по Его кончине; но я уповая на благия дары Павла Перьваго пролил чувствования мои без робости. Удостойте лишь вы Милостивый Государь быть моим покровителем! Давно Европа Мецената не имела, воскресите Ево в лице вашем Парнасу Российскому! Дабы и я малинькой житель сей высоты, получил случай присоединить душевную благодарность к таму

глубочайшему почтению и совершенной преданности с каковыми пребудет к вам навсегда за честь ставящий называться

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

верно-пакорнейшим и усерднейшим слугою

Николай Николев

1796 Года

Ноября 13 дня

Р. S. Лъстясь что слабая жертва моя будет напечатана Ежели покровительством вашим угодно, покажется, покорно прошу Ваше Сиятельство! в противном случае надежды мои, иметь великодушие, хоть строчкою меня уведомить, дабы я от неведения не выпустил Ее в свет!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 146. Л. 54 — 54об, 59. Стихотворение — л. 55—58. Писарское, с подписью-автографом.

² Здесь речь идет о первой милости, полученной князем Куракиным при восшествии на престол Павла I: 6 ноября 1796 года он был пожалован тайным советником.

³ Действительно, граф Петр Иванович Панин (1721—1789) был почитателем творчества Н. П. Николева и его другом (см. приложение в настоящем разделе). Николев посвятил графу ряд своих стихотворений: «Послание к графу Петру Ивановичу Панину» (Творении Николая Петровича Николева... Ч.IV. М, 1797. С. 105—114); «Графу Петру Ивановичу Панину, на случай истребления злодея Пугачева» (Там же. С. 178); «Письмо к графу Петру Ивановичу Панину» (Там же. С. 183—186); «Стихи на кончину Графа П. И. Панина, последовавшую 1789 года апреля 15 дня» (Там же. С. 257).

⁴ Стихотворение «Плачь России по Кончине Матери Отечества Екатерины II и утешение при восшествии на всероссийский Престол императора Павла Перваго», приложенное Николевым к настоящему письму, мы поместили в конце книги в числе приложений.

Князь послал Николеву ответ на настоящее письмо, датированный 20 ноября 1796 года, где сообщил о получении стихотворения и благодарил поэта, отпуск его раньше хранился в архиве Зимнего дворца и числится в доре-

волюционной описи, однако в самом деле (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Е.х. 397) его ныне не имеется.

[2]. Декабрь 1801 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Болезнь удерживающая меня и до ныне в моей муры² лишила меня чести и удовольствия в бытность вашу в Москве засвидетельствовать не лицемерное почтение и поблагодарить за те благие Вашего Сиятельства чувствования коими вы удостоили радовать беднова слепца, в бытность его в Питербурге. Теперь отпуская сына моего³ почти из мертвых воскресшаго служить за глазами отца, немогу удержать надежды уверяющей сердце мое, что вы Милостивый Государь не откажетесь принять ево в ваше покровительство, удастоить ево ваших милостей и отеческих наставлений с полною властью великодушнаго благодетеля и с чисточердечием той чувствительности и человеколюбия коими вы столь давно привлекаите к себе любовь и почтение всех добрых людей. Сын слепова отца есть сирота и потому великодушие и добродетель остаются единым прибежищем и покровом в путях ево счастья. Удастойте Милостивый Государь приказать ему к себе чаще являться, а иногда иметь честь быть при вашем столе. Сия милость подаст ему средства, как заимствовать от разума и просвещения Вашего Сиятельства, так и получить одобрение от достойных людей. Я уверен что Бог рано или поздно вознаграждающий за добрыя дела порадует вас и за те благодеяния о коих теперь Ваше Сиятельство просит и надеется с готовым сердцем присоединить вечную к вам благодарность, к глубочайшему высокопочитанию и совершеннейшей преданности за честь поставлющий называться

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства!

Всеусерднейшим и всепокорнейшим слугою

Николай Николев

1801 года

декабря дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 195. Л. 207 — 207об — 208. Писарское, с подписью-автографом. Дата не проставлена в оригинале.

² Ср.: мурыя — «лачуга, конура, землянка, тесное и темное жилье, пещерка» — Даль В. И. Толковый словарь живного великорусского языка. Т. II. Спб-М, 1905. Стлб. 942. Возможно, Николев здесь напоминает князю о своей слепоте.

³ Николев Николай Николаевич (1779–1835). В 1785 году зачислен в Преображенский полк подпрапорщиком, с 1797 года в статской службе. С 1799 года опять в Преображенском полку, а в 1805 — в Апшеронском. В 1813–1815 годах принимал участие в походах против армии Наполеона. Неоднократно отличался в сражениях. С 1820 года в отставке. Известный масон, автор ряда стихотворений.

[3]. [Январь 1802 года?]¹.

Votre Excellence!

Obligé de me tenir dans mon petit coin, autant que le gelant Borée souffle, et pressé du désir de profiter de votre généreuse permission de vous présenter mon fils, j'ose le présenter a Votre Excellence comme porteur de sa propre recommandation. Daignez condescendre a l'honorer de quelque portion de cette précieuse bonté dont vous comblez avec tant de générosité son père, et quoique la face de mon jeune homme est un peu gothique pour son âge, je puis vous assurer qu'il a un bon sens et assez de bon sens pour se faire une loi de la conservation de ce profond respect et dévouement parfait avec lesquels j'aurai toujours l'honneur d'être

De Votre Excellence
Le tris humble et tris obÿissant serviteur
Nicolas Nicolleff

[Перевод:]

Ваше превосходительство!

Принужденный из дому не выходить, покуда дует ледяной Борей, но желая, однако же, воспользоваться великодушным вашим дозволением сына своего² Вашему Превосходительству представить, дерзаю его вам представить, дабы сам он себя отрекомендовал. Благоволите его почтить частицею тех драгоценных милостей, коими столь великодушно награждаете его родителя, и хотя лицо его возрасту не вполне приличествует, уверяю вас, что сердце у него доброе, а здравого смысла довольно, чтобы за правило себе поставить вечно то глубокое уважение и совершенную преданность питать, с коими честь имею быть

Вашего Превосходительства
Покорнейший и почтительнейший слуга
Николай Николев.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 479 («Записки ко мне от разных особ 1801–802»). Датируется по содержанию). Л. 110. Писарское, с подписью-автографом. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

² См. прим. 3 к письму 2.

[4]. [Вíààðü 1802 ãî àà?]¹.

Votre Excellence,
Invariable dans les sentiments de respects et de reconnaissance que m'inspire Votre Excellence, je me croirais indigne de vos bontÿs et de la bienveillance que vous voulÿtes

bien me tÿmoigner a mon dÿpart de Moscou, si j'avais retardÿ jusqu'a prÿsent a fÿliciter Votre Excellence sur son heureuse arrivÿe en cette ville. Mais comme le traitement des esclaves par rapport a ma vue me prive si longtemps de cet honneur, en me retenant chez moi toutes la matinÿes, je supplie V<otre> E<xcellence> de vouloir bien me sacrifier quelques momens de vos agris-doner, afin de mÿriter le regret de n'avoir pu vous assurer de vive voix des sentiments du plus profond respect avec lequel je ne cesserai jamais d'ÿtre

De Votre Excellence
Le tris humble et tris dÿvouÿ serviteur
Nicolas Nicolleff

[Перевод:]

Ваше превосходительство,

Питая неизменное к вам почтение и признательность, почел бы я себя недостойным милостей ваших и благосклонности, кою изволили вы ко мне изÿявить при отъезде моем из Москвы, ежели бы промедлил поздравить вас со счастливым прибытием в сей город. Однако же эскулапы, зрение мое пользующие, надолго сей чести меня лишают, ибо по утрам принужден я оставаться дома, посему умоляю Ваше превосходительство уделить мне несколько мгновений времени вашего послеобеденного, дабы смог я словесно засвидетельствовать вам глубочайшее почтение, с коим вечно пребуду

покорнейший и почтительнейший ваш слуга
Николай Николев

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 479 («Записки ко мне от разных особ 1801–802»). Датируется по содержанию). Л. 118–118 об. Писарское, с подписью-автографом. На французском языке. Перевод В. А. Мильчиной.

[Приложение].

Письмо графа П. И. Панина к князю А. Б. Куракину¹.
Из Москвы Марта 14 дня 1781-го.

Препровождаю чрез сие ходатайством моим в милостивое, где возможно, воспоможение ваше, любезный мой Друг Князь Александр Борисович вручителя сего Николая Петровича Николаева, сына покойного давняго приятеля моего Петра Михайловича². Вы пожалуете выслушать от него каким ужасным безчеловечием отец жены его³, князь Александр Алексеевич Долгорукой⁴, ввергает их с невинно нарожденными уже детьми в бедственнейшую нищету, под видом за то будто, что дочь его возрастом в дватцать семь уже лет вышла за муж уходом от родителя; но за дворянина, со всем себе ровнаго, и за честнаго человека; в самой же вещи для того, чтоб не допустить ее получить из своего, и матернее имение, ничего до своей смерти, и чтоб сносила она с терпением когда он раздает оное побочным детям от своей холопки, которую держит явно своею наложницею; да и для чего дочь ево нарушила и тем целомудрие свое, что вышла законно за муж в дватцатисемь годах за дворянина, и народила детей от него, а не по примеру его от холопа; вот, дарагой друг! Как могут еще в нашей земле мыслить о истинной правоте и добродетели и самых знатных родов князья, не упрекаясь отнюдь в своей совести, что никак не позволено того взыскивать от других, чего сам собственно делать не хочешь, и не делаешь. Сей Господин Николев надеюсь вам уже именем известен, по нескольким его стихотворческим изданиям⁵.

<...> Я есмь всегда непременно всем сердцем и душою весь ваш

Искренним другом и слугою. <Граф Петр Панин>

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 949. Л. 141–141об. Писарское, с подписью-автографом.

² Николев Петр Михайлович (?–1772), генерал-майор Преображенского полка, член кригс-комиссариата. Был женат на купеческой вдове Мавре Афанасьевне Аникиевой.

³ Екатерина Александровна, рожд. княжна Долгорукая (ум. 1829). Николай Петрович Николаев женился на ней в 1778 году.

⁴ Князь Александр Алексеевич Долгорукий (1718–1782), премьер-майор в отставке. Через год после его смерти — в 1783 году — все имения его перешли сыновьям Александру, Федору и Михаилу.

⁵ К тому времени вышли следующие издания его произведений: Испытанное постоянство комедия, в одно действие... М, 1776 (СК, II. №4618); Ода ея императорскому величеству государыне Екатерине Алексеевне ... на заключение славою увенчанного мира. М, 1774 (СК, II. № 4625); Письмо к Федору Григорьевичу Карину... М, 1777 (СК, II. № 4626); Попытка не шутка или Удачной опыт комедия, в трех действиях. М, 1774 (СК, II. № 4627); Сатира на обычаи и нравы развращенных людей нынешняго века. М, 1777 (СК, II. № 4631). Вполне вероятно, что здесь граф Панин имеет в виду две книги, вышедшие непосредственно в 1781 году: Розана и Любим драма с голосами в четырех действиях. М, 1781 (СК, II. № 4629) и Прикащик, драматическая пастелья с голосами, в одном действии. М, 1781 (СК, II № 4628).

Даниил Самойлович
Самойлович

Даниил Самойлович Самойлович (1744 или 1743—1805) — действительный статский советник, член медицинской коллегии и многих иностранных академий. Выдающийся русский эпидемиолог, яркий представитель русской школы эпидемиологов-контагионистов. В 1776 году был отправлен за границу учиться, пробыл в Лейдене четыре года, где 26 октября 1780 года получил степень доктора медицины. Затем в Страсбурге и Париже изучил акушерство, после чего возвратился в Россию и в 1784 году был признан Медицинской коллегией доктором медицины. Автор множества сочинений, причем как написанных до отъезда, так и написанных и напечатанных им в городах его пребывания — Лейдене, Страсбурге и Пари-

же. Подробный их список приведен Змеевым (II. С. 93 — 94). О знакомстве Самойловича с князем Куракиным повествуется непосредственно в публикуемом письме. Целью же этого послания к князю было поторопить решение дела по имению Самойловича, ожидающего решения в Сенате.

[1] .18 января 1797 года.¹

Сиятельнейший Князь!

Вы были мне, в Монбелiare, ходатай мой многомилостивейший², успособствовали меня быть пред лицом всеавгустейшаго монарха нашего, и у ручки Ея Величества³! Вам известно, что я получил из Вены и вседрагоценнейшее по концу дней моих от Его Величества письмо. Не лишайте меня, сиятельнейший Князь, пред лицом всеавгустейшаго Государя нашего толиких же благотворений ваших и ныне. В письме своем к Сергею Ивановичу Плещееву⁴ я объяснился, где-бы мог я быть всенаипольнейшим по службе моей, яко доктор, в которой нахожуся я с 1761го года⁵. В сей же стране служу с 1784го года: коллежским советником с 1785го года от 21го Апреля, представляем был в 1787^м году от Графа Самойлова⁶. И от Графа Суворова-Рымникскаго⁷, к получению ордена⁸, а получил 4 степени прошлаго 28-го июня.

За блага мне ваши, Сиятельнейший Князь, соделанныя, предостанется мне 54 летнему старику, вам благодарить, благодарить вам, со умилением души моя, благодарить вам, воздеяв горе Руди мои, прославляя имя Ваше и пребывая к вам с душевною преданностию, и с повсегдашным высокопочитанием моим

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Данило Самойлович

Самойлович
Генваря 18 дня
1797 года
Очаков

Где и по долгу службы моя и всегдашнее пребывание мое.

Р. S. По Сенату есть дело мое о забраниии в казну и последняго имения моего, после всех разграблений сторонных. Прошу вас, Сиятельнейший Князь, испросить мне милость у Князя Алексея Борисовича⁹, чтобы дело мое было-бы в Сенате представленно к решению. Сим вы, Сиятельнейший Князь, облагодворите всенаубетильнейшее <!> письмо мое о сем-же самом к Князю Алексею Борисовичу!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 150. Л. 276—276об—277. Писарское, с подписью-автографом. Пунктуация оригинала — в виду ее хаотичности — не сохранена.

² Самойлович был представлен великокняжеской чете в Этюбе близ Монбельяра, где графы Северные находились с 21 июля по 21 августа 1782 года. Судя по тексту письма, Куракин способствовал этому.

³ Здесь имеется в виду Мария Феодоровна, которая тогда была еще Высочеством.

⁴ Плещеев Сергей Иванович (1752—1802) — служил во флоте. В 1781 году был назначен состоять при цесаревиче Павле Петровиче, также был в его свите при путешествии по Европе. В 1796 году после смерти Екатерины II был назначен адъютантом Павла I, а при коронации — в 1797 году — был произведен в вице-адмиралы и поставлен при принятии прошений. Находясь при Павле Петровиче с 1781 года, он уже после воцарения более других пользовался его милостью, но не избежал общей судьбы его приближенных и был отправлен в отставку 28 июля 1798 года. Плещеев получил известность как масон.

⁵ В 1761 году Самойлович поступил 15 ноября в Московский госпиталь учеником, но уже 27 ноября был принят принят в Петербургский адмиралтейский госпиталь, где в 1765 году получил звание подлекаря, а в 1767 году — лекаря.

⁶ Граф Александр Николаевич Самойлов (1751–1814) — племянник князя Г. А. Потемкина, отличился при осаде Очакова. При Екатерине назначен генерал-прокурором Сената, а при Павле I — действительным тайным советником.

⁷ Суворов Александр Васильевич, граф Рымникский, князь Италийский (1729–1800) — генералиссимус.

⁸ Речь идет об о награждении Самойловича орденом св. Владимира IV степени.

⁹ Князь Алексей Борисович Куракин (1759–1829) — родной брат нашего князя Куракина. В то время — генерал-прокурор правительствующего Сената и главный директор ассигнационного банка.

Николай Николаевич
Сандунов

Николай Николаевич Сандунов (Зандукели; 1769—1832), ординарный профессор гражданского и уголовного судопроизводства императорского Московского Университета. Окончил Дворянскую гимназию при Университете, а потом и сам Университет, причем в последнем в 1787 году получил Золотую медаль за отличные успехи. Преподавал синтаксис в Гимназии, а затем был приглашен М. М. Херасковым к себе в секретари. После этого служил секретарем при генерал-губернаторе возвращенных от Польши губерний и областей, где был произведен в чин титулярного советника.

По требованию князя Алексея Борисовича Куракина, в бытность его генерал-прокурором правительствующего Сената, вступил в канцелярию о составлении законов Российской Империи в звании сочинителя. В чине коллежского советника в 1798 году был переведен в Москву, на должность обер-секретаря Шестого департамента Сената, где и прослужил двенадцать лет, после чего вышел в отставку в чине статского советника.

В 1811 году, по приглашению попечителя Московского учебного округа П. И. Голенищева-Кутузова, занял место профессора Московского университета и преподавал российское законоведение.

[1]. 1 августа 1803 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Повеление Вашего Сиятельства, возлагающее на меня лестную обязанность печься о Неофите Ивановиче Прокудине² получить я честь имел. Приемля единое препоручение Вашего Сиятельства за милостивый знак отличного ко мне благоразположения со всем усердием готов я употребить себя, сколько в возможности моей есть к содействию в пользу Неофита Ивановича; и говорил уже с кем должно. Примеры были, что подобные случаи окончаны с успехом; но по недавнему дела сего вступлению надобно несколько обождать. Я весьма почту себя щастливым, есть ли случай сей дозволит мне сделать воле вашей благоугодное во всей полноте желания Неофита Ивановича.

С совершенным высокопочитанием и неограниченною приверженностию честь имею пребыть навсегда

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Николай Сандунов
1 августа
1803 года.

Р. S. Ея превосходительство Александра Ивановна³ приказывала мне благодарить Ваше Сиятельство за приписку к ней в письме моем.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 207. Л. 302 — 302 об. Автограф.

Сандунов в то время служил обер-секретарем Шестого департамента правительствующего Сената; именно это обстоятельство и послужило причиной возникшей в данном случае переписки.

² Прокудин Неофит Иванович — коллежский советник, в службе состоял с 1756 года. 28 декабря 1785 года пожалован надворным советником. Князь Александр Борисович познакомился с Прокудиным в конце 1780—начале 1790-х, когда Неофит Иванович служил Губернским прокурором в Пензенском наместничестве. Дело по нижегородскому винокуренному заводу, коего он был начальником, находилось на рассмотрении в Четвертом департаменте Сената. Сам Прокудин просил князя Куракина о помощи еще в письме от 11 марта 1802 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 199. Л. 267). Также Прокудин просил о помощи по службе его сыну — письмо от 10 января 1805 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 220. Л. 87).

Сандунов, желая угодить князю, снесся тогда же по этому делу с сенатором Петром Петровичем Нарышкиным (1764—1825), который сообщил Сандунову, что дело Прокудина стоит на очереди в Сенате и опасаться ему нечего. Нарышкин, в свою очередь, и сам отписал князю Куракину о сношениях с ним Сандунова в письме из Москвы от 25 августа 1803 года (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 207. Л. 348, в постскриптуме).

³ Жена писателя. Известная красавица того времени.

[2]. 12 февраля 1806 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Снисходительное внимание, каковым удостоен я от высокой Особы Вашей, Сиятельнейший Князь и милостивое дозволение, данное мне при отъезде моем из Петербурга, осмеливают меня принять дерзость по участию моему в судьбе брата моего² искать ему высокого покровительства вашего, Сиятельнейший Князь и испрашивать ему милостей Ваших.

Обстоятельствами вовлечен он в построение двух каменных в Москве домов; дороговизна непредусмотренная обременила его долгами; желая лучше быть должным казне, по вызову от московского опекунского Совета сделанному, просил он ссуды под залог домов своих; но сверх чаяния лишен надежды без Высочайшего Ея Величества вдовствующия Государыни Императри-

цды³ повеления; крайность принудила его двукратно утруждать Высочайшую Ея Особу просьбою и по обеим предоставлено рассмотрению Его Высокопревосходительства Александра Михайловича Лунина⁴. В следствие первого о том повеления донесено от него Ея Величеству, что дома и места брата моего больше стоят просимой братом моим ссуды; но на сие никакого повеления не последовало; а за сим Александр Михайлович не осмеливается сам собою приступить к удовлетворению брата моего ссудою; денег же по собственным его словам находится теперь на лице знатная сумма.

Удостоите, Сиятельнейший Князь, великодушно снизить к покорнейшей просьбе моей и сильным покровительством Вашим извлеките брата моего из крайности, милостиво вспооществуя в исходатайствовании ему всемилостивейшаго соизволения на выдачу просимой им из Московскаго Опекунскаго Совета под залог домов его ссуды. Облаготворя его, Сиятельнейший Князь, благодетельствовать соизволите меня, как истинное участие в судьбе его приемлющаго.

С совершенным высокопочитанием и неограниченною приверженностию честь имею пребыть всегда

Сиятельнейший Князь!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 251. Л. 237 — 237об — 238. Автограф.

² Речь идет о Силе Николаевиче Сандунове (Зандукели; 1756—1820), знаменитом драматическом актере. Его финансовые дела были довольно длительное время, вплоть до 1810-х годов, в сильном расстройстве. Строительство, упомянутое в письме, есть не что иное, как сооружение в будущем знаменитых Сандуновских бань.

³ Т. е. Марии Феодоровны.

⁴ Лунин Александр Михайлович (1745—1816) — действительный тайный советник, в то время почетный опекун Московскаго опекунскаго совета и управляющий Вдовьим домом (с 5 мая 1803 года), управляющий экспедицией при Воспитательном доме О воспитании детей по деревням.

[3]. 26 февраля 1806 года¹.

Сиятельнейший Князь
Милостивый Государь!

Удостоясь чести почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства в разсуждении брата моего я почитаю себе непременною обязанности изъяснить вам, Сиятельнейший Князь, живейшую признательность за милостивое внимание ко мне и брату моему. Движимый сердечным участием в крайности его осмелюсь обременить высокую особу Вашего Сиятельства покорнейшею моею о нем прозьбою, сим же самым чувством к брату моему, а паче надеждою на снисхождение Вашего Сиятельства, побуждаюсь я донести вам Сиятельнейший Князь, что последняя просьба от брата моего Ея Величеству вдовствующей Государыне Императрице поданная быв, как и прежняя брата моего просьбы, прислана к Его высокопревосходительству Александр Михайловичу Лунину, поставила его в необходимости на сей почте поновительно представляя свое мнение относительно ссуды брату моему просить высочайшаго Ея Величества на то соизволения. Сиятельнейший Князь! крайность брата моего велика; но он не может иметь более смелости утруждать Высочайшую Ея Величества Особу новою просьбою. Одно предстательство, одно слово Вашего Сиятельства спасти его может от гибельной крайности. Чувства мои увлекают меня далеко; но Бога для того и просят дерзновенно, что он Бог.

С совершенным высокопочитанием и неограниченною приверженностию честь имею пребыть навсегда

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь
Вашего Сиятельства

всепокорнейший слуга
Николай Сандунов
26-го февраля
1806 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 251. Л. 319 — 319об. Автограф.

Василий Иванович
Тибекин

Василий Иванович Тибекин (Тебекин; 1765—1831), пять писем которого мы решились здесь напечатать, принадлежит к числу малоизвестных поэтов начала XIX столетия. Он был знаком с графом Д. И. Хвостовым и быстро удостоился его благорасположения, поскольку у графа была слабость покровительствовать начинающим литераторам.

Основная ценность публикуемых писем в том, что они проливают некоторый свет на биографию Тибекина. Н. П. Смирнов-Сокольский, описывая сборник его басен 1816 года, писал в комментарии: «Каких-либо биографических сведений об авторе книжечки разыскать не удалось» (Моя библиотека. Библиографическое описание. Т. I. М., 1969. С.447).

Будучи сыном екатеринославского губернатора, Василий Тибекин сперва служил в гвардии, а затем перешел в статскую службу и после смерти отца занимал невысокие должности. В 1812 году в столице вышло из печати его первое отдельное произведение — ода «Ура на победы, одержанная Российскими войсками под командою Фельдмаршала

Светлейшаго Князя Михайла Ларионовича Голенищева-Кутузова над Французами», после выхода которой Тибекин поверил в собственный талант. Он начал усиленно искать себе покровительства и пытался подступиться к высоким особам. Около 1814 года им был написан акростих в память П. А. Румянцева (ОР РГБ, Р. а. Карт. 5. Д. 24). В 1816 году, когда он переехал в Петербург, вышла его первая книга басен, посвященная князю Александру Борисовичу Куракину. В 1819 году вышла еще одна книга («Басни». Спб, при императорской Академии Наук, 1819). В 1820 году Тибекин подает в цензуру новую книгу басен, испрашивая разрешения посвятить их уже Александру I, но издание в свет не вышло. Большинство невышедших басен были им два года спустя включены в сборник «Новые басни», рукопись которого он поднес графу М. С. Воронцову, но также без успеха — книга в свет не вышла.

Стоит упомянуть, что Тибекин постоянно менял написание собственной фамилии — Тибекин и Тебекин. Две его первые книги были изданы под фамилией Тебекин, а в 1819 году — Тибекин, то же происходит и в его подписях под посылаемыми письмами (как и можно усмотреть ниже). Отец нашего баснописца писался опять же двойко: как Тибекин (так подписано его прошение на имя Екатерины II от 10 марта 1791 года, хранящееся в АВПРИ МИД РФ (Ф. 13. Оп. 2. Д. 1046)), так же он фигурировал и в росписях чиновных особ, и как Тебекин (КФЖ. С. 385, 434, 474). Немногие произведения баснописца, опубликованные в XX веке, напечатаны под фамилией Тибекин. Это написание мы также решили взять в качестве основного.

[1]. 18 октября 1815 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивейший Государь!

Благотворения Вашего Сиятельства во время болезни моей Вене² на меня излишняя так сильно впечатлились во глубине души моей, что одна смерть будет колько <!> в состоянии из-

гладить оныя и принудить язык мой не воздавать Вам ежеминутную жертву достоюдолжного благодарения! И сия-то самая незабвенность оных Милостей Ваших оживляет меня надеждою, что и теперь, Сиятельнейший Князь! нижайшая прозьба моя не останется без милостиваго воззрения!

Возвратясь в Любезное отечество вступил я, будучи переименован из Ротмистров в Титулярные советники, в статскую службу и в 1812-м сент. 11-го дня определен по Министерству Финансов, Департаменту Внешней Торговли членом контрольной Дубосарской Таможни, где я продолжал и по сие время служение в действительном исполнении должности³. Но как Комитет Г. Г. Министров нашел за благо уничтожить всю часть контрольного Таможенного управления, то я и остаюсь уже теперь без места. Я же за непременный долг поставляю быть сколько силы и способности позволяют; полезным Отечеству и Государю. Здоровье, привычка к делам таможенным, а более всего, желание старушки Матери моей⁴ побуждают и влекут к объясненной службе. По сей части есть, как я известился, два праздна места; одно в Радзивилово окружного Начальника; другое в Астрахани директора Таможни. Но неимея личного доступа к Его Высокопревосходительству Дмитрию Александровичу Гурьеву⁵ и будучи в таком отдалении нет возможности и думать о успехе в сем желании. Вся моя надежда на Бога и на Вас, Великодушный Покровитель! К Вам, к Вам, Сиятельнейший Князь! прибегаю. Услышьте нижайшую прозьбу мою, прозьбу престарелой матери, прозьбу всего моего семейства: Ощастливьте меня одобрением Вашим пред Его Высокопревосходительством и если можно, произнести хотя одно слово в пользу мою Его Превосходительству Михайле Алексеевичу Обрезкову Г-ну Директору Департамента Внешней Торговли⁶! Благоволите, Сиятельнейший Князь! таким образом простереть ко мне могущую, покровительную Десницу Вашу и заставьте меня с семейством моим быть

единственно Вам обязанным нашим спокойствием, нашим благополучием! Да вознесем теплые мальбы к Небу о благоденствии вашем и предадим оныя чувства потомству нашему! Да взглянет полумертвыми глазами согбенная старостию мать на сына Вашим словом ошастливленного! Да прольет она вместо слезы горести, слезу сладостного благодарения за Вас пред престолом Вышняго представши в вечность.

Имею честь присоединить к сему точную копию с Аттестата выданного мне Харьковским Университетом⁷ и поручая себя и все мое семейство в благодетельное покровительство Вашего Сиятельства, имею щастие быть с глубочайшим высокопочтанием и совершенною преданностию

Сиятельнейший Князь!
Милостивейший Государь!
Вашего Сиятельства,
покорнейший и нижайший слуга
Василий Тебекин
1815го года
Октября 18-е число
Тульской Губернии
Г. Белев.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 327. Л. 131–132об. Автограф.

² Где князь Куракин был полномочным министром.

³ Как кажется, на службу в таможеню В. И. Тебекин был устроен стараниями Ивана Тебекина (не Васильевича), который очевидно был старшим братом поэта. Он также был из военных (служил в Мариупольском легкоконном полку с 1777 года сержантом, с 1779 кадетом, а с 1781 корнетом) (РГАДА. Ф. 286. Кн. 790. Л. 185), и в 1786 году по представлению князя Г. А. Потемкина был назначен в Красносельскую пограничную таможеню контролером с чином титулярного советника (РГАДА. Ф. 248. Кн. 6367. Л. 715), а 12 апреля 1790 года был уволен от службы по представлению графа Я. А. Брюса с чином коллежского ассессора (РГАДА. Ф. 248. Кн. 6383. Л. 112–113). До 1793 года он находился не у дел, а 31 августа 1793 года опреде-

лен советником Таврического областного правления (РГАДА. Ф. 286. Кн. 875. Л. 350).

⁴ Сведений о ней разыскать не удалось.

⁵ Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825) — сенатор, член Государственного совета. В 1810 году вместе с назначением в Государственный совет был назначен министром финансов, однако фактически занял эту должность только в 1812 году (все это время финансами управлял граф М. М. Сперанский). Отставлен с поста министра финансов в 1823 году.

⁶ Обресков Михаил Алексеевич (1764–1842) — действительный тайный советник и сенатор.

⁷ Копия прилагается при публикуемом письме (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 327. Л. 133. Автограф В. И. Тебекина). Считаем нужным поместить ее здесь:

Копия

№ 704

Аттестат

Член Контрольной Дубосарской Таможни Титулярный Советник Василий Иванович сын Тебекин, подвергнув себя экзамену в комитете учрежденном в следствие имянного Высочайшаго указа от бго Августа 1809го года для испытания Гражданских чиновников при Императорском Харьковском Университете оказал следующие сведения: в праве Римском, в древней и новой Всеобщей Истории, в Арифметике и Геометрии Хорошия; В Российском, Горажданском и Уголовном правоведении, в праве Естественном, Частном, Всеобщем, Государственном и Народном, в Политической Экономии, в Истории, Географии и Статистике Российскаго Государства, в Российской Грамматике, Риторике и в Физике, очень хорошия; сверх того сочинение его на Российском языке, так же и переводы с Российскаго на Немецкый, Англинскый и Французскый, равно и с Немецкаго, Англинскаго и Французскаго на Российскый языки, по рассмотрении оказались очень хорошими. В удостоверении чего и дан сей Аттестат ему Тебекину из Правления онаго Университета за нижеявствующим подписанием и приложением казенной печати Июля 8 дня 1815-го года.

На подлинном:

Статский советник и кавалер Проректор Павел Шумлянскый

Декан Антон Дегуров

Декан Карл фон Нельдехен

Decanus et Professor Dr G. Dreysig

Decanus Bernhardus Reith

Секретарь Демиан Адамович

Повытчик Губернский Секретарь Дмитрий Назаров

место казенной печати

Следующия за отпечатание

сего Аттестата, за перга-

мент и приложение печати

Х. И. Университета, деньги двадцать

девять рублей взяты

С. Д. Адамович.

[2]. 12 апреля 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь

Милостивый Государь!

Не имея щастливого случая быть пред лицом Вашего Сиятельства осмеливаюсь при сих строках представить мои Басни и Сказки которыя дерзнул украсить именем Вашим². Щастлив если сии слабыя произведения обратят на себя хотя на одну минуту взор Вашего Сиятельства.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию имею щастие быть

Вашего Сиятельства

Милостивейшаго Государя

Покорнейший и нижайший слуга

Василий Тебекин

Апреля 12 дня

1816 года

С. Петербург.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 330. Л. 199. Автограф.

² Речь идет о книге «Басни и сказки Василья Тебекина» (СПб, в Типографии К. Крайя 1816 года). Книга снабжена следующим посвящением: «Его Сиятельству Господину Действительному Тайному Советнику I го класса, Государственного Совета Члену, Сенатору, всех Российских Орденов Канцлеру, Действительному Камергеру, Орденов Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Равно-Апостольнаго Князя Владимира I й степени большого Креста, Св. Анны I го класса, Св. Иоанна Иерусалимскаго большого Креста и разных иностранных Орденов Кавалеру, Князю Александру Борисовичу Куракину, с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию посвящает Василий Тебекин».

[3]. 27 апреля 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь

Милостивый Государь!

Благодарительное расположение Вашего Сиятельства, милостивое участие к семейству нашему лестнейшими выражениями в письме, которым Вашему Сиятельству угодно было меня удостоить, ознаменованное, и наконец благосклонность с какою изволили сказать мне, что вы желаете только, чтоб посредство Ваше не было тщетно и чтобы я избрал вакантное место, все сие подает мне твердую надежду найти в высокой особе Вашей Ангела-покровителя.

Сими-то чувствами преисполнен осмеливаюсь прибегнуть к великому саном и душею!

Теперь есть вакантное место Члена в пограничной Либавской таможене. Благодетель человечества! Удостойте меня могущим покровом Вашим да приосенясь оным достигну желаемой цели! Но естли бы на сем пути случились бы не преоборимыя препоны — нет! Великому из Князей — сынов России дерзнут ли они встретиться? Но естли бы оне случились то будьте столько милостивы Сиятельнейший Князь! Снизойдите указать мне благоотво-

рительным перстом место советника, кроме Грузии, Кавказа, Херсона, в какой бы то ни было по произволу Вашему губернии.

Я избрал бы предпочтительно Либаву, Петербург, Москву, Тамбов, Астрахань: первые два места по тому, что жена моя², которой чрез два месяца ожидаю, весьма худо разумеющая Руской язык нашла бы в них необходимый для жизни круг знакомства, не была бы, так сказать, немою, брошенною среди шумного множества, остальные по тому, что старостию удрученная мать моя, проведя в них несколько лет своей жизни, имеет в них то знакомых юности, то родственников. Но смею ли думать о выборе? Нет! Ваша благоусмотрительность, Ваша воля Сиятельнейший Князь! будут моим собственным желанием, моим законом.

Благоденствие Вашего Сиятельства врежется неизгладимыми чертами в глубине души моей.

Впрочем препоручая себя в полное расположение Вашего Сиятельства, имею щастие быть с глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию к высокой особе Вашей.

Сиятельнейший Князь!

Милостивейший Государь!

Вашего Сиятельства,

Всепокорный и всенижайший слуга

Василий Тебекин

Апреля 27 дня

1816 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 330. Л. 240–241об. Писарское, с подписью-автографом.

² Сведений о ней разыскать не удалось.

[4]. 8 сентября 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь!

Милостивый Государь!

Благотворения Вашего Сиятельства неоднократно уже на меня излианныя ободряют меня надеждою, что и теперь удостоюсь я Вашего могущаго покровительства.

Оставшись за уничтожением контрольных таможен без места, хотя и определен во временный Департамент Коммерц-Коллегии переводчиком, но как на сем не видном месте я не могу показать сколь неограниченно усердие мое к службе Великаго Монарха, и как ныне получаемое мною жалованье пять сот рублей в год составляет только третью часть получиваннаго мною в должности члена главной таможни, то и осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство, взяв в уважение нижайшую прозьбу мою ошастливить меня хотя одним одобрительным словом пред Его Высокопревосходительством Дмитрием Александровичем Гурьевым² и удостоении к получению просимаго в записке, которую здесь приложить дерзаю.

В прочем препоруча себя совершенно в волю Вашего Сиятельства, имею щастие быть с глубочайшим высокопочитанием и неограниченною преданностию

Сиятельнейший Князь!

Милостивейший Государь!

Вашего Сиятельства,

всепокорнейший и всенижайший слуга

Василий Тибекин

Сентября 8го дня

1816 года

Санктпетербург

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 333. Л. 47 — 47об. Писарское, с подписью-автографом.

² См. прим. 5 к письму 1.

Письмо [5]. 19 сентября 1816 года¹.

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь!

Священнейшим долгом поставляю принести Вашему Сиятельству чувствительную мою благодарность за удостоение меня одобрительными строками пред Его Высокопревосходительством Дмитрием Александровичем Гурьевым².

В следствие письма Вашего, Сиятельнейший Князь, имел я честь быть несколько раз у Его Высокопревосходительства, и наконец удостоился его видеть. На прозьбу мою и напоминания о строках Вашего Сиятельства изволил он сказать мне; «очень хорошо — я поговорю Михайле Алексеевичу³».

О сем донеся Вашему Сиятельству и запечатлев благодеяния Ваши в недрах души моей. С глубочайшим высокопочитанием и совершеннейшею преданностию имею щастие быть

Сиятельнейший Князь!
Милостивейший Государь!

Вашего Сиятельства,
всепокорнейшим и всенижайшим слугою
Василий Тебекин
1816 -го года
Сентября 19-го дня
Васильевский Остров.

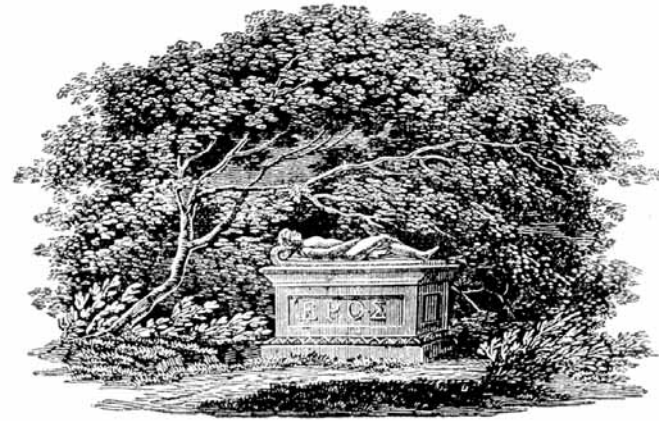
¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 333. Л. 104—104об. Автограф.

² См. прим. 5 к письму 1.

³ Обресковым, см. прим. 6 к письму 1.

Борис Михайлович
Федоров

Борис Михайлович Федоров (1798–1875) — прозаик, стихотворец и журналист XIX столетия, а известная эпиграмма на него «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи», сочиненная А. С. Пушкиным, отражает иронически-пренебрежительное отношение к нему в литературных кругах первой половины века. В юности Федоров имел возможность бывать у Г. Р. Державина, который снисходительно относился к молодым литераторам. В 1815 году он начал издавать свой первый журнал — «Кабинет Аспазии», который закончился на седьмой июльской книжке. Когда Федоров писал это письмо к князю Александру Борисовичу, ему было семнадцать лет и он искал покровительства.

[1]. <Около 14 октября 1815 года>.¹

Сиятельнейшия Князь!
Милостивый Государь!

Удостоите с свойственною Вам благосклонностию принять сие произведение², которое осмеливаюсь Вам представить, как Знаменитому Саном и Делами Вельможе, Любителю всего Отечественнаго, и разделяющаго общия чувства радости в День рождения Матери Великаго Александра!³

Льщусь приятнейшею надеждою, что Ваше Сиятельство не откажете молодому Русскому в милостивом Покровительстве. Приемля свидительство глубочайшей преданости, с кою имею щастие быть

Вашего Сиятельства!
Милостиваго Государя!
всепокорнейшим слугою
Борис Федоров
Находящийся при должности
в Департаменте Г. Министра
Юстиции в чине Коллеж
скаго секретаря

Его Сиятельству
Князю А. Б.
Куракину

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 327 («Письма от разных особ за сентябрь-октябрь 1815 года»). Л. 91. Автограф. Датируется по содержанию.

² Речь идет о книге: День рождения императрицы Марии и воспоминания о Павловске. Поэма. Сочинение Бориса Федорова. Посвящается Россиянам. Октября 14 дня 1815 года. Спб., печатано в Императорской типографии, 1815 года. — 28 с.

Федоров при издании этой книги оказался изобретательным: издал он ее раньше описываемого в поэме события. Это можно понять из того, что цензурное разрешение на книге датировано 5 октября 1815 года.

³ Императрица Мария Федоровна родилась 14 октября 1759 года.

[Приложение]

Кроме публикуемого письма, среди бумаг внучатого племянника и полного тезки нашего князя, в томе «Смесь Алексея Борисовича Куракина II-го» <1850-е гг.> (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 802. Л. 46 — 46 об) находится рукопись стихотворения Федорова «Князю Алексею Борисовичу Куракину», якобы посвященное памяти князя Алексея Борисовича Куракина (1759—1829). Однако даже исходя из первой строки — «Князь и поэт, сановника потомок...» — становится ясно, что оно написано в память скончавшегося 2 октября 1850 года князя Бориса Алексеевича Куракина (1783—1850) — сына князя Алексея Борисовича и племянника нашего князя Куракина.

Хотя печатание этого стихотворения явно выходит за рамки настоящего издания, и среди бумаг куракинского архива находится достаточно любопытных автографов литераторов, адресованных другим членам княжеской семьи, мы все-таки решились для любопытства поместить его, но здесь, в дополнении к примечаниям.

Князь и Поэт, Сановника Потомок,
Орла в путях Великаго Петра,
Твой предок был в посольствах славы громок —
И представителем Двора.

Желал бы я собрать о нем сказанья,
И передать воспоминанье их —
Тебе в почет, другим — для назиданья,
На память славных лет былых.

Да будет то и сердца выраженьем
За доброе внимание ко мне,
Когда меня почтил ты предложеньем
Мне счастья путь открыть вполне.

Открыть туда доступный путь поэту,
Где в царственном чертоге красота
Могла б внимать его души привету,
Для коей — истина свята.

Могла б узнать, как чтит я дарованья,
И гения искусств в лучах венца,
Как выражал сердечных чувств признанья —
И к доблестям ея Отца.

Передаю простые звуки лиры
Тому, кто сам Поэзию любя,
Хоть близким был к носителям порфиры,
Жил для добра, не для себя!

Борис Федоров.

Денис Иванович
Фонвизин

Денис Иванович Фонвизин (Фон Визин; 1743–1792) был особенно близок к семье князей Куракиных. Первоначально это сближение могло произойти из-за того, что с 1768 по 1782 год он служил в Коллегии Иностранных дел и состоял при графе Никите Ивановиче Панине, который ценил способности своего помощника. Примерно с того же времени — то есть с конца 1760-х годов — с сатириком был знаком и наш князь, во второй половине 1770-х — середине 1780-х годов они общались особенно часто; во время своего лейденского обучения приятель князя Куракина князь Н. Б. Юсупов передавал через нашего князя приветы Фонвизину (напр., в письме от 27 мая 1774 года — *АКК, VII. С. 303*). Публикуемые письма открывают неизвестную часть их отношений — покупку князем у Дениса Ивановича произведений искусства. Несомненно, наиболее интересным моментом их отношений является вопрос авторства и перевода «Жизнеописания графа Н. И. Панина», которому посвящен раздел в конце настоящей книги.

Не подлежит сомнению, что Фонвизин был одним из любимых русских писателей князя Александра Борисовича. Находясь в Павловском (на Юлове), князь писал 23 марта 1794 года своему управляющему Михайле Иванову: «Удивляюсь я, что ты комедию Недоросля прислал ко мне скорописную: я знаю точно, что она есть печатная. Любя сочинения покойного автора оной, желаю я иметь и комедию Бригадир. Ежели не найдешь ее печатную, то хотя скорописную где-нибудь достань и сюда пришли» (XVIII. Т. 1. С. 460). Некоторые списки с произведений сатирика, как например «Рассуждение о суетности жизни человеческой», посылал к князю Куракину его давний московский друг Н. Н. Бантыш-Каменский. Также отметим, что Денис Иванович даже после смерти графа Никиты Ивановича пользовался непререкаемым авторитетом у княжеских родственников — особенно у графов Петра Ивановича и Никиты Петровича Паниных.

[1]. 13 марта 1772¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Его Сиятельство Граф Никита Иванович² изволил препоручить мне отправить к вам письмо от Его Высочества³. Радуюсь сердечно, что могу воспользуясь сим случаем, привести Вашему Сиятельству на память себя, как человека истинно вам усердного. Позвольте мне просить о продолжении ко мне вашей благосклонности и дружбы, в награду за то совершенное почтение и преданность, с которыми пребываю

Вашего Сиятельства
всепокорнейший Слуга
Денис Фон Визин
P. S.
В С: Петербурге
13/23 Марта 1772.

P. S. Покорно прошу засвидетельствовать мое почтение милос<тивым> Госуд<арям> моим Гр<афу> Николаю Петровичу⁴ и Князь Гавриле Петровичу⁵.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 443. Л. 103–103об. Писарское, подпись и постскриптум — автограф.

² Граф Никита Иванович Панин (1718–1783) — непосредственный начальник Фонвизина по службе в Коллегии Иностранных дел.

³ Цесаревича Павла Петровича.

⁴ Граф Николай Петрович Шереметев (1751–1809) — действительный тайный советник, обер-камергер, шеф Пажеского корпуса, основатель Странноприимного дома в Москве. Тогда был камер-юнкером двора.

⁵ Князь Гавриил Петрович Гагарин (1745–1808) — сенатор, действительный тайный советник. Видный масон, о нем см. подробнее в прим. к письмам И. Ф. Богдановича на стр. 118.

[2]. Без даты [1780]¹.

Щот Вашего Сиятельства за взятые у меня вещи состоит в тысячи десяти рублях. Вы, Милостивый Государь мой весьма меня одолжите, есть ли оную сумму пришлете мне ко вторнику; ибо я в тот день стану переводить в Париж деньги².

При сем посылаю Oeuvre de Greuze цена 80 руб³. Не понравится ли Вашему Сиятельству? О збавке цены с миниатюры я уже писал.

Фон визин.

вторник по утру

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 453 («Письма разных особ к князю А. Б. Куракину. Т. 13. 1780 год»). Л. 336. Автограф. На л. 341 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю моему Князь Александру Борисовичу Куракину».

² Судя по всему, деньги князь Куракин тогда Фонвизину не прислал, ограничившись выпиской векселя на год, поскольку тогда находился в довольно

стесненных обстоятельствах. По крайней мере уехав 19 сентября 1781 года в свите графов Северных за границу, он оставил за собой в Петербурге долг, который к декабрю того же года составлял 123 793 рубля.

В ведомости этим долгам, в части именуемой «Долги по вексялям, щетам и закладам, требующия неотлагательной заплаты спервоначальными деньгами» имеется и следующая запись: «Фон Визину. 1300 р. (За покупку эстампов вексель коему срок уже прошел, и которой заплачен должен быть вскоре по обязательствам Дениса Ивановича с комиссионером его в Париже)» (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 302. Л. 253 об.).

³ Жан-Батист Грез (Greuze; 1725–1805) — французский живописец, с 1767 года член Парижской академии. Благодаря посредничеству Д. Дидро и князя Д. А. Голицына снискал расположение Екатерины II. Среди русских, купивших его живописные работы, была и сама императрица, а также князь Н. Б. Юсупов, граф А. П. Шувалов, позднее Павел I и другие.

Это упоминание работы Греза (судя по цене, здесь говорится о рисунке или о небольшом живописном эскизе) в связи с биографией Фонвизина не лишне, поскольку еще В. Ф. Левинсон-Лессинг в своей замечательной работе «Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство» писал: «Весьма многое остается неясным. Почему, например, Фонвизин не упоминает о Грезе, который явно должен был его заинтересовать и мастерская которого была легко доступна. Или же об этом случайно не говорится в дошедших до нас письмах?» (Указ. Соч. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIV. Л. 1973. С. 127).

[3]. 7 июля 1781 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!

Получа вчера высочайшее позволение отлучиться на 29 дней, намерен я выехать завтра². Покорнейше прошу Ваше Сиятельство доложить их Императорским Высочествам, что еду <туда>³ прямо к Его Сиятельству Графу Никите Ивановичу⁴, и что есть ли им угодно писать со мною, то буду ожидать их послания. Я имел честь получить письмо ваше для доставления Его Сиятельству, которое верно вручу в собственные руки.

С совершенным почтением и истинною преданностию на век есм

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Денис фон Визин

7. июл. 1781.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 454. Л. 273. Автограф. На л. 278 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству Милостивому Государю Моему Князь Александр Борисович Куракину».

² Жизнь Фонвизина в период между вторым и третьим заграничными путешествиями практически неизвестна, да и вообще подробности его времяпрепровождения более нам открываются по его письмам из-за границы, сведения же о пребывании в России, особенно после выхода в отставку, скудны. Также ничего не было известно о поездках в 1781 году — одном из наименее изученных периодов биографии сатирика.

Речь же идет об отъезде в Дугино Сычевского уезда Смоленской губернии — имение на реке Вазузе, некогда принадлежавшее патриарху Никону, пожалованное государыней графу Н. И. Панину, при котором состоял Фонвизин с 1768 до 1782 года. Сам же граф взял отпуск 13 мая 1781 года и выехал в Дугино, сопровождаемый князем Алексеем Борисовичем Куракиным. В Дугино они доехали 24 мая, после чего князь Алексей Борисович поехал в Москву (все это он подробно сообщал в своих письмах нашему князю). Граф Никита Иванович вернулся в Петербург в начале сентября, поскольку не в силах был сидеть в имении во время подготовки заграничного вояжа Цесаревича.

³ Первые три буквы слова прожжены сургучом.

⁴ Панину.

[4]. 4 апреля 1784¹.

4-го апр: 1784.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!
Хотя в проданных вашему Сиятельству Клостерманом² картинах я никакова участия не имею, но тем не менее старался я исполнить ваше повеление. Он представляет мне в резон, что тот-

час после подписания вами векселя, занял он, как мне и самому известно, у своей тещи 1500# по восьми процентов и перевел во Францию, в доказательство чего он Вашему Сиятельству покажет свои вторые вексели. Со всем тем я уговаривал его сколько мог, и вот на что привлек я Его согласиться. — Условие ваше было заплатить половину в три, а другую в шесть месяцев. Теперь соглашается он не требовать с вас и первой половины прежде, как срок придет второй половины, то есть, считая от 23-го ноября прошлого года через шесть месяцев с тем однакож, чтоб за три месяца акорд — чем вам сверх условия ваше Сиятельство за половину долга заплатить ему изволили тех самых процентов, кои он теще своей платит, и кои составляют не больше, как около тридцати рублей.

Желая, чтоб услуга моя угодна была Вашему Сиятельству пребываю с свершенным почтением и такою же преданностию

вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Денис Фон-Визин.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 461. Л. 111—111об. Автограф. На л. 116 об. рукой Фонвизина написан адрес: «Его Сиятельству милостивому Государю моему Князь Александр Борисович Куракину» и там же остатки сургучной печати.

² Герман (Иоганн) Клостерман (1757—1838?), уроженец Голландии, приехал в Петербург в 1758 году. Познакомился с Фонвизиным в 1777 году в Париже, когда поэт там покупал произведения искусства для цесаревича Павла Петровича и графа Никиты Ивановича Панина. Подробно об их взаимоотношениях см.: Левинсон-Лессинг В. Ф. Д. И. Фонвизин и изобразительное искусство. // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XIV. Л. 1973. С. 97—132.

Фонвизиным и Клостерманом была заведена «коммерция вещами до художеств принадлежащая», и велась она совместно. Скорее всего, здесь Фонвизин, говоря о его отстраненности от этого дела, лукавит. Попросту он не желал открываться, этим же обстоятельством объясняется и то, что все счета

подписывал только Клостерман, а счета иногда были немаленькие. 10 сентября 1782 года Кабинет ее императорского величества купил у Клостермана 46 картин (из предложенных не менее 74) на сумму 10 635 рублей, а 25 января 1785 года выплачено «Иностранцу Клостерману за разныя бронзовые статуи и другие вещи» 3 685 рублей.

Клостерман постоянно продавал князю Куракину картины и эстампы. Причем задерживал ему князь деньги и раньше (финансовое положение князя тогда хотя и не было критическим, но все же и не было блестящим).

В 1781 году, уезжая с графами Северными, князь Куракин оставался должен не только самому Фонвизину, но и Клостерману. В части долговой ведомости «для первого случая нужной к удовлетворению не зговорчивых взаимодавцов» вписана строка «Клостерману 341 р». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 302. Л. 250 об.) Князь Куракин переписывался с Клостерманом даже в начале 1810-х годов.

Кроме того, Клостерман был известным столичным книгопродавцем; известны его книгопродавческие росписи, выходившие в качестве приложений к издаваемым книгами, а также отдельно. Интересно, что на титульном листе первого издания фонвизинского Недоросля (СПб, 1783) кроме выходных данных напечатано: «Продается у Клостермана, против адмиралтейства, в доме мецанского клуба, № 106».

[5]. 1 июля 1788 года¹

Милостивый Государь мой
Князь Александр Борисович!

Не в силах будучи за болезнию ехать сам к Вашему Сиятельству приемлю смелость в сих строках принести к вам покорнейшую прозьбу в твердом уповании на вашу ко мне милость и на доброту сердца вашего, что вы не отречетесь ни когда сделать доброе дело; а теперь предстоит к оному вот какой случай:

Знакомой мне от армии подпоручик Алексей Дьяконов² имеет двоих сыновей Петра девяти и Павла восьми лет, которых за бедностию воспитать не может. Не можно ли удостоить сих младенцов вашим покровительством и испросить у его Императорс-

каго высочества повеления о записке их в морской кадетской корпус в комплект: ибо платить он ничего не может.

Его Императорское высочество учиня сие благодеяние обрадует несказанно меня в болезни страждущаго и к стопам Его повергающагося; а вашего сиятельства заступление будет новый опыт ваших милостей ко мне пребывающему с совершенным почтением и преданностию.

Милостивый Государь мой
Вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Денис Фон Визин
1-го июля
1788-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 424. Л. 217 — 217об. Писарское, с подписью-автографом.

² Сведений об Алексее Дьяконове установить не удалось.

Дети его — Петр Алексеевич и Павел Алексеевич Дьяконовы в Морской кадетский приняты не были.

Павел Иванович
Фонвизин

Павел Иванович Фонвизин (Фон Визин; 1746–1803) — брат Дениса Ивановича Фонвизина, переводчик и писатель, с 1784 по 1796 годы занимал должность директора Московского университета. В виду очень близких отношений двух братьев, П. И. Фонвизин был также давним знакомым князя Александра Борисовича, причем Павел Иванович постоянно выполнял массу просьб князя об устройстве разных лиц в университет и университетский пансион.

Публикуемые письма дополняют биографию писателя интересными сведениями, особенно послание от 23 ноября 1796 года.

[1]. 11 декабря 1790 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович!
Почтенное письмо Вашего Сиятельства от 25 минувшаго ноября я имел честь получить. Желею сердечно, что на сей раз не могу удовлетворить требования Вашего Сиятельства помещением в число казенных учеников находящагося при вас офицерского

сына; ибо теперь праздного места нет и когда оно открыться может на верное донести вам не могу. Но есть ли угодно вам чтоб он учился в университете и пользовался всеми правами казенных учеников, то Ваше Сиятельство следуя побуждению природного вам великодушия, можете исполнить желание ваше доставлением в университет ежегодно по сту рублей, на которыхы деньги и будет он обучаем и содержан точно так как казенные пансионеры и каковых мы имеем уже человек десять. Сим средством удовлетворится в полной мере желание Вашего Сиятельства, а между тем откроется случай и мне доказать Вашему Сиятельству то истинное почтение и преданность с каковыми я имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всенижайший Слуга
Павел Фон Визин
декабря 11 дня
1790 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 467. Л. 313–313об. Писарское, с подписью-автографом.

[2]. 6 февраля 1795 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!
Почтеннейшее письмо Вашего Сиятельства от 27-го минувшаго Генваря я имел честь получить. Сердечно бы желал выполнить волю Вашего Сиятельства принятием представляемого вами дворянина в Университет на казенное содержание, есть ли бы не препятствовало тому в прошлом году постановленное от Господ Кураторов учреждение, чтоб на казенное содержание принимать не иначе как таких своекоштных учеников, которые пробыв уже

несколько лет в Университете, оказали довольные в науках успехи; а как рекомендуемой Вашим Сиятельством дворянской сын в Училище нашем не был, то определить его во оное иначе не возможно, как на собственном его иждивении, на котором обучаясь несколько лет, есть ли окажет в науках хорошие успехи, то и на казенное содержание принят со временем быть может. Между тем долгом поставляю донести Вашему Сиятельству, что при Университете заведен давно уже Пансион благородных детей, коего план при сем имею честь доставить к сведению Вашего Сиятельства и есть ли родители сего младенца имеют столько достатка, чтоб заплатить определенную на содержание его сумму 225 рублей в год, то я смело могу удостоверить Вашего Сиятельства, чтоб он в сем пансионе несравненно более мог учением воспользоваться нежели в самом университете. Все сие предавая на ваше Милостивый Государь благоразсуждение, во ожидании на сие благосклонного Вашего Сиятельства отзыва, с истинным почтением и совершенною преданностию навсегда имею честь быть

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
Всенижайший Слуга
Павел Фон Визин
Февраля 6 дня,
1795 года.
Москва

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 475. Л. 119–119об. Писарское, с подписью-автографом.

[3]. 11 июня 1796 года¹.

Милостивый Государь Мой Князь Александр Борисович!
Имея честь препроводить к Вашему Сиятельству письмо сес-

тры моей Федосьи Ивановны Аргамаковой², в коем она просит вас Милостивы Государь об оказании ей и детям ея сроднаго особе вашей великодушия и справедливости по делу ея, которому при писме своем доставляет она краткой экстракт, беру смелость при-совокупить к сему и мою всепокорнейшую просьбу в полном удостоверении, что Ваше Сиятельство следуя побуждению благодетельнаго сердца вашего, не отречетесь в сем случае ея с детьми покровительствовать и довершить те милости. Которыя оказывал ей при жизни своей Его Сиятельство покойный Граф Петр Иванович Панин³ и которыя довершить не допустила его, последовавшая ему кончина. Исполнением сей моей всепокорнейшей прозбы соделаетесь вы благодетелем всего ея семейства, а купно обяжете в особенности вечною к себе благодарностию того, которой с истинным почитанием и совершенною преданностию навсегда имеет честь быть

Милостивый Государь Мой
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Павел Фон Визин
Июня 11 дня
1796 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 149. Л. 32 — 32 об. Писарское, с подписью-автографом.

² Аргамакова Феодосия Ивановна, рожд. Фонвизина (1744-?), родная сестра трех братьев Фонвизиных (Дениса Ивановича (1743–1792), Павла Ивановича и Александра Ивановича (1749–1819)). Была замужем за сыном директора Московского университета А. М. Аргамакова Василием Алексеевичем Аргамаковым. Упомянутое письмо Ф. И. Аргамаковой к князю А. Б. Куракину прилагается при публикуемом письме (Там же. Л. 16–17 об, без даты). Дело Аргамаковых в то время рассматривалось в вотчинном департаменте Правительствующего Сената (справка об этой тяжбе приложена в деле. Там же. Л. 33–34.)

³ Граф Петр Иванович Панин (1721–1789) — генерал-аншеф.

[4]. 23 ноября 1796 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович

Простите мне великодушно Ваше Сиятельство, что я взял смелость сими строками отвлечь вас на несколько минут от важных ваших упражнении. Благоснисхождение Вашего Сиятельства котораго я имел честь видеть несколько ответов, удостоверяет меня, что я и в настоящем случае найду в особе вашей истиннаго себе благодетеля. Известно мне Милостивый Государь, что Ваше Сиятельство имеетя щастие пользоваться доверенностию Государя, Государя премудраго, просвященнаго, прозорливаго, правосуднаго и милосердаго. Сия известность возродила во мне смелость во всей откровенности прибегнуть к великодушию Вашего Сиятельства со всепокорнейшею моею прозбою, в полном надеянии видеть оную исполненную, тем паче что делать людям добро, есть пища душ благотворительных.

Двенатцать уже лет нахожусь я в должности директора Университета. Начальники мои, и вся здешняя публика, надеюсь, отдадут справедливость трудам моим, которые прилагал я в течение сего времени к приведению в должной порядок сего крайне при вступлении моем разстроенаго места. Не намерен я здесь объяснять Вашему Сиятельству разных претерпенных мною по службе огорчений; а донесу только то, что вовсе продолжение оной, несмотря на все мое в исполнении ея усердие и ревность, не получал я ни малейшаго ободрения: ибо чинами награждаем был по старшинству с протчими наряду. Я имел бы долг Милостивый Государь и прежде сего просить о перемене моей службы, тем паче что настоящей чин мой Тайнаго Советника², нимало не соответствует отправляемой мною должности, поелику дирек-

тор университета по статусу должен быть чина поковничьего; но как с одной стороны не имея донныне никакого покровительства, не надеялся я, чтоб прошение мое достигло слуха монаршаго, а с другой опасаясь потерять место котораго жалованье одно поддерживает крайне недостаточное мое состояние; то и принужден я был остаться при отправлении прежней моей должности, имевши между тем неудовольствие видеть над собою одного из начальников моложе меня чином. Но теперь, когда при благословенном от бога вступлении на престол Всемилостивейшаго нашего Государя, каждый Его верноподданный, единым предметом должен поставлять себе, усердие и ревностное Государю и отечеству служение, когда от престола его текут реками щедроты, милость и правосудие, неужель Милостивый Государь один я буду столько нещастлив, что останусь в забвении, и лишен буду способов доказать то усердие и верноподданническую приверженность, которыми я с юных лет моих к священнейшей особе его был преисполнен. Я должен и в том признаться Вашему Сиятельству в полной откровенности, что хотя место ныне мною занимаемое и имеет в разсуждении недостаточного моего состояния довольныя выгоды; ибо сверх президентскаго жалованья, живу я в казенном доме, и пользуюсь всеми принадлежащими к нему надобностями; но несмотря на все сие, желал бы я иметь должность с меньшими выгодами, но с большими способами к оказанию некоторых моих к продолжению службы способностей. И вот Милостивый Государь, в чем состоит моя к Вашему Сиятельству всеусерднейшая просьба. Не мешкал бы я ни минуты предстать пред лице Государя, пылая желанием удостоиться Его лицецерения; но отлучаясь от места, боюсь при первом шаге подвергнуться Его Гневу. И для того решился я всепокорнейше просить Вашего Сиятельства быть истолкователем, как верноподданническаго моего усердия к священнейшей особе Его Величества так и безпредельнаго желания посвятить жизнь мою на

ревностное Ему и отечеству служение; в исполнении чего, удостоверяет меня благодетельная душа ваша.

С истинным высокопочитанием, и совершеннейшею преданностию имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший Слуга
Павел Фон Визин
Ноября 23-го дня
1796 Года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф.3 Оп. Ст. Е. х. 146. Л. 239—240. Автограф.

² Указ о пожаловании П. И. Фонвизина тайным советником был подписан государыней недавно — 28 июня 1796 года.

[5]. 11 декабря 1796 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Приятель мой Борис Петрович Островской² имел честь вручить Вашему Сиятельству Мое письмо, в котором я представлял весьма невыгодное тогдашнее мое положение, и просил о употреблении благодетельнаго Вашего Ходатайства в мою пользу. Вслед за сим к несказанному моему обрадованию получен здесь указ о пожаловании меня сенатором³. Кому ж иному обязан я сим неожиданным щастием как не милостивому Вашему Сиятельству обо мне напоминовению, пред престолом всемилостивейшаго Нашего Отца и Государя, от Котораго льющияся ежечасно щедроты и милости, превышают все человеческое воображение. Простите мне Ваше Сиятельство беспорядочное изъяснение моей к Вам благодарности, оно есть плод Сердечнаго моего удовольствия, я чувствую ее гораздо более в душе, нежели изъяснить

могу словами. Довершите Милостивый Государь Ваши ко мне благодеяния испрошением мне Всевысочайшаго позволения приехать в Петербург и повергнуться к стопам Его Императорскому Величеству. Исполнением сей моей всепокорнейшей просьбы к Вашему Сиятельству соделаетесь Вы единым и истинным моим благодетелем; и усугубите в душе моей чувства того истинного к особе Вашей высокопочитания и совершеннейшей преданности, с коими я навсегда имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и обязаннейший
Слуга Павел Фон Визин

11 декабря
1796 года.
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 148. Л. 195–196. Писарское, с подписью-автографом.

² Островский Борис Петрович — полковник, в 1781–1782 годах исправлял должность московского обер-полицеймейстера.

³ Здесь имеется в виду высочайшее повеление Павла I от 4 декабря 1796 года, в котором «Всемилостейше повелено Тайному Советнику Павлу Фон-Визину присутствовать в Сенате».

[6]. 2 июля 1797 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Получа на прошедшей неделе, из здешняго Государственной Коллегии иностранных дел Архива повестку, чтоб сын мой явился в оной, для приведения к присяге, узнал я, что он по милости Вашего Сиятельства определен уже юнкером². Позвольте мне Милостивый Государь, принести Вашему Сиятельству за сие

благодаяние, судьбу его устроившее, наичувствительнейшую мою благодарность, и уверить вас притом, что я употреблю все мои силы к тому, чтоб он окончанием начатых им наук сделался достойным как будущаго его звания, так и высокаго Вашего Сиятельства к нему покровительства; продолжения котораго испрашиваю для него у Вашего Сиятельства с глубочайшим почтением и сердечною преданностию навсегда имею честь быть

Милостивый Государь
вашего Сиятельства
всепокорнейший и обязаннейший слуга Павел Фон Визин
Июля 2-го ч.
1797 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 151. Л. 137. Автограф.

² Сергей Павлович Фонвизин (1783–1858 или 1860), сын П. И. Фонвизина от второго брака с Марией Васильевной рожд. Толстой. Был тридцать три года (т. е. одиннадцать трехлетних сроков) клинским уездным предводителем дворянства Московской губернии. Также являлся видным деятелем московского масонства, состоял в ложе «Ищущих манны».

[7]. 6 августа 1797 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

18-го минувшаго июля, по приезде моем из деревни, я имел честь получить. Лестно для меня Милостивый Государь видеть из онаго милостивое Вашего Сиятельства ко мне разположение, котораго новым опытом были присланные от Вашего Сиятельства рекомендательные о сыне моем письма, к Господам Членам здешняго Коллежскаго Архива². Приимите Милостивый Государь повторении всепокорнейшей моей благодарности, так как и

нелицемерное усердие, что истинное мое к особе вашей высокопочитание и душевная преданность не иначе кончатся как с жизнью моею.

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и обязаннейший
Слуга Павел Фон Визин
6-го Августа
1797.
Москва

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 155. Л. 215. Автограф.

² Конечно, имеются в виду Н. Н. Бантыш-Каменский (1737–1814) и А. Ф. Малиновский (1762–1840).

[8]. 24 декабря 1797 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович !

С наступающим праздником Рождества Христова и с новым годом позвольте мне принести Вашему Сиятельству всеусерднейшее мое поздравление. От искреннейшего сердца желаю, чтоб Ваше Сиятельство как сей год, так и множество последующий препроводили в совершенном здоровье и незыблемом благополучии. Сие искреннейшее желание примите Мой благодетель знаком того истинного высокопочитания и душевной преданности, с которыми я навсегда имею честь быть,

Милостивый Государь !
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
Павел Фон Визин
декабря 24 дня
1797 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 158. Л. 28. Писарское, с подписью-автографом.

[9]. 22 марта 1798 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

С наступающим торжественным праздником святых пасхи, позвольте мне милостивый государь, принести вашему Сиятельству яко истинному моему благодетелю, мое всеусерднейшее поздравление. Я от искренняго сердца желаю, чтоб ваше сиятельство, как сей праздник, так и многия последующия проводили в совершенном здоровье и в незыблемом благополучии. Сие искреннее сердца моего желание примите милостивый государь знаком того истинного высокопочитания, и совершенной преданности, с которыми я навсегда имею честь быть

Милостивый Государь!
вашего Сиятельства
всепокорнейший слуга
Павел Фон Визин

22-го Марта
1798г.
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 165. Л. 498. Автограф.

[10]. 1 января 1802 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович !

С наступающим праздником Рождества Христова и с новым годом позвольте мне принести Вашему Сиятельству всеусерднейшее мое поздравление. От искреннейшего сердца желаю, чтоб Ваше Сиятельство как сей год, так и множество последующий препроводили в совершенном здоровье и незыблемом благополучии. Сие искреннейшее желание примите Мой благодетель знаком того истинного высокопочитания и душевной преданности, с которыми я навсегда имею честь быть,

Милостивый Государь !

Вашего Сиятельства

Всепокорнейший слуга

Павел Фон Визин

декабря 24 дня

1797 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 158. Л. 28. Писарское, с подписью-автографом.

[11]. 4 марта 1801 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович

Всегдашнее милостивое Вашего Сиятельства ко мне разположение, коего опытами неоднократно имел я щастие пользоваться, удостоверяет меня, что я и в настоящем случае найду в особе вашей прежняго моего благодетеля. Излиянный на меня щедроты Государя Императора увольнением меня от службы с награждением чина и полным пенсионом, положили предел моему любочестию, составившей совершенное благо остальных детей

моих. Единая забота их остается во благе моего сына², которой в особе Вашего Сиятельства имеет истиннаго себе благодетеля и покровителя. Он по милости вашей в 1797-м году принят в службу в коллегию иностранных дел юнкером, и третий уже год, как находится в здешнем архиве переводчиком из старших по всей коллегии. Труды и прилежность его к должности, может засвидетельствовать начальник Его Господин Бантыш-Каменской³. Желал бы я Милостивый Государь ! чтоб они обратили на себя благодетельное внимание Вашего Сиятельства, и чтоб он покровительством вашим мог удостоен быть к награждению чина Коллежскаго Ассессора. Тогда б назвал я себя прямо благополучным, и всем тем обязан бы был особливим ко мне милостям Вашего Сиятельства. За что не престану по жизнь мою сохранять в сердце моем чувства живейшей благодарности сопровождаемой отличным к особе вашей высокопочитанием и совершенною преданностию с каковыми до конца пребыть честь имею

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства!

всепокорнейший Слуга

Павел Фон Визин

Марта 4-го дня

1801 года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 194. Л. 152–152об. Автограф.

² См прим. 2 к письму 6.

³ Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737–1814) — историк, начальник Московского архива Коллегии иностранных дел, давний друг князя А. Б. Куракина.

[Приложение].

Отпуск письма А. Б. Куракина к П. И. Фонвизину от 27 января 1802 года¹.

Его высокопр-ву П. И. Фон-Визину.

Я имел честь получить почтенное письмо В<ашего> Высокопр<евосходительств>а от 12-го сего месяца которое вручил мне ваш сын сюда приехавший. За особое себе удовольствие поставлю употребить случай сей в пользу принятием его в особое мое попечение и тем оказать вам новый опыт истинной и давнншней <!> моей к вам привязанности, а с тем уверением что В<ашему> Высокопр<евосходительств>у приятно быть может чтоб сын ваш неимел недостатку в упражнении, то желая доставить ему более к тому способов причислив его к своей Канцелярии. В прочем же прошу вас быть уверенным о непоколебимости искренней дружбы моей к вам и того совершенного почтения с коим на всегда быть честь имею &.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 993. Л. 32 — 32об. Писарский.

Письмо [12]. 3 февраля 1802 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Почтенное письмо Вашего Сиятельства от 27-го минувшаго января я имел честь получить. Позвольте Милостивый Государь принести Вашему Сиятельству наичувствительнейшую мою благодарность за оказанную сыну моему милость, причислением ево в вашу канцелярию, которую щитаю я новым опытом прежняго Вашего Сиятельства благосклоннаго ко мне расположения; и смею уверить вас Милостивый Государь, что он потщится быть достойным столь лестнаго для него с стороны вашей отличия. Сие

конечно послужит ему большим поощрением к трудам, и откроет ему путь, к оказанию на самом деле некоторых Его способностей, кои времяем и опытом будучи усовершенствованы, могут наконец сделать из него полезнаго отечеству члена; а всем оным обязан он будет великодушному о нем попечению Вашего Сиятельства.

Примите Милостивый Государь повторение искреннейшей моей благодарности, и будте уверены, что сие чувство, во все продолжение моей жизни, неразлучно будет с чувствами истиннаго к особе вашей высокопочитания и сердечной преданности, с коими навсегда имею честь быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший и обязаннейший
Слуга Павел Фон Визин
3-го февраля
1802 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 199. Л. 128—128об. Автограф.

[13]. 7 апреля 1802 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Чувство сердечной благодарности налагает на меня долг принести Вашему Сиятельству, усерднейшее мое поздравление, с наступающим торжественным праздником Святыя Пасхи. Я от искренняго сердца желаю, чтоб вы Милостивый Государь, как сей, так и множество последующих проводили в совершенном здоровье, и в непоколебимом благополучии. Сие искреннейшее сердца моего желание, примите Ваше Сиятельство, нелицемер-

ным знаком, того истинного к особе вашей высокопочитания
и душевной преданности, с каковыми я навсегда имею честь быть

Милостивый Государь!

Вашего Сиятельства

всепокорнейший и обязаннейший

Слуга Павел Фон Визин.

7-го Апреля

1802. Года

Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 199. Л. 389. Автограф.

Граф
Дмитрий Иванович
Хвостов

Граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835) начал переписку с князем сперва только по служебным делам, будучи обер-прокурором Святейшего Синода. Отношения князя Александра Борисовича с ним не были короткими, что доказывается хотя бы отсутствием стихов графа Хвостова в адрес нашего князя (при удивительной плодovitости сего знаменитого стихотворца это обстоятельство все равно удивительно).

Граф Хвостов с 5 июля 1791 года был членом императорской Российской Академии, куда 12 апреля 1798 года был избран и князь Александр Борисович. Через нашего князя, кроме решения насущных проблем, граф Хвостов предпринимал небезуспешные попытки доставить к членам императорской фамилии свои обильные сочинения. Также князь Александр Борисович принимал участие в судьбе сына стихотворца — графа Александра Дмитриевича Хвостова: в 1802 году князь способствовал приему его в число юстицких кавалеров ордена св. Иоанна Иерусалимского (постановление священного совета ордена от 19 марта 1802 года; копия письма князя Куракина — великого канцлера Мальтийского ордена — к графу А. Д. Хвостову по этому поводу сохраняется в ОР РГБ. Ф. 344. Д. 344. Л. 10).

Также мы помещаем в виде приложения письмо князя Я. И. Лобанова-Ростовского к нашему князю, небезынтересное для настоящего раздела.

[1]. 9 января 1801 года¹.

Милостивый Государь!

Князь Александр Борисович!

За долг и честь поставляю сие доставить Вашему Сиятельству, копию с определения Святейшего Синода в исполнение Высочайшаго Имянного Указа, о всемилостивейшем дозволении иметь в московском доме вашем, На Басманной церковь во имя Апостол Петра и Павла², и донести имею что на завтнешней почте не премоно и указ из Синода к Митрополиту Московскому³ пошлетя. Поздравляя Ваше Сиятельство, с совершением по милости Великаго Монарха благочестиваго намерения сего, пребуду с истинным почтением и преданностию

Вашею Сиятельства

Милостиваго Государя

Всепокорнейший Слуга

Дмитрий Хвостов

1801 Года

Января 9 дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х.194. Л. 29. Автограф.

Д. И. Хвостов с 10 июня 1799 года до 7 октября 1802 состоял обер-прокурором святейшего правительствующаго Синода.

² Упоминаемый дом был куплен князем Куракиным в 1798 году у П. А. Демидова за 150 тысяч рублей, после чего новая отделка была поручена архитектору М. Ф. Казакову. По именному указу Павла I, данному Святейшему Синоду 7 января 1801 года, князю было позволено устроить в этом доме церковь Петра и Павла.

Поскольку наш князь Куракин в то время в Москве отсутствовал, этим делом занимался его брат князь Алексей Борисович. Постройка домово́й церкви происходила под смотрением того же Казакова, который обещал все закончить к маю 1801 года, но на деле освящена церковь была только 12 декабря 1802 года. Здесь скажем, что за всю свою жизнь нашим князем Куракиным было устроено одиннадцать церквей.

В этом доме князь Куракин живал во время приездов его в Москву. В 1812 году дом уцелел — французы пощадили его из уважения к фамилии князей Куракиных.

³ Имеется в виду Платон (Петр Егорович Левшин; 1737—1812), с 1787 митрополит Московский, знаменитый проповедник со времен Екатерины II до царствования Александра I. С 1763 года состоял преподавателем Закона Божия и латыни при цесаревиче Павле Петровиче.

[Приложение].

Отпуск письма князя А. Б. Куракина к графу Д. И. Хвостову от 4 июня 1802 года¹.

Его Сиятельству > Гр<афу> Д. И. Хвостову.

Зная издавна расположение В<ашею> Сиятельству > ко мне и с такою Надеждою к попечению вашему обращаю прозьбу давно мне знакомаго и в Пензе находящагося Отца Архимандрита Израиля², который по некоторым своим обстоятельствам желает заступитъ место открывшееся кончиною отца Архимандрита Феодорита³ бывшаго с Суздальском Ефимиевском Монастыре поелику известны мне благочестивыя его Качества и способности по прохождению сей священной должности и желая охотно поспешествовать таковому его желанию покорно прошу вас М<илостивый> Г<осударь> мой принять на себя старание о помещении Отца Израиля на желаемое им место, чем вы окажете ему большое благодеяние, а меня чувствительно обязать изволите.

Преб<ываю> &. &.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 993. Л. 193об — 194. Писарский.

Это ходатайство князя было инспирировано письмом к нему архимандрита Израиля от 18 мая 1802 года с просьбой похлопотать о назначении его на место скончавшагося на 1 день Пасхи отца Феодорита (Там же. Л. 90—91).

По этому поводу князь Куракин писал 4 июня к митрополиту Амвросию (Там же. Л. 194. Отпуск), и в тот же день князь написал непосредственно архимандриту Израилю о своих ходатайствах за него (Там же. Л. 195об—196. Отпуск).

² Израиль, архимандрит (ум. ок. 1818). Многолетний друг и духовник князя во время его пребывания в Надеждине. Когда писалось это письмо, он был архимандритом Пензенского Спасо-Преображенского монастыря. 21 июля 1802 года переведен архимандритом в Александро-Свирский Спасский монастырь Олонецкой епархии, а уже 31 октября 1802 года также архимандритом в Нижеломовский Казанской Богородицы монастырь Пензенской епархии. В 1814 году переведен оттуда в Макарьевский Желтоводский монастырь Нижегородской епархии, где был архимандритом до 1818 года.

³ Феодорит (ум. 13 апреля 1802) — в 1789—1802 годах архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря в Суздале, куда был переведен 11 марта 1789 года из Желтикова (Желтинского) Успенского монастыря Тверской епархии.

Спасо-Евфимиев Суздальский монастырь имел большую известность особенно тем, что в нем содержались «разные государственные преступники и лишенные ума особы высших классов».

[2]. 6 июня 1802 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

С удовольствием моим во всякое время поручении Вашего Сиятельства нетолько я желал бы исполнить в точности, кои <но и> Преосвященнейший Митрополит и весь Святейший Синод не оставил бы без уважения рекомендации Вашего Сиятельства к переводению из Пензы Архимандрита Израиля в Суздальский Ефимиевский монастырь настоятелем; но к чувствительному моему сожалению моему² несоответственный желанию моему имею честь донести отзыв: потому что по Представлению Преосвященнаго владимирскаго Святейшим Синодом в оный Ефимиевский монастырь минувшаго 2-го мая уже переведен

Боголюбова Монастыря Архимандрит Филарет³; почему льщу себя надеждою, что в оном Ваше Сиятельство меня извините, а я с моей стороны постараюсь впредь оправдать доверенности Вашего Сиятельства в каком либо возможном случае, и доказать ту мою нелестную преданность и совершенное почтение, с коими навсегда имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший Слуга
Граф Дмитрий Хвостов.
Июня 6-го дня
1802 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 232 — 232об. Писарское, с подписью-автографом.

Это письмо графа Хвостова князь Куракин переслал архимандриту Израилю при своем послании 9 июня 1802 года, а получил обратно при его письме от 29 июня.

² Курсив наш. Повторение в оригинале.

³ Филарет — архимандрит Боголюбова монастыря Владимирской епархии. Назначен туда в 1795 году игуменом, а в 1799 году по определению святейшего Синода (на основании именного указа от 18 декабря 1797 года) игумен Филарет произведен в архимандриты. В мае 1802 года переведен архимандритом в Спасо-Евфимиев монастырь в Суздале, в 1809 году уволен в Киев на покой.

[3]. 17 мая 1806 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович.

Пользуясь лестным благорасположением Вашего Сиятельства за честь поставляю себе отнестися к вам, о том что Князь Аркади <!> Александрович² имел честь при отъезде своем к полку

препроводить к вам Штатс-Дамской Ею покойной родительницы портрет³ для доставления куды следует, а как слышал я что по щедроте всероссийского Императорского двора есть обыкновение бралианты на сих знаках имеющиеся возвращать наследникам, на случай что ежели последует каковое либо Высочайшее Ею Императорского Величества благоволение в пользу Князь Аркадия Александровича, о портрете который мать его имела щастие носить я всепокорнейше прошу Ваше Сиятельство о милости оное препроводить ко мне для употребления на уплату оставшихся после покойницы долгов. Думаю что Князь Аркадия Александрович сообщая вам о потере своей сообщил что устроенное дел покойной матери его поручил шурина моему Князь Алексею Ивановичу Горчакову⁴, Павлу Николаевичу Приклонскому⁵ и мне.

Препоручая себя к продолжению милости Вашего Сиятельства имею честь быть с истинным почтением и душевною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Всепокорнейший слуга
Граф Дмитрий Хвостов.
Маия 17 дня
1806 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 240. Л. 65—65об. Писарское, с подписью-автографом.

Здесь укажем, что в публикуемом письме речь идет о родственниках графа, поскольку он с 1788 года был женат на княжне Аграфене Ивановне Горчаковой (1768—1843), родной племяннице генералиссимуса графа А. В. Суворова (дочери его сестры Анны Васильевны и князя Ивана Романовича Горчакова).

Именно это родство позволило ему получить графское достоинство, как и говорилось: уважая «давние геройские подвиги покойного Генералиссимуса князя Итальянского графа Суворова-Рымнического его величество король Сардинский пожаловал родственнику его святейшего Синода обер-прокурору тайному советнику Дмитрию Хвостову диплом на графское достоинство», а 28 января 1802 года Александр I разрешил своим указом пользоваться этим титулом и в России.

² Граф Аркадий Александрович Суворов-Рымнический, князь Итальянский (1780—1811). Сын полководца, утонул в реке Рымник.

³ Графиня Варвара Ивановна Суворова-Рымническая, княгиня Итальянская (1750—1806). Статс-дама, супруга полководца.

Судя по всему, после смерти мужа она наделала довольно долгов. Уже в конце 1802 года она продавала свои драгоценности, о чем и поместила объявление в Известиях к Московским ведомостям: «В доме Княгини Итальянской, Графини Суворовой-Рымнической, на Никитской, в приходе Большого Вознесения, продаются брильянты разных сортов, солитеры, в том числе один в 8 крат и кратами разных сортов, брильянты же самой лучшей воды» (впервые: № 93, 19 ноября 1802 года; повторено в № 96, 29 ноября и в № 102, 20 декабря).

⁴ Князь Алексей Иванович Горчаков (1769—1817) — сенатор, генерал от инфантерии, с 1812 по 1815 годы управлял военным министерством. С 1815 года — член Государственного совета.

⁵ Приклонский Павел Николаевич (1766 — после 1825) — полковник, затем камергер двора, поэт-лирик. Приходился свояком князьям Куракиным, поскольку был женат вместе с князем Степаном Борисовичем Куракиным на родных сестрах рожденных Измайловых — княгине Екатерине Дмитриевне Куракиной и Анне Дмитриевне Приклонской. Этой родственной связью объясняется и то, что сын Приклонского Дмитрий Павлович получил после смерти в 1841 году вдовы княгини Е. Д. Куракиной все ее движимое и недвижимое имение. Приклонский был близок к князю П. А. Зубову и в 1796 году, будучи в звании подполковника, официально находился при его особе.

[4]. 28 июня 1806 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.

Почтеннейшия Вашего Сиятельства Письмы от 28 мая и 5-го июня со вложением письма Вашего к Князю Италийскому², кое я к нему и отправил, с истинною благодарностию имел щастие получить. Что же касается до того объяснения Вашего Сиятельства, на котором я ныне и основался, что Штатс-дамския Портреты как изволите примером указывать не обращаются в пользу наследников, то в извинение мое донесу, что я к требованию сему приступил, как из усердия моего к делам покойницы, так более по примеру, что по высочайшей щедроте покойнаго Государя Императора Павла Перваго, портрет Его дорогой цены Покойному Генералисиму³ пожалованный был возвращен наследникам по смерти Князя Александра Васильевича. Препоручая себя как и всегда милостям Вашего Сиятельства, имею честь быть с истинным почтением и душевною преданностию

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
Покорнейший Слуга
Граф Хвостов.
Село Слободка
1806 года
28. июня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ею. х. 236. Л. 50—50об. Автограф.

² Т. е. князю А. А. Суворову. См прим. 2 к письму 3.

³ Граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский, князь Италийский (1729—1800) — генералиссимус.

[5]. 16 июля 1806 года¹.

Милостивый Государь

Князь Александр Борисович.

Почтенное Вашего Сиятельства Письмо от 9-го июля имел щастие получить. Не знаю как возблагодарить вас за то Родственное участие которое вы принимаете в делах К. Аркадия Александровича², уведомлением меня о том, что за штатс-дамскою портрет можно получить из кабинета 4000р. уважая таковое благорасположение ваше не премину о том сообщить вскоре К<нязю> А<ркадию> А<лександровичу> а как я прежде доносил вам, что я, К<нязь> Горчаков³ и Приклонской⁴ имеем доверенность от Князя о получении высочайшаго благоволения из кабинета то и отношусь с сею почтою к Дмитрию Александровичу⁵ прося Его Высокопревосходительство, о наставлении могу ли я с товарищами моими получить оные деньги по данной от князя доверенности, или употребить на то другой какой приказной обряд. Удостоверен будучи на опыте о том чувстве с каким сохраняете память дружбы покойной К<нягини> Варвары Ив<ановны> сверх того, что я и шурина льстимся иметь право доверенности кабинета на 4000, Еще прошу покорнейше Ваше Сиятельство о Милости при случае напомнать, Дмитрию Александровичу, что я приму себе за истинное одолжение пребывая

С истинным почтением и преданностию вечною
Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший Слуга
Г<раф> Дмитрий Хвостов.
16 июля
1806 года
Москва.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 236. Л. 112–112об. Автограф.

² Суворова см. прим. 3 к письму 3.

³ см прим. 4 к письму 3.

⁴ см прим. 5 к письму 3.

⁵ Очевидно, имеется в виду граф Дмитрий Александрович Гурьев (1751–1825), действительный тайный советник, в то время управляющий Кабинетом его императорского величества, товарищ министра финансов и министр уделов.

[6]. 16 августа 1807 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Лестно при всяком случае мне думать, что Ваше Сиятельство удостоверены в моем к вам почтении и преданности, за долг себе почитаю нося ваше благорасположение иметь честь поздравить вас с высоким благоволением Его Императорского Величества пожалованием в Первый класс, со всеми отличиями которых вы ревностью о славе отечества получить изволили². Препоручаю себя в дальнейшее ваше благоволение, имею честь быть.

С истинным высокопочтением и преданностию

Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Граф Д. Хвостов

С. Слободка
1807 года
августа 16 дня.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 246. Л. 130–130 об. Автограф.

² Князь Александр Борисович был пожалован в Первый класс именным указом Александра I правительствующему Сенату от 22 июля 1807 года; 2 августа указ был опубликован в Санктпетербургских ведомостях (№ 62, пятница, с. 767).

[7]. 17 августа 1813 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Почтение и преданность, которых я всегда питал и питаю в душе моей к Вашему Сиятельству, равномерно и ваша ко мне благосклонность возбудили во мне смелость препроводить к Вам оду, мною в новь сочиненную² и просить Вас о благосклонном оной принятии. Сочинение сие не есть плод труда долговременного; оно, так сказать, вылетело из мыслей, восторженных громкими Российского и дружественных нам народов победами; оно лилось из сердца восхищенного славою нашего монарха, которого имя в отдаленных пределах вселенной с любовью и радостью из уст в уста переносится, и вскоре будет развеяться на знаменах в отечестве знаменитого Гонзальва³. Стихотворение сие есть соображение чувств Россиянина, свято чтущаго веру своих праотцев и совершенно преданного своему Отечеству и Государю. Оно столько же мое сколько и всех соземцев моих, и может заслужить благоволение ваше собственно потому, что писано в свойстве Русского Народа и в духе ненависти к врагу всей вселенной. Вот мои права на одобрение ваше, яко мужа просвещенного и знаменитого по любви и заслугам к отечеству!

Я не дерзаю обременить Ваше Сиятельство просьбою, поднести сию оду мою Ея Императорскому Величеству Императрице Марии Феодоровне, Государыне Великой Княгине⁴ и Государям Великим Князьям⁵. Но за щастие себе почту, ежели вы сие заблагоразсудите, для ради чего и препровождаю к вам четыре экземпляра в бумажном переплете; и прошу принять искреннее уверение в том, что я честь имею пребыть навсегда

с истинным почтением и совершенною преданностию
покорнейший и
преданнейший слуга

Гр. Хвостов
Августа 17 дня
1813 г.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 313. Л. 140—141. Писарское, с подписью-автографом.

² Имеется в виду сочинение: Ода на истребление французской армии в России. 1812 года при случае отправления из Кронштадта Императорского Александровского гишпанского полка. 1813 года, июня 31 дня. Сочинение Графа Хвостова. СПб. В Морской типографии. 1813. (Текст параллельно на русском и французском языках.)

³ Т. е. в Испании. Граф Хвостов здесь упоминает о выдающемся испанском полководце Гонсальво (Gonsalvo Hernandez de Cordova у Aguilar; 1442—1515). В основном он прославился тем, что в свое время изгнал французов из Италии.

⁴ Анна Павловна (1795—1865), с 1816 — замужем за королем Нидерландов Вильгельмом II.

⁵ Николай Павлович, будущий император Николай I (1796—1855), и Михаил Павлович (1798—1849).

[8]. 6 ноября 1813 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович !

Ваше Сиятельство будучи всегда ко мне милостивы, приобьикли² изъявлять высокое благоволение и к Музе моей. Вы удостоили принять благосклонно и поднести Государыне Императрице Марие Феодоровне оду мою, сочиненную в прошедшем июне месяце³. Стихотворение сие столько счастливо, что ныне становится пророчеством. Громовой удар уже пал под Лейпцигом на врага вселенныя. Гн Мейер⁴, служащий в военном министерстве перевел оду сию на Немецкой язык, и желает иметь счастье поднести перевод свой Ея Императорскому Величеству императрице Марие Феодоровне. Я приемлю смелость покорнейше просить

Ваше Сиятельство об оказании сеи милости переводчику; которую приму в число ваших многих к себе благоденний; и пребуду навсегда

с истинным почтением и
совершенною преданностию
Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
покорнейший слуга
Г<раф> Хвостов
Ноября 6-го дня
1813 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 309. Л. 14—14об. Писарское, с подписью-автографом.

² Здесь описка — следует читать «привыкли».

³ См. прим. 2 к письму 7.

⁴ Возможно, Андрей Мейер, — подполковник, затем генерал-майор, переводчик и писатель.

[9]. 5 июля 1815 года¹.

Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

Пользуясь благовоительным позволением Вашим, имею честь приложить у сего мерку с портрета Вашего Сиятельства, который я осмелился у Вас испрашивать и Вы изволили мне обещать масляными красками на холсте для залы Российской Императорской Академии². Удостоите исполнить прозбу мою и желание всего почтеннаго сословия; доставьте Российской Академии удовольствие видеть изображение того члена ея, который отличными заслугами отечеству, просвещением своим и познанием в языке приносит Академии толикую честь ожидая на сие благо-

склоннаго уведомления, имею честь быть с совершенным почтением и преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
покорный слуга
Г<раф> Хвостов

5 июля 1815.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 326. Л. 14—14об. Писарское, с подписью-автографом.

² Граф Дмитрий Хвостов был избран членом Российской Академии 5 июля 1791 года и принимал деятельное участие в ее жизни. Об эпизоде с портретами подробно пишет М. И. Сухомлинов (в кн. История Российской Академии. Вып. 7. Спб, 1885. С. 186—187): желая украсить зал академических собраний портретами замечательных наших писателей, граф Хвостов принес в дар Российской Академии портреты М. В. Ломоносова, князя А. Д. Кантемира и А. В. Олсуфьева, а также прислал сто рублей для снятия копий с портретов И. П. Елагина, В. Н. Татищева и митрополита Самуила (Миславского). Сверх этого им были присланы еще сто рублей — для снятия копий с портретов членов Российской Академии и других лиц, прославившихся в русской литературе. Впервые эта идея была озвучена графом Хвостовым на заседании 21 июня 1802 года и, как видно из публикуемого письма, не отпускала графа достаточно длительное время.

В числе портретов, которые были присланы графом в Академию, находился и его собственный портрет (что, впрочем, ничуть не противоречит его общеизвестным особенностям). Кроме того, граф сам начал сочинять подписи для этих портретов, часть из которых печатались в журнале А. Е. Измайлова «Благонамеренный» в 1822 году: к портретам И. И. Хемницера и Г. Р. Державина (Ч. 18. № 14. С. 36—37); Я. Б. Княжнина и Д. И. Фонвизина (Ч. 18. № 15. С. 77—78); а также И. Ф. Богдановича и Ж. Лафонтена (Ч. 18. № 18. С. 197—198), а также были перепечатаны в других журналах того времени.

Что же относится до князя Куракина, то он был избран членом Российской Академии 12 апреля 1798 года и благожелательно отнесся к этому.

[10]. 18 августа 1815 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович!
Вашему Сиятельству, истинному сыну Отечества и покровителю Российской Словесности приемлю смелость поднести у сего последнее стихотворение мое². Счастлив будет сочинитель, если ли стихи его против лжемудрости, безверия и безначалия удостоятся благосклоннаго Вашего одобрения.

С совершенным высокопочитанием и душевною преданностию честь имею быть

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
Покорнейший Слуга
Г<раф> Хвостов
18ть Августа
1815 года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 326. Л. 93. Писарское, с подписью-автографом.

² Речь идет об отдельно изданном стихотворении «На вторичное вступление сынов Европы в Париж, после победы при местечке Прекрасный союз называемом. Сочинение графа Дмитрия Хвостова». Оно вышло в этом году двумя изданиями: на русском языке (Спб. В типографии Иос. Иоаннесова. 1815.— 8 с.) и с параллельным французским текстом (Спб. В типографии Военного министерства. 1815.— 15 с.)

[Приложение]

В дополнение к письмам самого графа Дмитрия Ивановича мы решили присоединить письмо князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского (1760—1831) к нашему князю от 16 мая 1804 года, которое, кажется, не будет лишним в данном разделе¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович

В донесении моем сей день императрице о бывшей сей день закладке больницы для бедных не хотел упоминать о числе сочинений поступивших ко мне от разных лиц но поелико вложенныя четыре стиха кажутся цену свою имеют я бы желал что б удостоились оные воззрения, изберите удобней час сего просит тот кто паче всех имеет опыты дружескаго и родственническаго расположения вашего к себе. Имею честь быть с совершенной преданностию и почтением

всепокорнейший слуга и брат

Князь Яков Лобанов Ростовский

16 мая

1804=

На заложение в Москве
больницы для бедных

В отраду страждущим созданием больницы
Достойный вышняго днесь заложен олтарь:
Благотворение достойное царицы,
Котору освятил с небес могущим царь.

Сочинение Гр. Дм. Хвостова.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 212. Л. 126, стихи на л. 127. Автограф князя.

Михаил Матвеевич
Херасков

Отношения Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807) с князем Александром Борисовичем Куракиным были случайными, а потому нам известно лишь два письма его к князю. Первое, датированное 13 июля 1778 года, было напечатано в 1902 году (АКК, X. С. 340). Второе мы печатаем здесь.

Поскольку первое письмо было опубликовано В. Н. Смольяниновым без постскриптума, то мы позволили себе поместить его в приложении к печатаемому письму.

[1]. 28 апреля 1798 года¹.

Ваше Сиятельство
Милостивый Государь
Князь Александр Борисович!

За отменную честь почитаю, что Вашему Сиятельству угодно иметь мои сочинения; давно бы доставлены они были в вашу библиотеку, ежели бы я уверен был, что вы слабые мои труды вашего внимания удостоите — теперь получаю на то ваше дозволение, первые четыре части моих творений² для поспешности в простой бумаге на завтрешней тяжелой почте отправляю; а следующие еще печатаемые, при издании каждой части доставлять не замедлю; препоручая себя в ваше покровительство. — с моим глубочайшим почтением и преданностию есмь:

Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
все покорнейший и послушный
слуга
Михайла Херасков

Апреля 28 дня
1798 года.

¹ ОПИ ГИМ, Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 166. Л. 60. Писарское, с подписью-автографом.

² Здесь Херасков имеет в виду первые части издания «Творения М. Хераскова, вновь исправленные и дополненные» ([М., 1796, 1797, 1797, 1798]), полностью вышедшего в двенадцати частях только к 1803 году (Описание см.: СК, III, 7962). Публикуемое письмо позволяет уточнить дату выхода в свет четвертой части Творений.

Также по указанию Хераскова об остальных «еще печатаемых» частях можно сделать некоторые предположения: скорее всего здесь имеются в виду части пятая, шестая и седьмая, которые вышли без указания года и типографии (восьмая часть была напечатана после некоторого перерыва в 1801 году)

и дата выхода которых в свет до сих пор неизвестна. Таким образом, выход этих частей можно датировать 1798—1799 годами.

И, наконец, СК не отмечает различий среди экземпляров по качеству бумаги, а в настоящем письме автор сам недвусмысленно извиняется, что может послать только части на простой бумаге.

[Приложение].

В письме Хераскова к князю Александру Борисовичу от 13 июля 1778 года из Москвы, напечатанном в АКК (X, 340), изъят последний абзац — постскриптум. Мы приводим его здесь по оригинальной рукописи¹:

«Жена моя², за ваше о ней напаятование, приносит Вашему Сиятельству свою искреннюю благодарность».

¹ ОПИ ГИМ, Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 448. Л. 263.

² Здесь говорится о Елизавете Васильевне Херасковой, рожд. Нероновой (1737—1809), стихотворице и переводчице, характеризую которую князь П. А. Вяземский приводил строфу А. П. Сумарокова: «В прекрасной быть должна прекрасная душа». Ей же граф Д. И. Хвостов в год смерти супруга посвятил стихотворение «Милостивой государыне, Елисавете Васильевне Херасковой, на смерть творца Россияды» (опубл. в журнале «Друг юношества», М. 1807. Октябрь. С. 50—52).

Александр Васильевич
Храповицкий

Александр Васильевич Храповицкий (1749–1801) был известен современникам не только как статс-секретарь государыни, но и как писатель. Державин писал, что «Храповицкий был хороший стихотворец и прозаический писатель, который ввел легкий и приятный слог в канцелярские дела» (*Державин, I. С. 543*). Но памятен Александр Васильевич прежде всего своими записками, которые он вел с 1 января 1782 по 2 сентября 1793 года, будучи секретарем государыни «по собственным ее делам и у принятия прошений». Конечно же, князь был знаком с Храповицким, поскольку тот служил в Сенате при генерал-прокуроре князе А. А. Вяземском. Однако следов каких-либо отношений мы не имеем, и надо полагать, что если они и имели место, то после 1782 года должны были бы прекратиться.

Печатаемые здесь два письма, хотя и являются строго официальными, представляют значительный интерес. Удаление князя от двора, произошедшее после возвращения 20 ноября 1782 года графов Северных, в 1788 году получило логическое заверше-

ние — он был уволен от службы. Этому событию посвящены интересные строки в дневнике Храповицкого, которые мы уже поместили в биографии князя в начале этой книги.

[1]. 8 октября 1788 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович!

Имею честь почтеннейше уведомить ваше сиятельство, что прошение ваше Ея Императорскому Величеству всеподданнейше мною поднесено², и дано уже высочайшее повеление о заготовлении указа.

С совершенным почитанием и истинною преданностью,
Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший слуга
Александр Храповицкой
8 Октября 1788.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 424. Л. 182. Автограф.

² Речь идет о прошении, поданном князем Куракиным на имя Екатерины II 4 октября 1788 года.

Считаем нужным воспроизвести его здесь по отпуску, хранящемуся среди бумаг князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 160. Л. 36. Автограф):

Всемиловейшая Государыня,

Положение дел моих принуждает меня припасть к освященным стопам вашим со всеподданнейшею просьбою о всемиловейшем увольнении моем из службы вашего Императорского Величества.

Я всегда был; теперь есмь, и до коле жив буду непрестану с душою преисполненною чувствами искреннейшаго усердия, подданической верности, и Глубочайшаго Благоволения,

Вашего Императорского Величества
верный — Подданный

Князь А. Куракин
Октября 4-го дня
1788.

[2]. 10 октября 1788 года¹.

Милостивый Государь Князь Александр Борисович.
Копию с Указа Ея Императорским Величеством сего дня под-
писаннаго имею честь препроводить к Вашему Сиятельству²,
пребывая с совершенным почитанием и истинною преданностию
Вашего Сиятельства
Милостиваго Государя
всепокорнейший слуга
Александр Храповицкой
10 октября 1788.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 424. Л. 233. Автограф.

² Писарская копия с указа прилагается при том же деле (Л. 234):

Копия.

Указ нашей Придворной Конторе.

Нашего Действительнаго Камергера Князя Александра Куракина по про-
шению Его всемиловейше увольняем от всех дел.

На подлинном подписано собственною Ея Императорского Величества
Рукою:

Екатерина.

В Санктпетербурге
Октября 10 дня
1788 Года.

Князь
Михаил Михайлович
Щербатов

Князь Михаил Михайлович Щербатов (1733—1790) — русский историк и публицист. Князь Щербатов был в свойстве с князьями Куракиными и пользовался дружеским расположением еще отца нашего князя — президента Камер-коллегии князя Бориса-Леонтия Александровича Куракина, а по его смерти оставался в дружбе с его родней.

Выходившая с 1770 по 1791 год в семи томах (пятнадцати книгах) его «История российская» сделала автора знаменитым среди современников, однако он вынужден был терпеть довольно критики. Это объяснялось, как писал С. М. Соловьев, главной бедой Щербатова-историка — что «он стал изучать российскую историю только тогда, когда начал писать ее»; а поскольку писать он ее очень торопился, то не обошлось и без явных промахов, которые посредством пера И. Н. Болтина оказались известны публике. Да и язык его «Истории» был столь тяжел, что мало кто из современников его выдерживал.

Уместно в этой связи привести строки из письма Н. Н. Бантыш-Каменского к князю Александру Борисовичу, написанные в конце де-

кабря 1790 года после смерти автора Российской истории: «Историограф наш Кн<язь> Щербатов 12 дек<абря> кончил свою жизнь. Он не мог перенести того огорчения, каково ему нанес Г. Болтин, делая на всю Его историю пристрашную (которую и печатает) критику и доказательствами ясными и неоспоримыми. Я некоторые читал, и судя по самолюбию нашему, не мог бы перенести сего стыда». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 467. Л. 335об).

Кроме помещенных здесь двух писем известно еще одно, напечатанное в 1902 году (АКК, X. С. 385–386), в котором автор благодарит князя Куракина за орден св. Анны, который тот прислал от имени Павла Петровича. Также мы решили напечатать здесь постскрипtum, изъятый издателем из упоминаемого письма, он следует после писем.

[1]. 19 августа 1779 года¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович.

Почтенное письмо Вашего Сиятельства от 8-го числа августа с должным почтением имел честь получить по которому во удовольствии Вашего Сиятельства все возможное мне сделать приказал, как изволите усмотреть из приложенной при сем копии с каллежского определения, остаетца токмо желать чтоб другие правители с таким тщанием постарались Вашему Сиятельству в справедливости сделать удовольствие колико я желаю чтоб оно ко всем напряжена была, в протчем прося о сохранении ко мне вашей благосклонности пребуду с искренним почтением

Милостивый Государь Мой
Вашего Сиятельства
Нижайший слуга
Князь Михайло Щербатов
Москва
августа 19 дня
1779 года

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 450. Л. 17–17об. Писарское, с подписью-автографом.

Очевидно, что письмо относится ко времени службы Щербатова в Коммерц-коллегии, президентом которой он был назначен в 1778 году и выполнял одну из просьб нашего князя.

[2]. 6 марта 1783¹.

Милостивый Государь мой Князь Александр Борисович.

Получив приятное вашего сиятельства письмо писанное февраля от 22 числа, по благодарении моем за оно и за дружеское ваше напамытование, о том что мы о польском ордене белаго орла говорили, имею честь в ответ на оно донести. Ваше сиятельство могли сами приметить из лица и слов моих что я не мог как многия жадно его желают; имея уже знак благоволения ее императорскаго Величества, и его императорскаго Высочества, мне остается новою ревностию к службе отечества моего достойных новых почестей учинится. правда что честолюбие возбуждающее благородные сердца, сие честолюбие толь полезное в истарических правлениях, и могло бы побудить меня к желанию получить сей орден полской, что без воли Ее величества нашей государыни, ни обещание ни получение онаго иметь неможно; а сия самая воля оказующая благоволение монарше и есть лестна подданному; к тому же яко чужестранный орден никому бы получением его прискорбия не нанесет. Но как в самом сем случае должен я тяготить прозбою моею, мою Государыню обремененную делами, то нещитая что бы и вся служба моя, занимающая все часы моей жизни, могла того сносить что бы какое обременение монархине сделать. и токо предавая на судьбу, и на благоусмотрение монаршее моих подвигов, я разсудил сие оставить; ибо в прочем милостивый государь уже мои леты не те что бы орденами красо-

ваться, но чтобы знак милости монаршей иметь; и расположение мыслей моих, что служба отечеству, и государыне, и исправление своей должности, само сабою делает внутреннее удовольствие. и тако донести вам все расположение моих мыслей, за доброе ваше намерение паки принося мое благодарение пребуду с искренним постением

Милостивый Гоударь мой
вашего сиятельства
всепокорный слуга
Князь Михайло Щербатов

Москва
марта 6 дня
1783.

P. S. Жена моя² вашему сиятельству за ваше напаметование приносит свое благодарение, и засвидетельствует вам почтение свое.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 460. Л. 76—76об—77. Автограф.

Это письмо очень интересно, особенно если помнить, что автор этого письма является одновременно автором знаменитого сочинения «О повреждении нравов в России», и известен как строгий судья нравов современников.

Кажется, все разговоры князя Щербатова остались без последствий. В списке кавалеров ордена (Loza S. Historja orderu Orła Białego. Warszawa. 1922) его имя не упоминается.

² Князь Щербатов был с 1756 года женат на своей родственнице, княжне Наталии Ивановне Щербатовой (ум. 1798), страдавшей душевным заболеванием.

[Приложение].

В письме князя Щербатова князю Куракину от 4 октября 1778 года из Москвы, напечатанном в АКК (X, 385—386), изъят постскрип-

тум. По оригинальной рукописи¹ мы приводим его здесь по случаю в виде приложения:

«Жена моя² Вашему Сиятельству, засвидетельствует свое почтение и благодарит за приписание ваше, сама же не пишет за тем, что ныне больна».

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 448. Л. 308. Автограф.

² См. прим. 2 к письму 2.

Егор Антонович
Энгельгардт

Егор Антонович Энгельгардт (1775–1862) памятен теперь прежде всего как директор Царскосельского лицея. Энгельгардт был одним из протеже князя Александра Борисовича. Знакомство его с князем произошло не позже начала 1797 года: 3 декабря 1795 года он был уволен от военной службы и поступил в Коллегию Иностранных дел в канцелярию вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина. «Куракин очень милостиво относился к Энгельгардту и заботился о нем всю свою жизнь» — эти слова Д. Ф. Кобеко не подлежат сомнению (Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. Спб. 1911. С. 73). После своего увольнения от дел в 1799 году, князь устроил Энгельгардта в Мальтийский орден на должность секретаря магистра.

С этого времени началась оживленная переписка, но подавляющее большинство писем посвящено текущим делам Мальтийского ордена и для нас неинтересны. Из всего объема писем Энгельгардта мы выбрали два, которые касаются непосредственно литературной работы и представляют нам новые сведения о нем как о писателе.

[1]. 2 октября 1804 года¹.

Сиятельнейший Князь,
Милостивый Государь.

У сего честь имею препроводить к Вашему Сиятельству, семь книжек журнала издаваемого Г-м Шторхом², в коих по приказанию вашему сделал я некоторыя пометки, а имянно: Лит: А / :Abplatz:/ означает обработанныя мною сочинения, Лит: В / :Bbnosatzung:/ переводы мною с русскаго сделанные; прочее же принадлежит Г-ну Шторху и некоторым посторонним особам, и я в оных участвовал токмо по поколику<!> настоять могла иногда надобность в помощи моей при обработывании Русских Материалов. Статьи же «Miscellen» и «Elde und patriotische handlungen» собираем мы общими трудами.

Исполнив сим столь лестное для меня приказание Вашего Сиятельства, осмеливаюсь однако просить вас покорнейше оставить отметки сии только для вашего употребления, ибо мы с Г. Шторхом условились таковое различие наших в сем предприятии трудов и участия хранить между собою, и единое только повиновение воле вашей могло меня заставить нарушить сие наше условие.

Коль скоро придут сюда следующие тетради, я не премину оныя немедленно к Вашему Сиятельству доставить.

Есмь с совершеннейшим высокопочитанием

Милостивый Государь

Вашего Сиятельства

всепокорнейший и послушный

слуга Егор Энгельгардт

С. П. бург

Октября 2-го дня

1804.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 153. Л. 183–183 об. Автограф.

В публикуемом письме речь идет об издаваемом академиком А. К. Шторхом (см. след. прим.) журнале «Russland unter Alexander dem Ersten. Eine historische Zeitschrift herausgegeben von Heinrich Storch» (St. Petersburg und Leipzig, ben Johann Friedrich Hartknoch, 1804 [1803] — 1808), нерегулярно выходившем с июля 1803 года. Журнал давал обзор наиболее значительных событий современной русской жизни и был ориентирован прежде всего на немцев и жителей западных провинций Российской империи. Первый том (кн. 1–3, июль-август, сентябрь-октябрь и ноябрь-декабрь 1803 года) был издан Шторхом самодично, а со второго тома (с 4 книжки журнала) он привлек к постоянному сотрудничеству «коллежского советника и кавалера Егора фон Энгельгардта», занимавшего тогда должность помощника экспедитора в канцелярии Государственного Совета (об этом объявлено в 4 книжке, вышедшей в январе 1804 года, на с. 4).

Князю Куракину Энгельгардт при настоящем письме переслал семь книжек журнала, которые суть: первая — июль-август 1803; вторая — сентябрь-октябрь 1803; третья — ноябрь-декабрь 1803 (первые три книжки составили первый том журнала, к нему был напечатан титульный лист с датой 1804); четвертая — январь 1804; пятая — февраль 1804; шестая — март 1804 (книжки 4–6 составляют второй том журнала); седьмая — апрель 1804.

Журнал, как видно из публикуемых писем, выходил со значительным опозданием (этим и объясняется общий титульный лист к первому тому с измененной датой), поскольку, судя по всему, Иоганн Фридрих Гарткнох печатал его в Лейпциге.

По поводу невозможности определения авторов статей, которые публиковались без подписи, уже высказывались мнения: «Трудно, однако, установить, насколько значительно было участие его <Энгельгардта-П.Д.> в работе по журналу и какие статьи написаны им лично, так как в этом журнале статьи обыкновенно печатались без подписи. Можно предполагать, что заметка об Ордене св. Иоанна Иерусалимского написана лично им; вероятно, и некоторыя переводы на немецкий язык законодательных актов, напечатанные в этом издании, сделаны если не им самим, то под его руководством» (Кобеко Д. Ф. Императорский Царскосельский Лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб. 1911. С. 80).

Для сравнения расскажем о другом коллективном, уже не периодическом, издании — сборнике в двух частях «Bagatelles. Promenades d'un desoeuvre dans la ville de S. Petersbourg», изданном в 1811 году (SPb, imp. de Pluchart. 2 tt. in 1 vol. 12-о), переизданном в 1812 году в Париже (Paris, J. Klosterman fils & Delaunay), а затем и переведенном на немецкий и голландский языки.

В этом сборнике, автором которого традиционно считается уроженец Риги Теодор Фабер (Gotthilf Theodor von Faber), был помещен 31 небольшой рассказ, часть из них принадлежала перу Энгельгардта. В библиотеке последнего сохранился экземпляр этого издания с карандашными пометами «С. Е.» под написанными им рассказами (Кобеко Д. Ф. Указ. Соч. С. 81).

² Шторх Андрей (Генрих) Карлович (1766–1835) — писатель, тайный советник, член и вице-президент императорской Академии Наук. Энгельгардт был знаком со Шторхом с восьмилетнего возраста — начала своего обучения в пансионе.

[2]. 18 октября 1804 года¹.

Милостивый Государь,
Князь Александр Борисович.

У сего честь имею препроводить к Вашему Сиятельству две вновь полученные книжки нашего Журнала² в коих по приказанию вашему продолжаю я начатые пометки. — Положение о Лифляндских крестьянах³ большею частию отпечатано по сделанному здесь от Комитета официальному переводу в коем осмелился я только тут сделать некоторые перемены, где чистота слога или верность перевода того неотменно требовали. — Находящиеся в 8-й книжке две таблицы одна о правах и обязанностях крестьян а другая о подсудимости их, сочинены были мною еще тогда, когда немецкаго перевода всего положения не было, в том намерении чтобы дать Лифляндским знакомым моим некоторое общее понятие о сем новом положении⁴. Посланная мною тогда в Лифляндию таблица сия одобрена была многими, и по изъявленному желанию иметь ее в общем употреблении, решился я включить оба <!> сии таблицы в Журнал.

С великим нетерпением ожидая дозволения Вашего Сиятельства, внести в наш Журнал известие о великодушном подвиге вашем относительно отпускаемых вами на волю Крестьян⁵.

Я ласкаюсь надеждою что вы удостоите меня тогда снабдить нужными сведениями о подробностях всего положения. При том еще должен я заметить что Если и теперь воспоследует ваше на то разрешение, то Книжка в которую включится сия достопамятная Статья, не прежде как чрез три месяца, то есть около Генваря месяца сюда прибыть сможет⁶.

Препоручая себя в продолжение драгоценнейшаго вашего ко мне благорасположения Есьм с сердечным высокопочитанием и непоколебимою преданностию

Милостивый Государь
Вашего Сиятельства
всепокорнейший и послушный
слуга Егор Энгельгардт
С. Петербург
Октября 18-го дня
1804.

P.S. Вчера Г-н Шторх повез в Гатчино X-ую книжку Журнала, по почте для Ея Величества вдовствующей Государыни Императрицы⁷ полученную, в коей помещено уже начало пожалованнаго нам от Августейшаго сего друга человечества начертания о благодетельных Ея заведений⁸.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Ех. 153. Л. 233 — 233 об — 234. Автограф.

² Имеются в виду восьмая книжка (за май) и девятая (за июнь) 1804 года.

³ Энгельгардт говорит о статье «Die Livlandische Bauernversammlung», напечатанной на страницах 173–201 восьмой книжки.

⁴ Две большие раскладывающиеся таблицы помещены между страницами 282 и 283.

⁵ Речь идет об известном широком жесте князя, когда он даровал свободу своим крестьянам, уволив в 1804 году крестьян 22 хуторов слобод Белокуракинской и Павловки (обе в Старобельском уезде Харьковской губернии), числом до 3000 душ, вечно и потомственно в вольные хлебопашцы, и уступив им до 60 000 десятин земли. Со своей стороны крестьяне обязались внести в

продолжение двадцати пяти лет один миллион рублей ассигнациями в Петербургский опекунский совет в пользу воспитанников князя баронов Сердобиных. Заметим, что эта сумма являлась ничтожной по сравнению с реальной стоимостью.

Интересно, что в своем завещании князь записал даровать после его смерти свободу 1372 крепостным душам надеждинского имения за их многолетнюю службу при князе в годы его опалы. Этот поступок также получил широкую огласку и одобрение (см., например, статью «Благодеяние» в Вестнике Европы (Ч. XXXIII, июнь, № 12. М. 1807. С. 279—283), но воля князя после его смерти наследниками исполнена не была.

⁶ Князь не упустил случая прославиться и вскоре посвященная ему статья под заголовком «Freue Ackerbauern» была опубликована в четырнадцатой книжке журнала за ноябрь 1804 года на страницах 84—92 (она входит в 5 том журнала с датой 1805 на титульном листе).

⁷ Марии Феодоровны.

⁸ Павел I именным указом своим от 2 мая 1797 года повелел о принятии императрицей Марией Феодоровной главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах, таким образом открыв для супруги обширное поприще, благодаря чему имя императрицы навсегда созвучно с благотворительностью.

Упомянутое положение печаталось в журнале под заглавием «Wohlthatige Wirksamkeit der Kaiserinn-Mitter», начало — в десятой книжке (июль 1804, с. 5 — 23), продолжение в одиннадцатой (август 1804, с. 127—136).

Приложение I

Ипполит Федорович
Богданович

Мы помещаем здесь неизвестное стихотворение И. Ф. Богдановича, которое поэт послал в подарок князю Александру Борисовичу при своем письме от 9 мая 1802 года¹. Публикуемое стихотворение интересно еще и тем, что оно написано поэтом за полгода до смерти и является одним из последних творений «певца Душеньки».

Стихи от проезжаго к Ульяне, сиротке в деревне, просящей милостыни.

В весне цветущих лет, богатая красами,
 И крайней скудости пример под небесами,
 Тебе ль принадлежит твой образ нищеты?²
 Ульяна! Дай сама мне милостинку ты!
 Твой взор не есть ли дар?² И лъзя ли понапрасну
 Природе произвестъ Ульяну так прекрасну?
 Не толи голубой небесный луч зорков,
 Под занавесою ресниц густых, чернявых,
 И белости лилей, и алости шипков,
 Разсыпанных в тени волос темнокудрявых?²
 Не толи стройный ряд жемчужистых зубков,
 В отверстой пурпурной дверщ дыханий райских,
 Иль тихо веющих Зефиров тепломайских,
 Когда они дышат от Южных облаков?²
 Не толь отродия щедротливых богов,
 Легкоподатныя, пригожия ладоши?²
 Не толи складныя, уютистыя ножки,
 Возвестницы своих имуществ и даров?²
 Не толи нежныя карминистыя губки,
 Зовущия ко тьмам целуев и смехов?²
 Не толь стыдливыя зачинных роз вылупки,
 Бегущия от глаз под спорливый покров?²
 Не толь волшебных тайн и прелестей преграда
 Влокущия к себе обвороженны взгляды?²
 Ульяна! В простоте, ты низишь все наряды,
 Ты дарствуешь прося, господствуешь служа:
 О! Как бы ты была в наряде госпожа!

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 61 — 61 об. Автограф. Письмо, сохраняющееся в бумагах князя (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 200. Л. 60—60 об.) напечатано нами в соответствующем разделе настоящей книги.

Приложение II

Князь
Петр Борисович
Козловский

Здесь мы публикуем неизвестную эпистола князя Петра Борисовича Козловского (1783—1840) к князю Куракину¹. Личность князя Козловского, одного из «умнейших и образованнейших» персонажей первой половины XIX столетия, уже рассматривалась многими исследователями. Общение князя Куракина с князем Козловским, ко времени которого и относится публикуемое стихотворное послание, является наименее изученным периодом биографии князя Петра Борисовича. Покровительство, оказанное ему князем Куракиным, либо вовсе не отмечается или отмечается вскользь, либо описывающие это строки противно читать (напр., в кн. В. Я. Френкеля «Петр Борисович Козловский» Л. 1978). А между тем князь Александр Борисович умел выбирать умных и талантливых молодых людей, которым покровительствовал, и совершенно при этом не пытался, приручив, оставить при себе, а, напротив, старался всеми силами ускорить их продвижение по службе. Среди них и барон Егор Энгельгардт, в будущем директор Царскосельского лицея, и Дмитрий Бантыш-Каменский, выдающийся историк, и многие другие. К ним же относится и князь Петр Борисович Козловский — легендарный «русский европеец».

6 января 1801 года князь Козловский был определен камер-юнкером на службу в Коллегию иностранных дел, а 14 числа был причислен к Московскому архиву Коллегии. Неизвестно, когда разглядел его князь Куракин, но в сентябре 1801 года, когда князь Куракин, как и все высшие чины, поехал со двором в Москву на коронацию Александра I, он пригласил семнадцатилетнего князя Петра Борисовича на великолепный бал, который давал в своем дворце на Басманной 28 сентября 1801 года. Там присутствовал и государь, которому, скорее всего, впервые в жизни был представлен князь Козловский. По случаю бала князь Петр Борисович написал стихи, которые в начале октября уже были напечатаны: «Стихи на польской игранный в день высочайшего присутствия его императорского высочества государя императора Александра I на бале в доме господина вице-канцлера князя Александра Борисовича Куракина 28 сентября 1801 года» (М., 1801).

Князь Куракин решил взять его в Петербург. 9 октября 1801 года князь Козловский подает прошение о переводе из Москвы в Петербург в Коллегию, которое и было удовлетворено 13 числа. В конце 1801 года он переехал в Петербург, где поселился в доме князя Куракина и состоял при его особе. Уже в начале весны он приступил к своим обязанностям, причем князь Куракин старался его достойно ввести в высший свет, усмотрев таланты молодого князя. Именно об этом периоде — примерно с февраля по июль 1802 году — князь Козловский в публикуемом стихотворении говорит: «И полгода прекрасно жил». В то время князь Петр Борисович был ослеплен придворной жизнью и почти бредил ею (см. Записки Ф. Вигеля. М, 1928. Т. 1. С. 161–162).

В августе 1802 года князь Куракин заболел, а к его выздоровлению князь Козловский написал стихотворение, в том же году преданное печати: «Его Сиятельству Князю Александру Борисовичу Куракину. Стихи на выздоровление благодетеля» (Спб., 1802). Эпиграфом к этому стихотворению была избрана французская цитата из Руссо.

Стоит опять же отдать должное князю Куракину, который уходя в отставку (именной указ был подписан 5 сентября 1802 года), подал государю представление о повышении в чинах ближайших своих сотрудников. Из шести человек, за которых хлопотал князь, один был его

сын барон Александр Сердобин, а самым младшим был восемнадцатилетний князь Козловский. Седьмого сентября 1802 года Александр I подписал именной указ, где «во уважение засвидетельствования вице-канцлера, действительного тайного советника, князя Куракина, об усердной службе и отличном прилежании находившихся при его канцелярии чиновников» юнкер Коллегии иностранных дел князь Петр Козловский был пожалован в переводчики.

Отставка князя Куракина была для князя Петра Борисовича безрадостным событием, хотя тот не забыл о своем помощнике: не без его участия князь Козловский был 24 марта 1803 года причислен к русской миссии при сардинском дворе. А позже князь протезировал ему уже через своего троюродного брата — канцлера графа Николая Петровича Румянцева.

Считаем не лишним привести здесь мнение князя П. А. Вяземского по поводу двух стихотворений князя Петра Борисовича — «Чувствование россиянина при чтении милостивых манифестов, изданных его императорским величеством Александром I-м 1801 апреля во 2-й день» (М, 1801) и упомянутого выше «На исцеление...». Эти слова, как кажется, могут с успехом относиться и к публикуемому посланию:

«Опять покаемся в мягкосердечной слабости своей: мы с удовольствием прочитали стихотворения Козловского, хотя далеко не отличаются они ни поэтическим вдохновением, ни даже художественною отделкою. Но они замечательны, но они нравятся нам по чувству, по духу, которое возбудило их, по некоторым мыслям, которые они выразили. Смешно признаться, нравится нам и эпиграф, приложенный к стихам, посвященным князю Куракину. Нравится нам сей эпиграф и потому, что признаем его искренним предисловием, сказанным автором; верною вывескою того, что он чувствовал. Мы убеждены, что не лезть и не низкопоклонство водили пером его; мы убеждены, что одно простосердечие, одна признательность внушили ему эти стихи. Наши убеждения подкрепляются и оправдываются тем, что и позднее, среди соблазна света, среди испытаний жизни, Козловский до конца сохранил это свежее благоухание простосердечия. От этих стихов, от эпиграфа, заимствованного у Ж. Ж. Руссо, так и веет на душу кроткое и сладостное ощущение. Нам приятно находить в Козловском, в этом

отъявленном либерале, эти чувства, эту простоту, которые ныне заклеймили пошлостью» (Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. VII. Спб. 1882. С.233–234).

Из стихотворений князя Козловского, которыми он почтил своего покровителя, до настоящего времени были известны только два печатных, указанные выше. Во время просмотра бумаг князя Куракина в деле под данным им самим названием «Всячина по делам второго министерства» (1801–1802 годы) нашелся сложенный вдвое лист с неизвестным стихотворным посланием князя Петра Борисовича. Это стихотворение не датировано, но относится оно, судя по всему, к сентябрю-октябрю 1802 года. Если в прошлом стихотворении на выздоровление князя стихотворец взял эпитафией французскую цитату из Руссо, то здесь он также дает французскую цитату, но уже из самого князя, прекрасно этим языком владевшего, где князь цитирует произнесенные в его адрес слова Болингброка, по поводу которых мы хотели бы высказать несколько соображений.

Во время своего путешествия по Европе две страны тронули сердце молодого князя Куракина — то были Франция и Англия. И хотя довольно часто и много говорится о французофильстве князя Александра Борисовича, особенно в связи с его пребыванием послом в Париже, пребывание в Англии в конце 1772 — начале 1773 года оставило неизгладимый след. Конечно, этому впечатлению способствовал и прекрасный прием, оказанный князю русским посланником графом Алексеем Семеновичем Мусиным-Пушкиным, но он только усилил чувствования князя. Тогдашнее впечатление как нельзя лучше отражают строки из его письма к графу Н. И. Панину: «Критиковать англичан — значит их не знать; они достойны уважения и почтения всякого здравомыслящего человека. Если за ними и водятся некоторые странности, то они вполне выкупаются блеском их великих качеств»².

Знакомство князя с виконтом Болингброком произошло в Англии, когда граф Мусин-Пушкин сводил 21 января 1773 года молодого князя Куракина на открытие сессии Парламента. Конечно знакомцем князя был не знаменитый Генри Сент-Джон, пожалованный в 1712 году

титолом виконта Болингброка (1678–1751), а его сын — Фредерик Сент-Джон, второй виконт Болингброк (1734–1787). Происходивший из старинной дворянской семьи, второй Болингброк по семейной традиции занял место в Палате общин; куда традиционно избирались члены семьи Сент-Джонов для представления родового бурга Вутон-Бассет (Беркшир); как и отец, он был тори по своим политическим убеждениям. Судя по всему, произведенное Болингброком на князя Куракина впечатление было колоссальным, если и много лет спустя князь Куракин так отзывался о нем.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 983. Лл. 118–119об. Автограф. Перевод эпитафии выполнен В. А. Мильчиной.

² ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Нов. Е.х. 904. Л. 365. Без даты, оригинал по-французски.

Стихи
Его Сиятельству
Князь Александру Борисовичу
Куракину.

«Oui, mon cher ami, dans ma jeunesse Mylord Bolingbroke m'accueillit; c'ÿtait un homme comme il n'y en a point et c'est lui qui m'a prouvé que dans de grandes maisons, il y a quelquefois de grandes vmes; je m'en rappellerai toute ma vie, mes premiers jours dans le monde ÿtaient beaux, j'ai peut-ktre connu le bonheur, mais pourquoi l'avoir connu quand il devait se passer si vite!»

[«Да, любезный друг, в молодости принял меня милорд Болингброк; то был человек, каких мало, он-то и доказал мне, что порой великая знатность великой душе не помеха; помнить о сем буду я всю мою жизнь; первые дни мои в свете были прекрасны; пожалуй, узнал я счастье, но зачем же узнал, коли суждено мне было так скоро его лишиться!»]

Был добрый человек на свете,
Любил всех пламенной душой,
У счастья не был на примете
И прожил — с нищенской клюкой.
Он в младости, в странах далеких
Нашел и друга и отца,
Узнал что и в домах высоких
Еще есть нежные сердца!..

Узнал — и дни его светлее
По лугу жизни потекли,
Все чувства стали в нем живее,
Все мысли в счастье расцвели;
Не долго бедный наслаждался
Приятной, сладостной мечтой,
Он с другом и отцем расстался
И в свет опять пошел с сумой.

Со вздохом горьким, со слезами
О прежней жизни вспоминал,
Один, один под облаками
Покрова тщетно он искал:
«За чем я в горе не жил вечно,
Сказал от сердца своего,
«Когда так счастье скоротечно,
«За чем-же было знать его?» —

Так я вздохнул когда с тобою
Разстался, нежный человек!
Ты благодетельной рукою
Украсил в младости мой век.
В годах неопытных, незрелых
Вошел я в общество людей,
Средь пиршеств шумных и веселых
Я грусть носил в душе своей.

Когда-же под своим покровом
Меня ты к счастью приучил,
Я все увидел в блеске новом
И полгода прекрасно жил;
Но быстро время пролетело:
Сего дня счастье расцвело,
Поблекло завтра, помертвело
И ветром цвет его снесло!

Осталось лишь — воспоминанье,
Источник радости и слез,
О прежнем сладкое мечтанье,
В степи пустынной — призрак роз,
Последнее отрады чувство,
Последний в томном сердце жар!...
Тебе не лезть и не искусство,
Тебе оно приносит дар!

Прими его — он всех светее!
Хотя монархом ты почтен,
И что еще того славнее,
Любовью общей награжден;
Но больше ты себя прославил,
Свой большой скрасил в жизни путь:
Ты бедных по себе заставил
От сердца глубоко вздохнуть!

Великих, сильных истуканы
Времян удары сокрушат,
Властители миров пограны,
Уже давно о них молчат.
Во славе гордый и коварный
Минуту чтим, потом — забыт;
Но гений кроткой, благодарный
о добрых память Сохранит!...

К<нязь> П<етр> Козловской.

Приложение III

Алексей Данилович
Копьев

Алексей Данилович Копьев (Копиев; 1767—1846) — драматург и поэт, чьи произведения с большим успехом игрались на столичной сцене в последние годы екатерининского царствования. Он был сыном давнего друга князя Куракина — пензенского вице-губернатора Даниила Самойловича Копьева, « всю цену дружбы своей к его сиятельству <...> доказавшему»¹, и сохраняющаяся с коим переписка в княжеских бумагах исчисляется более чем сотней посланий.

По натуре Алексей Копьев был балагур и остролов, что соединилось в нем с прескверным характером, и одновременно являлся одной из колоритнейших фигур петербургского общества. Его характеристики превосходно даны князем И. М. Долгоруким и Ф. Ф. Вигелем².

Здесь мы публикуем его стихи. Само по себе это обстоятельство уже крайне важно, поскольку все комедии его сочинены прозою, а по поводу стихов его биографы только констатируют, что «Копьев писал также стихи <...> которые до нас не дошли» (СРП, 2. С. 126). Из его стихотворных сочинений известны лишь предисловие к изданию комедии «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка» (СПб, 1794), сочиненное стихами (С. [3—6]), а также одно четверостишие, которое приводит Вигель в своих записках (Вигель Ф. Ф. Записки.

М. 2000. С. 287). Таким образом, теперь читателю будет интересно узнать и Копьева-стихотворца.

Стихотворение относится к середине августа 1792 года, когда Копьев вместе с Пензенским вице-губернатором И. А. Ступишиным приехал к князю Куракину в Надеждино; об этом сам князь писал к брату князю Степану Борисовичу в письме от 19 августа: «У меня гостили здесь три дни Пензенский вице-губернатор и сын Данилы Самойловича Копьева. Они оба сделали мне неожиданные приношения стихами»³.

Кроме этого, мы ниже в качестве приложений сочли нужным поместить письмо Копьева-отца к нашему князю, в котором он рассказывает об успехах сына и преподносит нам массу интересных биографических сведений о писателе, а также отрывок из письма брата князя Алексея Борисовича.

¹ Описание путешествия в 1786 году его сиятельства двора ея императорского величества действительного камергера и разных орденов кавалера князя Александра Борисовича Куракина, вниз по Суру от Красноярской до Чирковской пристани, находящейся при устье впадающей в Суру реки Инзы, с приобщением известия о той реке. Спб. 1793. С. 26.

² Долгорукий И. М. Капище моего сердца... М, 1997. С. 55; Вигель Ф. Ф. Записки. М, 2000. С.285–287.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 372. Л. 95об.

Продолжение
Надписи к дверям Дома
В селе Надеждине¹

Здесь пристанище покоя.
Удаляся от сует,
Сам прелестно все устроя,
Здесь КУРАКИН князь живет.

Здесь не те уже забавы,
Забав имя что несут

Здесь нет блесков пышной славы,
Что тщеславный дух влекут.

Здесь природа, упражненье,
Здесь богатство дар земли.
Здесь двор тем², кто для веселья
Изо-всех стран притекли.

Здесь поля, луга и рощи,
Быть в печали не дают;
Здесь спокойно спят средь ночи,
И в забавах дни текут.

Здесь музыка, здесь катанье,
Сердоба стала Невой;
Здесь тем весело гулянье,
Что нет почести пустой.

Здесь все веселы предметы,
И в палатах, и в избе;
Здесь и песни и Арьеты,
Здесь рожок и Изабе³. —

Прелесть сельску здесь вкушаем,
И приятность городов;
Изъяснить что здесь встречаем,
Нет на то способных слов.

Здесь и воздух столь полезен,
Что не можно больну быть;
Здесь хозяин столь любезен,
Что нет способу грустить.

Сии Стихи сочинял Алексей
Данилович Копьев.
В селе Надеждине августа 16-го
дня 1792-го года.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1018. Л. 78–79. Писарская копия. Судя по присутствующему в названии слову «Продолжение», очевидно прежде Копьевым писано было и начало, но его среди бумаг князя нам отыскать не удалось.

² В рукописи «те», то есть при списывании явно была потеряна буква.

³ Имеется в виду мадам Изабе — настоящая «маркиза», которая была выписана из Парижа специально для развлечения приезжавших в Надеждино гостей и приехала вместе с мужем — музыкантом-скрипачем, а также со своей прислугой. В русской переписке она часто зовется Изабейшею. По словам князя И. М. Долгорукого, часто гостившего у нашего князя в Надеждине и Павловском на Юлове, «она была женщина ловкая, приятная и очень не дура» (Долгорукий И. М. Указ. Соч. С. 206.).

[[Приложение 1].

Письмо Д. С. Копьева к князю А. Б. Куракину от 12 июня 1794 года¹.

Милостивый Государь!
Князь Александр Борисович!

Сей час я почтенное Вашего Сиятельства письмо, со изъявлением мне вашего удовольствия о усердии к вам сына моего, и благорасположенного соучаствования вашего в моем обрадовании, к которому я и подлинно имел не малую причину: комедия сия представлена в Петербурге в Таврическом дворце 10го числа прошедшего месяца², в присутствии Ея Императорскаго Величества, а 15го получил сын мой в Царском селе награждение, табакерку с бриллиантами; наипаче же всего обрадован я тем, что

Государыня изволили ему сказать: комедия ваша так меня развеселила, что я и до ныне об ней думаю. В последнем же письме пишет он ко мне, что по особливой благосклонности к нему Графа Платона Александровича³, имеет щастие видеть часто Государыню; и каждой раз изволит с ним говорить; да повелела ему написать еще что нибудь; и он написал петипис⁴, которую будут там две графини, Шувалова⁵ и Головина⁶, да и камерюнкеры Бибииков⁷ да Разтопчин⁸ и сам он тут же. Покорнейшее благодарение приношу, за благосклонное ваше приглашение меня к надеждинскому приятному и здоровому воздуху, а еще более желал бы я видеть тамошняго почтеннейшаго и безценнаго помещика; и ежели бы слабыя силы мои и здоровье позволят, то непременно сим воспользоваться. Жена моя⁹ покорнейше благодарит Вашему Сиятельству за напаятование; я же с непременимыми высокопочитанием и преданностию честь имею пребывать.

Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
всенижайший слуга
Данило Копьев
1794го Года
Июня 12го дня
Пенза.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 473. Л. 230 — 230об. Писарское, с подписью-автографом.

² Речь идет о наиболее знаменитой комедии Копьева «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмонка». Отец писателя ошибся на один день: она была поставлена в четверг 11 мая 1794 года: «После полудня, в 7-м часу, в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств <...> на тамошнем Таврическом дворца театре представлена русская комедия «Лебедянская ярморка», без балета, придворными актерами» (КФЖ. С. 356).

³ Зубова (1767–1822), в штате которого он официально состоял, и в котором нашел себе всемогущего покровителя.

Что касается присутствия во дворце и встреч с государыней, то его фамилия — «Гвардии офицер Копьев» упоминается в *КФЖ* лишь один раз, однако, скорее всего, анонимным «гвардии офицером», постоянно в числе прочих гостей присутствующим за трапезами с государыней, зачастую был именно Копьев.

⁴ Имеется в виду одноактная комедия Копьева «Что наше, тово нам и не нада», которая в том же году была напечатана в Петербурге (См. *СК, II. № 3133*). Очевидно именно она была поставлена в пятницу 29 сентября 1794 года: «На Эрмитажном театре в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств <...>, с приглашением в тот театр некоторых знатных особ <...> инкогнито представлена русская комедия и при ней небольшой балет» (*КФЖ, С. 712–713*). Есть сведения, что это случилось 10 октября 1794 года (*СРП, 2. С. 125–126*), однако *КФЖ* их не подтверждает (возможно, это неудачная попытка перевести дату в новый стиль, что тоже странновато).

⁵ Графиня Екатерина Петровна Шувалова (1743–1817), рожд. Салтыкова.

⁶ Графиня Головина Варвара Николаевна (1766–1821), рожд. Голицына, оставившая в своих мемуарах не лучшие строки о Копьеве.

⁷ Очевидно, Бибииков Александр Александрович (1765–1822), с 1 мая 1795 года камергер.

⁸ Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), позднее граф и камергер.

⁹ Женой Д. С. Копьева была Надежда Карловна Копьева, рожденная Ельчанинова. По словам того же князя И. М. Долгорукого, она была «достоинейшей барышней, хотя старинного покроя» (Долгорукий И. М. Указ. Соч. С. 55).

[Приложение 2].

Поскольку отец поэта Д. С. Копьев через нашего князя не раз передавал в Петербург деньги для сына, то рассказ об этом фигурирует в его переписке с братом князем Алексеем Борисовичем. В виду интересных подробностей, мы сочли возможным привести выдержку из его письма к нашему князю от 7 декабря 1786 года¹.

Сержанта Копиева я отыскал, денги 100 рублей чрез вас отцом его пересланныя ему отдал, и ответ его об оных присем присылаю. Разговаривали, и образом бытия сего молодого человека я весьма был доволен, он очень хорошо мыслит и рассуждает, имел кажется достаточное воспитание, и труды для сего употребления непотерены, он мне друг сердечной так полюбился, что просил к себе ходить обедать и всегда когда не придет очень буду рад. Судя по его разговорам кажется что хочется получить ему отпуск ежели в офицеры не останется. И не знаю для чего бы Данилу Самойловичу на сие не согласиться; а я для сего отпуска с охотою себя употреблю.

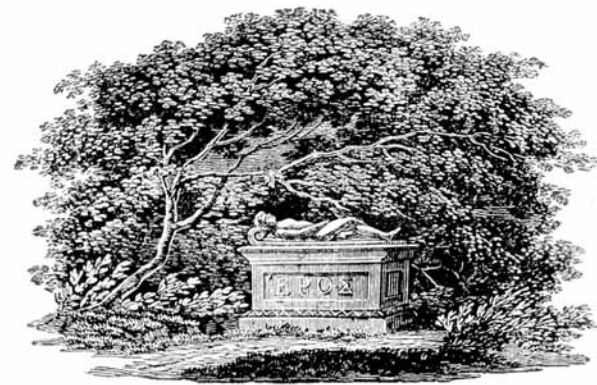
¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 381. Л. 191-191об, дата на л. 189. Писарское, с подписью-автографом.

Приложение IV

Андрей Фролович
Кропотов

Андрей Фролович Кропотов (1780—1817) был весьма плодовитым литератором начала XIX столетия — писал прозой и стихами, занимался журналистикой. Особенную часть его наследия составляют сатирические сочинения, которые при жизни автора не могли быть напечатаны и распространялись в списках. Несколько наиболее невинных из них — прошения разным министрам, датированные 1808 годом, позднее все же были напечатаны (Русская Старина. Спб, 1876. № 9. С. 181—185), другие известны по воспоминаниям современников, например остроумные стихи к командиру Кронштадтского порта П. И. Ханькову (См. Булгарин Ф. В. Воспоминания. Ч. VI. Спб, 1849. С. 130—133), но, по-видимому, большая часть этих творений до настоящего времени не сохранилась.

В томе куракинского архива, сформированном князем Борисом Алексеевичем Куракиным в 1850-х годах из разрозненных фамильных бумаг дяди и отца, а также графа Н. И. Панина, имеются два стихотворения А. Ф. Кроптова. Быть может они небезупречны по стихосложению, но чрезвычайно любопытны по содержанию. Относятся эти стихотворения, по-видимому, к ноябрю-декабрю 1802 года

(в период времени от учреждения министерств до отставки Н. С. Мордвинова) и посвящены, как нам кажется, учреждению министерств, да и вообще преобразованиям начала александровского царствования¹.

Теперь уж и не мудрено, почему автор сих вызывающих строк был уволен в 1804 году от службы «по худой аттестации» и умер в бедности, поскольку после одного только печатаемого здесь стихотворения можно было угодить и подальше.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 239. Л. 203—203об—204 («Бостон»), Л. 202—202 об («Пикет»). Автограф. Перед стихотворениями вплетен конверт, в котором они находились (Л. 201), на котором начертано название с ошибочной датой: «Стихи на Бостон в 1782-м году сочиненныя Кропотковым». Сбивчивая пунктуация подлинника приближена к современной.

Бостон¹

Игра бостон явилась нова
Ея Совет опробовал²,
В Москву сослали Беклешова³
За то, что ею презирал.
А Воронцов⁴ король бубновой
Довольный сей пременной новой,
Стал Черторыжскому⁵ под масть.
Товарищ сей не помогает —
Всегда на свои играет.
Топить, его охота, — страсть!

Гранд суверен в руках имея
Весь Кочубей⁶ объемлет свет.
Да разыграть то не умея
Легко поставить и лабет⁷.
Некстати козыря подложит
Ренонс⁸ он также сделать может
И станет масти провожать,

С ним правда Строгонов⁹ играть
Но козырей сей граф не знает
С чего не знает и ходить!

Румянцов¹⁰ носится с мизером
Введя везде двойной платеж
И хочет собственным примером
Менять заставить рубль на грош.
Давно по свету слух носился
Что женщин он всегда страшился
И для того относит дам.
Игру он худо разумея
И карты, лишь в руках имея
Играть велит секретарям.
Трощинский¹¹ сюрсы¹² подхватил
Когда б не женщины пострель!
Игрок великих был бы сил

Им овладели девки-бабы
И тащат все из рук;
Но кто же бабушке не внук¹³?
А ты валет веновой масти!
Вязмитинов¹⁴, какой судьбой
Забывши прежния напасти
Ты — как занялся игрой?
Ты человек, сударь не бойкой
Тебя всегда мы знали двойкой
Теперь — фигура — ты!!
Не дивитесь вы никто ни мало
Всегда то было и бывало
Что в гору лезут и кроты!

Кропотков

¹ Карточная игра Бостон происходит из Соединенных Штатов, откуда в Европу ее привез Б. Франклин. Она изображает Северо-Американскую войну и состоит из шестнадцати игр, первая из которых есть Бостон (на пять взяток) — город, в котором неприятельские движения англичан получили начало, а последняя именуется Конкордией (на тринадцать взяток), которая олицетворяет согласие после революции тринадцати Соединенных штатов. В Англии это игра игнорировалась.

Возможно, Кропотков полагал что это не американская, а английская игра, а потому и связал с ней преобразования в английском духе.

Бостон игра не из простых и очень подходит для отображения жизни русского двора той эпохи: «Игра сия сколько ни кажется запутанною, но можно ей научиться в четверть или по крайней мере в пол часа, — но это разумеется вообще об игре, ибо бесчисленные тонкости, которые она, особливо для противоиграющих игроков, имеет, изъяснить было бы невозможно». (Искусство играть в карты в коммерческие игры, или полный карточный игрок... Ч. I. М., 1830. С.13).

² Очевидно, речь идет о первом масштабном государственном преобразовании — учреждении министерств, именной высочайший указ о чем последовал 8 сентября 1802 года (*ПСЗ. Т. XXVII. С. 243–248*). Были учреждены восемь министерств: внутренних дел, юстиции, финансов, коммерции, народного просвещения, военно-сухопутных сил, военно-морских сил и иностранных дел.

Совет — имеется в виду Непременный совет, учрежденный 30 марта 1801 года Александром I «для рассуждения и уважения дел государственных, затем дел, особую важность в себе содержащих» (*ПСЗ. Т. XXVI. С. 598*); именно с помощью Непременного совета было подготовлено учреждение министерств.

³ Беклешов Александр Андреевич (1745–1808). Александр вызвал его из отставки и назначил 16 марта 1801 года генерал-прокурором правительствующего Сената. Поскольку Беклешов не разделял взглядов государя и его приближенных о необходимости реформы государственного управления, первым шагом которой было учреждение министерств, вышел в 1802 году в отставку и уехал в Москву. В 1804–1806 годах был московским генерал-губернатором.

⁴ Имеется в виду граф Александр Романович Воронцов (1741–1805). Александр I также вызвал его из отставки и назначил 27 апреля 1801 года присутствовать в Первом департаменте правительствующего Сената, а 29 апреля членом Непременного совета. 15 сентября 1801 года назначен государ-

ственным канцлером. Граф Воронцов активно участвовал в преобразовании правительствующего Сената и в работах по учреждению министерств. 8 сентября 1802 года назначен министром иностранных дел, при самом учреждении министерства.

⁵ Адам Адамович Чарторыйский (1770–1861), князь. Александр I вызвал его 20 июня 1801 года от должности посла при Сардинском дворе. Князь Чарторыйский входил в Негласный комитет, а 8 сентября при учреждении министерств назначен товарищем министра иностранных дел графа А. Р. Воронцова, которого сменил 16 января 1804 года. Чарторыйский в своих мемуарах называет Воронцова «самым опытным государственным человеком» (Мемуары князя Адама Чарторыйского. Т. I. М., 1912. С. 264).

⁶ Виктор Павлович Кочубей (1768–1834), граф (с 1799), князь (с 1831). Александр I вновь пригласил его на службу, с повелением от 23 июля 1801 года присутствовать в Первом департаменте правительствующего Сената и состоять при особе его императорского величества (что подчеркивало его тогдашнее исключительное положение). 30 сентября 1801 года назначен вновь членом Коллегии иностранных дел и вице-канцлером. С 11 декабря 1801 — член неперменного совета. 8 сентября 1802 года уволен от должности вице-канцлера и назначен министром внутренних дел при самом его учреждении (уволен 24 ноября 1807 года).

⁷ Лабет — картежный термин, означающий штраф, налагаемый за невзятые заявленные взятки.

⁸ Ренонс — картежный термин, означающий отказ, неимение на руках масти, с которой пошли; либо снос по ошибке другой масти.

⁹ Строганов Павел Александрович, граф (1774–1817), который после революционной Франции пленился английской свободой и, как писал Вигель, «молодой русский лорд долго потом еще бредил Англией» (Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 101). 24 июня 1801 года назначен членом Негласного комитета. 8 сентября 1802 года при учреждении министерств был назначен к графу В. П. Кочубею в министерство внутренних дел на должность товарища министра.

¹⁰ Граф Румянцев Николай Петрович (1754–1826). Александром I вызван из отставки и назначен 17 августа 1801 года членом Непременного совета, 27 августа — присутствовать в первом департаменте правительствующего Сената. 8 сентября 1802 года при учреждении министерств назначен министром коммерции. Граф умер холостяком.

¹¹ Трощинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829). Принят Александром вновь на службу, 15 января 1801 пожалован чином действительного тайного советника, 13 марта 1801 года назначен состоять при особе его императорского величества, главным директором почт и сенатором. С 30 марта 1801 года член Непременного совета. В 1801 году Трощинский являлся одним из самых близких к государю людей, он был автором манифеста о восшествии его на престол и других важнейших актов первых лет александровского царствования. 9 сентября 1802 года назначен министром уделов. Был холост, имел «воспитанницу» по имени Надежда.

¹² Сюры — картежный термин, означающий козырей.

¹³ Это намек на прежнюю его покровительницу — Екатерину II, бабушку государя, которая назначила его 2 сентября 1793 года состоять у собственных ее императорского величества дел.

¹⁴ Вязмитинов Сергей Козмич (1744–1819). 9 сентября 1801 года вызван Александром I из отставки и 9 ноября 1801 года вновь внесен в Воинский список. 1 января 1802 года назначен вице-президентом Военной коллегии, 15 января — сенатором и членом Непременного совета. 10 сентября 1802 года назначен первым министром военно-сухопутных сил.

Интересно мнение все того же Вигеля, по иному трактующее изображенные в стихотворении качества Вязмитинова: «Его доброта и честность были столь же известны, как ум его и деятельность: трудолюбием и долговременною беспорочною службой единственно попал он наконец в люди. К сожалению, находясь в нем в малых чинах и при лицах строгих и не весьма вежливых начальников оставило в нем какое-то раболепство, не согласное с достоинством, которое необходимо для человека, поставленного на высокую степень» (Указ. Соч. С. 107).

Пикет¹

Стихи твои Бостон прекрасны
Я их сейчас же прочитал.
В игре ошибки очень ясны
И ты порядок потерял!
Зачем не всех играть заставил?
И против общих правил
Тращинского ты честь вредишь?

Хвалить его — я не беруся,
Однако — смело побожуся,
Что ты неправду говоришь!
Приди к нему — он с лаской примет,
Проси — он даст а не отымет
Так как министр морских сил²

.....

.....

.....

.....

Когдаж верить автору обедни
И счесть все не за бредни
Я душу в Трощинском люблю

Явился ерш³ в петит мизере⁴
И долго очень он молчал,
Но вдруг в туманной темной сфере
Он восемь в сюрах прокричал.
И верно б в век не отыграл.
Но я писать пикет а не бостон обещал.
К тузам и королям держался
Ерш протчи карты относил
Себе того не вообразил
Что в наших просвещенных летах
Нужда бывает и в валетах,
Без них мажор и кварт не будет никогда,
Вот от чего и вся беда!
Что плохо ерш играет в карты,
Теряя все ращоты взятки
Теряет все терцы и кварталы...
Погрешность нову в нем нашел
За что он бедненьких девяток

За что пол-флота обошол⁵?
 Во флоте мичман вам неболе
 Сколько девятка в рокамболе⁶:
 Вот как он правильно играл!
 Возымет его провал!

Кропотов.

¹ «Ежели есть какое либо средство заняться приятностию картами вдвоем, то это конечно игра в Пикет, которая, так сказать, и создана для двух только особ» (Искусство играть в карты... С. 106).

² То есть Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), граф (с 1834). Письмом Александра I от 9 июля 1801 года он был вызван в Петербург, 10 августа принят вновь на службу и назначен вице-президентом Адмиралтейской коллегии. 15 сентября 1801 назначен членом Непременного совета. 8 сентября 1802 года при учреждении министерств назначен министром морских сил. Уволен от должности 28 декабря 1802 года, будучи вытеснен П. В. Чичаговым. Упоминаемый выше граф А. Р. Воронцов говорил про Мордвинова: «Морской департамент вверен теперь человеку, который в состоянии держать часть сию в порядке» (Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете. М., 1859. Ч. III. С. 100).

³ Ерш — очевидно, речь идет о морском министре Н. С. Мордвинове (см. выше).

⁴ Петит мизер является частью бостона, а не пикета.

⁵ Здесь, наверно, речь идет уже о самом Кропотове, поскольку он с 1788 года учился в Морском кадетском корпусе, был выпущен в 1796 году мичманом и служил в Кронштадте на кораблях Балтийского флота, но больше повышений не имел, поскольку в 1801 году по жалобе на высочайшее имя против него было возбуждено дело об отказе жениться, а позднее (видимо после написания этих виршей), к этому присоединилось еще дело о просрочке отпуска (до начала 1803) года, после чего он и был уволен в сентябре 1804 года.

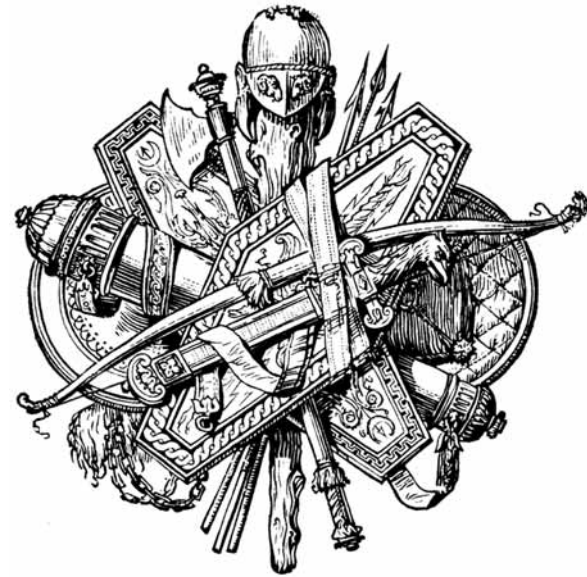
⁶ Карточная игра.

Приложение V

Павел Артемьевич
Левашов

Печатаемая здесь ода принадлежит перу Павла Артемьевича Левашова, письма которого напечатаны в настоящем издании. Ода эта была послана Левашовым князю Куракину при письме от 19 февраля 1797 года¹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 874. Л. 63об–64. Писарская копия. Письмо — там же, л. 62 — 62 об.

Ода

Дух радостию восхищенный.

Не Солнце ль Ново возсияло
 В полчных России странах
 Туманы и печаль прогнало
 С лазурью блещет в облаках
 Борей уже реветь не смеет
 Зефир там ароматный веет
 В полях, лесах и над водой
 Приятный всюды слух разлился
 Что Павел в Россах воцарился
 При нем се век настал златой.

Я в нем Героя зрю на троне
 Держаща скиптр своей рукой
 В порфире светлой и короне
 Дающа Северу покой
 В судах им правда утвердится
 Мздоимство всюды изтребится
 При нем всем равный будет суд
 И по достоинствам награда
 Невинностраждущим отрада
 Пред ним России <так!> враги падут.

Ликуйте ныне вы народы
 Мосоха храбры племена
 Не бойтесь злой уже невзгоды
 В блаженны Павла времена
 Покоем в мире наслаждайтесь
 Однак в полезном упражняйтесь
 Прострите руки и к торгам

Тогда увидите и сами
 Как золото потечет реками
 Со всех стран к нашим берегам

Поля покроются плодами
 И самые вершины гор
 В пестреющих лугах цветами
 Услышится свирелей хор
 Но естли внешний враг возникнет
 И против Россов брань воздвигнет
 Стремясь нарушить их покой
 Узрев же Павла пред полками
 Падет он пред ево ногами
 Стремглав сражен ево рукой.

Уже Москва градов царица
 Является красней зари
 Монархов древняя столица
 Готовит новы олтари
 О Павел к твоему приходу
 Толь радостна всему народу
 Там холмы, доли, дебри, лес
 И рек брега руками плещут
 Златые кровы храмов блещут
 Подобясь красоте небес.

Приложение VI

Петр Степанович
Молчанов

Петр Степанович Молчанов (1770—1831) был долгие годы управляющим в куракинском Надеждине. И хотя тщаниями князя Александра Борисовича 18 июля 1791 года он был зачислен фурьером в лейб-гвардии Преображенский полк, до вступления на престол Павла I он оставался при князе. После переезда князя ко двору, Молчанов был зачислен в Коллегию Иностранных дел и начал быстро продвигаться по службе. Этому причиной многие исследователи (*СРП*, 2. С. 297) ставят женитьбу на Е. И. Кушелевой — племяннице А. Д. Ланского, однако это родство в павловские времена могло скорее помешать возвышению, нежели его ускорить. Конечно же ему протежировал князь Александр Борисович, что являлось благодарностью за многолетнее при нем служение. При Александре I он дослужился до большой должности — стал тайным советником и статс-секретарем государя, который, уважая способности Молчанова, во время своего отъезда в 1812 году к армии вверил ему государственные дела.

В княжеском архиве хранится большое число писем Молчанова, но все они посвящены делам по службе, поэтому мы сочли возможным не печатать их. В настоящем разделе мы решили поместить стихотворение, сочиненное Петром Степановичем в 1792 году на освящение церкви в Надеждине.

Это сочинение сохраняется в княжеском архиве в двух экземплярах, оба писарские, с разночтениями в заглавиях. Они не имеют подписи, но могут быть атрибутированы по письму самого князя от 10 сентября 1792 года к брату князю Степану Борисовичу, при котором он ему посылал экземпляр стихотворения: «Считая что приятно будет тебе знать как проведен был здесь день моих именин, прилагаю при сем описание об оном моим Молчановым сочиненное»¹.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 372. Л. 108об.

Стихи
на Торжество, бывшее в день Ангела
Его Сиятельства
Князя
Александра Борисовича
Куракина
и
освящение
новаго, каменнаго, великолепнаго
Храма
в селе Надеждине
30 августа, 1792 года¹.

Без внутренняго зреть не можно утешенья
На те живейшия не лестны восхищенья,
Которых сей твой день Виновник и Творец

В толиком множестве собравшихся сердец;
И видя общия веселья, ликованья
Не лъзя не сделать, Князь дражайший, примечанья,
Ко славе вящшей и великости твоим
Колико ты почтен и сколь от всех любим,
Простолюдинами, высокими чинами
И благородными рабов твоих душами,
И кем лишь знаешь ты, любим равно от тех,
Которые среди покоя и утех
Тебя с преданностью не лестной окружают
И благодсти твоей души благословляют,
— Толико общая любовь к тебе дает
Великости твоей и Славе вящший свет.
Сия любовь к тебе в сем торжестве блистает;
И паче тем она тебя да утешает,
Что с громко славою и знатностью она
Бывает редко, князь! в душах сопряжена.
— Но чем, зрю, радости еще усугубленны,
И что раждает всех в груди восторг священный?
Воздвигнутой тобой великолепной храм,
В котором воскурен днесь первый фимиам.—
Сим знаком к вере столь усердия любви
Явил, что отрасль ты Владимировой крови²,
И что достойнейший потомок ты того
Родоначальника Почтенна твоего,
Котораго любовь подобная к Мессии
Спасительна была мглой крившейся России.
— Сей подвиг твой и все достоинства твои
От муз напишутся на вечны Хартии;
Напишутся времен в глубокую маститость
Те Добродетели и Слава и Великость,
Которы в кровь твою един монарх излил,
Которыя другой достойно возлюбил.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х.1018. Л. 75—76об. Писарское. Второй экземпляр, посланный князю Степану Борисовичу и после его смерти в 1805 году возвратившийся к князю, сохраняется там же: ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 372. Л. 98 — 99об.

Торжество, которому посвящено это стихотворение, было великолепным — более тысячи гостей (в том числе, думается, посчитаны куракинские крестьяне), спектакль, огромное количество накрытых столов.

Что касается церкви, то имеется в виду каменная церковь во имя св. Александра Невского, храмозданную грамоту на строительство которой дал 30 мая 1790 года епископ Тамбовский и Пензенский Феофил. Построена она была в 1791 — 1792 годах на месте старой деревянной церкви во имя св. Бориса и Глеба.

² Здесь имеется в виду происхождение князя — ведь родоначальник Гедминовичей, к которым принадлежит и княжеский род Куракиных, великий князь Литовский Гедимин, происходил от российского великого князя Владимира Святославовича, крестившего Русь.

Любопытно суждение князя Алексея Борисовича об этом послании, высказанное им в письме к брату от 4 ноября 1792 года: «Способность Молчанова, о которой судить я могу по сделанному им описанию, бывшему в день ангела вашего празднества, хорошее показывает начало и в нем надежду, оно бы еще лутче было, ежели бы лесть не была главною притчиною онаго, а сего во всякой вещи должно избегать, покорно вас друг благодарю за сообщение мне его». (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х.386. Л. 166об.)

Приложение VII

Николай Петрович
Николев

Здесь мы печатаем неизвестное стихотворение Н. П. Николева «Плач России..», отправленное поэтом в подарок к князю А. Б. Куракину при письме от 13 ноября 1796 года¹, которое опубликовано нами в соответствующем разделе настоящей книги.

Плачь России
по
Кончине
Матери Отечества
Екатерины II
и
утешение
при восшествии
на
всероссийский Престол
императора
Павла Перваго
подносит
Его верноподданный
Николай Николев
1796-го Года.

Плачь и утешение
России.

Какая ночь род смертных кроет!
Ужель померкл всеобщий свет?
Весь мир вздрагнул!... Россия воет
С кровавым вздохом вопиет:
Угасло солнце многих лет!...
Скончалась нежна мать народа,
Кем тридцать четыре года
Предел полночный был согрет,
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!

Щедрота Мира! Тыль сокрылась?
Пять царств оставила сирот!
Любовь сердец, краса доброт!
Ты ль смертной тению покрылась?
Тебя ль каснулась алчна смерть,
Чтоб Росс не мог слезы отерть
На долго время вспоминая
Дни своего с табою Рая?
Но се.... Россия вопиет
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!
Пакров вдовиц! Защита бедных!
Пред взором чьим злодей был мертв!
Гонительница ябед вредных!
Спасенья тьмы невинных жертв!
Ах!... О тебе ли наши стоны
Тебя ль народов милионы
Тебя ль лишились навек?
Кем будет щастлив человек?
Пред кем он в нужде смело вздохнет?
Под чьею дланию отдохнет
Уже нещетность вопиет:
Увы Екатерины нет!
Увы Екатерины нет!

Устав к блаженству смертных рода!
Наказ самой к нему любви!
Чей лучь ума для благ народа
Посеил доблести в крови!
О милосердия заветы!
Души великия предметы,
Был под законом естества?

Лице ли видим божества
 России давша вечну славу
 Подверженно Его уставу?
 Но дщерь твоя уж вопиет:
 Увы Екатерины нет!
 Увы Екатерины нет!

Сокровище людей сердечно!
 Магнит чувствительных сердец!
 Твоих ли дней мы зрим конец!
 Тебя ли не увидим вечно?...
 Но уж самкнулись те уста
 Из коих милости лилися
 Без действия десница та
 Которой мне венцы плелися
 Цари!... смолк добрый вам совет
 Вам друг в стране уже Эфира
 И слышу вздох всего я мира
 Увы Екатерины нет!
 Увы Екатерины нет!

Но кое радостно явленья
 Небесный пронизает зрак
 Какой судьбы определенья
 Светилом новым гонит мрак?
 Отверзлось небо!... зрю сиянья
 Росс! Росс! умерь твои стенанья
 Твой рок не с смертным быть одром!
 Воззри в селения небесны
 Увидь явления чудесны
 Екатерина уж с Петром!

Покрыты светлыми лучами
 Они явлены перед нами
 Для нас отверзлись Небеса!
 Услышь Россия словеса
 Отца и Матери нежнейших
 В утеху поданных<!> вернейших!

Рекут.... и двух есть глас един
 «Россия не отчавайся
 «Таске о нас не предавайся
 «Мы с Богом среди благих судьбин;
 «С тобой Екатеринин сын,
 «Петрова кровь навек с табою,
 «Блаженствуй под такой судьбою
 «Под скиптром Павла процветай!
 «Его десницей укрепися,
 «Его щитами оградися,
 «Ему сердца свои отдай!
 «Он доража к тебе любовью
 «Воздаражит твоею кровью
 «Даст пользу правды разуметь;
 «Петрову в нем узришь ... заботу
 «Екатеринину щедроту
 «С ним будешь благи все иметь.

Рекли.... и в небесах сокрылись....
 Сердца на Павла устремились
 Зрят всю Его к себе любовь
 И ждут блаженств сугубых вновь
 Народы!... долг отдав стенаньям
 По нежной матери своей
 Готовьтесь добрым чувствованьем

Свет новых воспрять лучей
Всей правдой Павлу послужите
Законом Царства дорожите!
А та каму вручили Трон
Будь новой в мире Саламон.

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 146. л. 55–58. Текст стихотворения писарский, подпись (на заглавном листе) — автограф.

Князь А.Б. Куракин
— переводчик Фонвизина

Здесь мы обратимся к новым, и, как следует из заглавия, совершенно неизвестным ранее обстоятельствам, которые интересны для биографии нашего князя, но прежде всего, конечно, для биографии Дениса Ивановича Фонвизина.

Произведение, о котором пойдет речь, — «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина». Это сочинение Фонвизина, чье литературное наследие вообще изучено не слишком детально, является одним из наиболее запутанных в текстологическом отношении творений писателя.

Сперва постараемся очертить круг известных об этом сочинении сведений.

В 1784 году из печати вышла книга «*Precis historique de la vie du comte Nikita Iwanowitsch de Panin*» с выходными данными «*A Londres 1784*» (28 р., 8°)¹, а два года спустя — в четвертой книжке издаваемого Ф. О. Туманским и П. И. Богдановичем еженедельного петербургского журнала «Зеркало света» от 28 февраля 1786 года был

напечатан русский текст, озаглавленный «Сокращенное описание жизни Графа Никиты Ивановича Панина» (в разделе «Разные статьи» на с. 73–89). В том же году последовало и отдельное издание², повторенное затем в 1787³ и 1792⁴ годах. А после смерти сатирика это произведение было включено П. П. Бекетовым в четвертую часть его полного собрания сочинений, которая была издана в Москве в 1830 году⁵.

Не было бы ничего странного, если бы на проверку все предыдущие русские издания, совпадающие между собой по тексту, не имели значительных отличий с текстом 1830 года. Это обстоятельство породило массу версий и предположений, часть которых со временем переросла в утверждения, а другая часть, причем более здравых, была отнесена к разряду небывлиц.

По поводу французского издания текста среди многочисленных библиографов и исследователей сомнений не имеет: оно единогласно считается несомненным произведением Д. И. Фонвизина. Но вот русские издания, а точнее говоря вопиющее их различие, породили множество мнений:

Во объяснение этой несообразности в 1848 году П. А. Вяземский писал: «Нам сказывали за верное, что автор написал эту «Жизнь» первоначально на французском языке. Читая ее в рукописи одному из своих приятелей, заметившему неверность в какой-то подробности, он сказал ему, что тут неверность умышленная, дабы приписали это сочинение иностранцу. Достоверно то, что сей биографический отрывок в первый раз показался в печати на французском языке; переведенный с него, он напечатан в 1787 году Иваном Ивановичем Дмитриевым, не знавшим, что он переводчик Фон-Визина; а авто-перевод, напечатанный ныне, отыскан уже после в бумагах покойного Фон-Визина»⁶.

М. Н. Лонгинов — видный библиограф и комментатор дмитриевского «Взгляда на мою жизнь» — включил жизнеописание графа Панина в составленный им список сочинений И. И. Дмитриева⁷.

Авторитетный же наш редактор и библиограф П. А. Ефремов, издавая в 1866 году сочинения Фонвизина, писал по этому поводу, что «...русский текст принадлежал самому Фонвизину и что пущенное

в нашу литературу известие, будто И. И. Дмитриев, не зная о существовании русского подлинника, перевел Жизнь гр. Панина с французского издания, принадлежит к числу басен»⁸.

Академик Н. С. Тихонравов, сделавший для изучения и розыска сочинений Фонвизина едва ли не более всех остальных, скончался, не успев издать задуманного полного собрания его сочинений. Относительно интересующего нас произведения он писал: «В издании сочинений Фонвизина (ред. г. Ефремовым) напечатан сокращенный перевод этой брошюры, сделанный И. И. Дмитриевым, а неполный русский текст Фонвизина, изданный Бекетовым, устранен. Это сочинение может быть отнесено и ко второму отделу моего сборника <Неизданные произведения или не вошедшие в прежние издания — П. Д.>, потому что во французском тексте не вошло ни в одно издание сочинений Фонвизина»⁹.

Объяснить сложившуюся несообразность пытались многие. Например, Г. П. Макогоненко посвятил этому несколько страниц: «Написав «Жизнь Н. И. Панина», Фонвизин должен был искать возможности ее опубликования (конечно, анонимно). Это удалось сделать, но несколько неожиданным образом. Новое сочинение появилось в Петербурге в 1784 году в переводе на французский язык. Обстоятельства публикации французского текста нам неизвестны. Во всяком случае, видимо уже тогда писатель испытал трудности и оказался вынужденным произвести некоторые сокращения <...> *В 1830 году П. П. Бекетов, издавая собрание сочинений Фонвизина, напечатал «Жизнь графа Н. И. Панина» по оригиналу, восстановив пропуски, бывшие в публикациях XVIII века. В феврале 1786 года русский текст этого сочинения был опубликован в журнале Ф. О. Туманского «Зеркало света». Впоследствии вышло еще несколько отдельных изданий «Жизни Н. И. Панина». Объяснить это можно, пожалуй, тем, что Фонвизину удалось сохранить полную анонимность»¹⁰.

Двумя годами раньше тот же исследователь, сравнивая опубликованную Бекетовым рукопись с печатными изданиями, писал: «Рукопись значительно полнее печатного текста. Отличается она

и стилистически. Публикации Туманского и в последующем Богдановича проходили при жизни Фонвизина и явно при его согласии. Значит, этот текст исходил от него. Может быть, дошедший до Бекетова автограф есть первоначальный вариант, который Фонвизин затем переработал для печати. Во всяком случае, в нашем распоряжении имеются два отличающиеся друг от друга текста, контаминировать которые нельзя. В нашем собрании воспроизводится текст, известный читателям XVIII века по последнему прижизненному изданию 1792 года»¹¹. П. А. Ефремов, напротив, не обратил внимания на явные различия двух русских публикаций: «Текст этот <в Зеркале Света — П. Д.> отличается от сохранившейся части рукописи Фон-Визина сокращением некоторых подробностей, которые Фон-Визин, вероятно, счел тогда несвоевременным для печати и исключил при переводе рукописи на французский язык и при печатании русского текста»¹².

Отнюдь не прояснило ситуацию и опубликованное в 1966 году письмо П. И. Богдановича к князю Алексею Борисовичу Куракину, брату нашего князя, от 1 июня 1797 года: «...Граф Никита Иванович, дядя ваш, был муж великий душою и саном. Денис Фон-Визин, хранивший по смерти свою ко мне дружбу и оставивший для издания мне все свои творения и переводы, изобразил в кратких чертах житие его. Я печатал оное неоднократно на отечественном языке...»¹³.

В последнем труде, посвященном биографии писателя, который был написан А. Стричком и переведен на русский язык, автор также не нашел ответа: «Таинственность эта объясняется тем, что публикация жизнеописания была очень смелым шагом. Ведь это настоящий политико-философский манифест. Можно только удивляться, почему биографы придают ему так мало значения. Фонвизин хотел прежде всего отомстить Екатерине и ее приспешникам за нанесение Никите Панину обиды <...> Наконец, анализ русского оригинала показывает, что у Фонвизина есть и другие идеи: жизнеописание заканчивается словом «Павел», как будто для того, чтобы показать, что труд одобрен и подписан самим великим князем. <...> В заключение работы автор цитирует письмо Павла к митрополиту Платону, в котором наследник говорит о своей скорби по поводу смерти выдающегося государствен-

ного деятеля. <...> И наконец отметим, что галлофоб Фонвизин стал франкоязычным автором. Свободное владение французским свидетельствует о глубокой языковой культуре нашего автора, его произведение (ставшее ныне библиографической редкостью) не портит собранную Национальной Библиотекой Франции коллекцию жизнеописаний. Словарь Фонвизина богат, и наш автор абсолютно точно знает значение каждого слова. Если мы и замечаем иногда некоторую тяжеловесность, это не уменьшает нашего восхищения — ведь французский был для нашего москвича всего лишь «вторым иностранным». Еще одно доказательство, что в России отнюдь не легкомысленно относятся к языку Корнеля, Расина и Мольера»¹⁴.

В первую очередь попытаемся поколебать единственную в этой истории твердь, остававшуюся более двухсот лет незыблемой, — несомненное авторство французского текста жизнеописания. Как будет показано ниже, это отнюдь не аксиома.

В 1896 году в примечаниях к шестому тому Архива князя Ф. А. Куракина (АКК, VI. С. 471) появились строки, ни разу, кажется, не цитировавшиеся в обширной литературе вопроса. Они суть: «*Precis historique de la vie du comte Nikita Ivanovitch de Panine. A Londres, 1784. 16°, 28p.* Что брошюра эта, на коей фамилии автора не обозначено, принадлежит перу кн. Александра Бор., видно из черновой рукописи, хранящейся в Надеждинском архиве кн. Ф. А. Куракина». Это примечание В. Н. Смольянинова, конечно же, курьезно, но все-таки крайне важно, поскольку рождает у любого читателя неизбежный вопрос: «Кто же, в конце концов, написал эту многострадальную книгу?» Этот вопрос мы не могли разрешить до того, пока не нашли упоминаемые далее материалы.

В 1018 томе рукописей куракинского архива, озаглавленном «*Varia*», в который в конце XIX столетия были переплетены разрозненные материалы нашего князя Куракина, хранятся и французский печатный текст, и рукопись.

Печатный экземпляр (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 1018. Л. 94–103) в превосходной сохранности, заключен в обертку из мрамор-

ной бумаги европейского производства (по типу немецкого или голландского). Отпечатан на лучшей, по сравнению с другими виденными нами экземплярами, бумаге. На титульном листе в нижней части надпись чернилами рукою князя А. Б. Куракина: «Получил в Судогде, близ Володимера, 29го июня, 1784». Таким образом книга, очевидно, была напечатана в конце весны 1784 года, и князь получил ее в уездном городе Судогде Владимирского наместничества по дороге из Петербурга в свои саратовские вотчины.

Рукопись (ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е. х. 1018. Л. 108–117) — беловая, в лист, рукою князя Александра Борисовича. Заглавие на первом листе: «Note historique de la Vie du Comte Nikita Iwanowitsch de Ranin». Рукопись прекрасной сохранности, имеет следы перегибов (вероятно она подвергалась пересылке), но явно не наборная, поскольку не запачкана руками наборщиков. Очевидно, она была возвращена князю одновременно с присылкою опубликованного перевода. При сличении печатного и рукописного текстов нами найдены мелкие разночтения, но их крайне мало, в основном они касаются акцентов текста — слов с прописными буквами в начале или знаков препинания.

Внизу заглавного листа рукописи карандашная надпись по-французски рукою князя Александра Борисовича, которая дает ответ на все накопившиеся у нас вопросы: «Traduction que j'ai faite, en 1784», то есть «Перевод, который я сделал в 1784».

Таким образом, князь Александр Борисович явился переводчиком Фонвизина. С чего бы писателю привлекать переводчика? На этот вопрос ответить затруднительно, отметим лишь, что князь Александр Борисович знал французский не только свободно, а просто блестяще; в этом он превосходил и своего брата князя Алексея Борисовича, да и всех представителей колонии русских аристократов, обучавшихся в середине 1770-х годов в Лейденском университете — князя Н. Б. Юсупова, графов Н. П. Румянцова, Н. П. Шереметева и других. Немецким языком он также владел в совершенстве.

Думается, что перевести сочинение Фонвизина было желанием самого князя Александра Борисовича, исключительно из чувств благодарной памяти своему «второму отцу», а Денис Иванович трудам князя

не препятствовал, потому как никакого вреда от этого и быть не могло. Напротив, этот в прямом смысле совместный труд князя Куракина и Фонвизина есть самое верное доказательство их близости, основанной на почти родительском отношении к ним со стороны покойного графа Никиты Ивановича Панина.

Также ввиду существования такого вопроса, скажем немного о месте печатания французского издания: П. А. Ефремов утверждал что будто бы оно отпечатано в Петербурге¹⁵; не усомнился в этом и Г. П. Макогоненко¹⁶; но в 1966 году это было опровергнуто в Сводном каталоге, поскольку шрифты и виньеты, использованные в книге, не характерны для русских типографий этого времени¹⁷. Исследователь Стричек по этому поводу делает заявление, представляющееся нам странноватым: «Лондон — читаем мы на одних экземплярах, Париж — на других...»¹⁸. — Нам не известно ни одного экземпляра ни в одной крупной библиотеке России и Европы, где бы в выходных данных был указан Париж.

Однако с П. А. Ефремовым, кажется, нельзя не согласиться в том, что место издания вымышленное. Думается, если князь только в 1784 году закончил перевод, то такая скорость печатания, а более всего перевозки, да еще и морем, по меньшей мере, сомнительна. Вместе с тем эта книга явно напечатана не во Франции, в пользу чего говорит хотя бы то, что на титульном листе в слове *Précis* отсутствует аксент над буквой *e*, а фамилия графа начертана без такой же буквы в конце. Это, конечно же, не Россия, потому как если бы легко можно было напечатать ее здесь на французском языке, то наверное она бы вышла тогда же на русском.

Возможно родиной этого издания стоит считать Германию или Север Европы — скорее всего, столицу Дании Копенгаген. Кроме того, что князь с конца 1766 года жил в Копенгагене и неплохо был знаком с этой страной, во время издания книги российским чрезвычайным посланником и полномочным министром там был барон Карл Иванович Остен-Сакен — многолетний друг и корреспондент князя Александра Борисовича, а также бывший воспитатель при Павле Петровиче.

Обстоятельство куракинского перевода дает нам повод обратиться к русскому тексту, поскольку, если французский текст принадле-

жит не Фонвизину, а князю Куракину, то должно же было остаться что-то от автора? Для этого стоит посмотреть варианты русского текста.

К любопытным результатам привела нас неожиданно простая сверка текста первой публикации в Зеркале Света (которая во всех изданиях XVIII века была повторена слово в слово) и тома бекетовского собрания.

В 1830 году текст публиковался по автографу Фонвизина, однако первого листа в этой рукописи не хватало, а потому издатели решили восстановить недостающий текст (он заканчивается перед словами: «а в 1767 году благоволила почтить его графским достоинством») по печатному изданию. Это обстоятельство было отмечено издателями в сноске: «В сем сочинении, писанном рукою самого Автора, недостает одного листа, заключающего в себе начало. Издатели, для сохранения оному полноты, решились недостаток сей пополнить извлечением из книги: Жизнь Графа Никиты Ивановича Панина, (Спб, 1787, у Гека)».¹⁹

Потому читатель, который хотел бы сравнить два варианта, наткнулся везде на одно и то же начало, а, даже зная об уведомлении издателей, многие успокаивались, видя одни и те же первые строки жизнеописания.

Если сравнить два русских текста, даже не думая об авторе французского варианта, можно выяснить больше того, что цитировалось выше. И отличие языка — а в бекетовском издании он более простой, живой и легкий, лишенный типичных казенных «художественных» штампов — не самое основное обстоятельство, хотя и важное. Сразу видно, что это переработка текста, причем в нашем случае вполне очевидно, что все печатные переиздания — перевод с французского.

Удивительно, что многие исследователи, которые, надо полагать, владели этим языком явно лучше автора этих строк, не усмотрели главного: такое же в точности деление на абзацы, даже допущенная во французском издании ошибка, когда датой учреждения ордена св. Владимира означен 1783 год, кочует из одного русского издания в другое, тогда как в бекетовском издании подлинной фонвизинской рукописи, естественно, стоит правильный 1782.

Конечно, были и цензурные изъятия в русском тексте, но они не суть главное, и мы их коснемся после. Сперва для наглядности мы воспроизведем три варианта текста — А. французский (по единственному изданию), Б. прижизненный русский (по первому изданию в Зеркале света) и В. русский бекетовский (по первому его изданию в четвертой части собрания):

А: «C'est avec la plus grande application, & pour ainsi dire avec une application égale aux soins pour la conservation de Son Altesse Impériale, que le Gouverneur doit veiller, & ne pas permettre qu'il se fasse & se dise rien qui puisse même soiblement altérer & pervertir les dispositions de son coeur aux vertus innées de l'homme» (Р.17).

Б: «Наставник с величайшим рачением и так сказать равным тому, каковое будет прилагать о сохранении Его Императорского Высочества, должен наблюдать, дабы ничего такого пред Ним неделали и неговорили, что могло бы хотя малейшим образом повредить и ослабить сердца Его разположение к добродетелям» (С. 82).

В: «Воспитатель должен с крайним прилежанием, и так сказать, равно с попечением о сохранении здоровья Его Императорского Высочества, предостерегать и не допускать ни делом, ни словами ничего такого, что хотя мало бы могло развратить те душевные способности к добродетелям, с которыми человек на свет происходит...» (С. 11).

Или:

А: «Le caractère du Comte de Panin indigne du respect & de l'amour les plus sincères...» (Р. 21).

Б: «Нрав Графа Панина достоин был искренняго почтения и непритворных любви;». (С. 85).

В: «Характер покойнаго Графа Никиты Ивановича достоин был искреннейшаго почтения и любви» (С. 15).

Иногда переводчик подпускал в русский текст официоза, как, например, в случае с уже упоминавшимся награждением орденом:

А: «& retut l'ordre de St. Wolodimir, lors de sa fondation en 1783» (Р.10).

Б: «а в 1783 году удостоен Ордена Святого Равноапостольного князя Владимира первой степени в самый день учреждения онаго» (С. 78).

В: «В 1782 году получил орден Святого Владимира при самом его установлении» (С. 6).

Таким образом можно прийти к выводу, что основной авторский текст — бекетовский, с него князем Куракиным был сделан перевод на французский, а с этого перевода был уже выполнен И. И. Дмитриевым (нет причин не доверять рассказу князя Вяземского) обратный перевод, который и публиковался многократно. Так мы и будем с настоящего момента именовать три этих текста: авторский, куракинский и дмитриевский.

Дополнительным доказательством того, что перевод был сделан Дмитриевым служит и то, что активное участие его в 1786 году в журнале «Зеркало света» является общеизвестным фактом (СРП, 1. С. 270).

Иван Иванович Дмитриев (1760–1837) — известный русский поэт, не был далек от семьи князей Куракиных. Он входил в столичный литературно-музыкальный кружок, образовавшийся вокруг княгини Наталии Ивановны Куракиной (1766–1831) — жены князя Алексея Борисовича, которая прекрасно пела, да и вообще была весьма даровитой особой. У нее в гостях, кроме И. И. Дмитриева, посвятившего ей ряд своих стихотворений, часто бывал С. Н. Марин, писавший для нее тексты романсов, князь П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин и другие. Прекрасным отголоском этого кружка является хранящийся среди куракинских бумаг Альбом княгини Наталии Ивановны²⁰, в который И. И. Дмитриев вписал несколько своих стихотворений.

Приведем четверостишие Дмитриева из этого альбома, адресованное княгине Наталии Ивановне²¹:

Что пред соперницей Эраты наше пенье?
Она лишь голосом находит путь к сердцам!

Я лиру положу Куракиной к ногам,
И буду сам внимать в безмолвном восхищенье.

Также известно, что И. И. Дмитриев, будучи по сенатской службе в подчинении у князя Алексея Борисовича, состоял в переписке с ним²².

Но вернемся к жизнеописанию.

Стоит сказать, что, конечно, эти тексты не полностью повторяют друг друга — ведь тогда бы это было заметно сразу и нам было бы нечего объяснять. Есть некоторые интересные особенности, на которые мы хотели бы обратить особенное внимание.

Сперва скажем об уже упоминавшихся цензурных изъятиях: в авторском тексте, например, есть абзац:

«Всем оным происшествиям представления его по большей части были первым основанием, а труды его производили оные в действительное исполнение. Все рескрипты и Военачальникам и Министрам, все сообщения и отзывы к дворам чужестранным, примышляемы были им самим. История его негоциаций, сокровенная ныне по государственным причинам, будет в последующия времена служить руководством в делах политических, и представить свету великость души его и дарований» (С. 8), который присутствует в куракинском тексте (Р. 12–13), но изъят в дмитриевском. Также есть в тексте еще несколько подобных случаев, которые в свое время отметил и Г. П. Макогоненко²³.

Кроме изъятий, дмитриевский перевод имеет откровенные сглаживания:

Князь Куракин: «Citoyens, йtrangeres, tous йтоient plongйs dans une consternation profonde. La mort du Comte de Panin a privй la Russie d'un citoyen utile & vertueux. L'umanitй entiure a perdu un homme de bien.» <Курсив в оригинале — П. Д.>» (С. 28).

Фонвизин: «Всеобщее сожаление сограждан и чужестранных ясно доказало, что кончина Графа Никиты Ивановича Панина есть потеря не токмо для России, но и для самага человечества» (С. 19).

Дмитриев: «Граждане, иностранцы, все были погружены в глубокую печаль. Смерть Графа Панина лишила Россию полезного и добродетельного гражданина» (С. 89).

Или же упоминание о Пугачеве:

Князь Куракин: «itouffiy le grande rйvolyte, excitйe par le rebelle Pugatschew...» (Р. 4–5).

Дмитриев: «... Прекратил великой мятеж» (С. 74). (Вариант *Фонвизина*, вместе с первым листом рукописи, утрачен).

Дмитриев все-таки отнесся к переводу с усердием; этот вывод мы можем сделать из того, что текст документов он не переводил с французского, а цитировал оригинальный текст. Это было возможно, поскольку списки с императорских рескриптов, тем более такого знаменитого, как об увольнении в отставку графа Панина, часто ходили в то время по рукам. Кроме того, Дмитриев изменил конец текста: в заключении он дополнительно цитирует строки из скорбного письма Павла Петровича к митрополиту Платону. Кто проявил инициативу, чтобы поместить это прибавление, остается неясным, но точно не Фонвизин.

После этого текст пострадал еще один раз, причем по вине П. А. Ефремова. Готовя собрание сочинений сатирика, он к фонвизинскому тексту присоединил окончание дмитриевского, сделав следующее пояснение: «Здесь оканчивается рукопись. Заключение взято из «Зеркала света»²⁴. А поскольку большинство переизданий (до 1959 года) этого текста печаталось в ефремовской редакции, то оно оказалось наиболее распространено в этом компилятивном варианте.

Остается вопрос, а знал ли Фонвизин о переводе Дмитриева и о русских изданиях? Конечно же, знал, поскольку отдельные русские издания «Жизни графа Панина» продавались в магазине его друга Клостермана на Невском в доме графа Д. А. Зубова²⁵. Но, думается, узнал Фонвизин это только после выхода в феврале 1786 года первой журнальной публикации перевода. Понятно, что такая несообразность вышла из-за того, что сам Фонвизин в июле 1784 года выехал в путешествие по Италии (т. н. Третье заграничное путешествие), а по возвращении в Москву 28 августа 1785 года был разбит параличом. То есть Фонвизину было явно не до сочинительства.

Современники же, кажется, не знали истинного автора «Жизнеописания», и он достаточно долго оставался неизвестен. Даже Н. Н. Бантыш-Каменский — ближайший друг нашего князя, в своих библиографических материалах, в которых он часто при описании

анонимного сочинения надписывал на копии титульного листа имени автора или переводчика, при описании издания 1787 года указал лишь число страниц²⁶.

А письмо издателя П. И. Богдановича, цитированное выше, написано уже в 1797 году, спустя пять лет после смерти автора, когда Богданович, издавший несколько раз перевод Дмитриева, получил в свое распоряжение фонвизинские рукописи и смог определить истинного автора издававшейся им книги.

Что касается знакомства Фонвизина и Дмитриева, то познакомились они только 30 ноября 1792 года, накануне смерти сатирика. Об этом Дмитриев пишет в своих воспоминаниях: «Через Державина я сошелся и с Денисом Ивановичем Фон-Визиным. По возвращении из белорусского своего поместья, он просил Гаврила Романовича познакомиться со мною. Назначен был день нашего свидания. В шесть часов по полудни приехал Фон-Визин. Увидя его в первый раз, я вздрогнул и почувствовал всю бедность и тщету человеческую. <...> Уже он не мог владеть одною рукою, равно и одна нога одеревенела. Обе поражены параличом. <...> Мы расстались с ним в одиннадцать часов вечера, а на утро он уже был во гробе»²⁷.

Теперь мы можем подвести итоги:

«Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» была написана Д. И. Фонвизиным в конце 1783 года, после чего автор передал ее князю А. Б. Куракину, который выполнил перевод на французский язык и издал книгу анонимно. В июне месяце 1784 года первые отпечатанные экземпляры издания достигли России. В 1785 году поэт И. И. Дмитриев, не подозревая об авторстве этого панегирика и не зная о существовании русского оригинала, перевел текст с французского на русский. Перевод Дмитриева был напечатан в феврале 1786 года. Авторская рукопись Фонвизина, с утратой начала, была опубликована только в 1830 году П. П. Бекетовым.

Таким образом, непосредственно Д. И. Фонвизину принадлежит лишь один из трех текстов — напечатанный в 1830 году по оригинальной рукописи, он и является единственным подлинным текстом произведения писателя.

¹ П. А. Ефремов, единственный из всех исследователей, сообщает, что имелось титульное издание этой книги (т. е. титульный лист был заменен новым, а листы не перепечатывались) со следующими выходными данными: «A Paris. Chez Largilliere, rue de la Pelleterie MDCCLXXXVIII» (Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 679). Этого издания с титульным листом 1788 года мы не видели, а в крупнейших библиотеках Европы его не имеется. Возможно, это сообщение не является правдой. Также стоит сказать, что такого издателя в Париже никогда не существовало.

² Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Второе издание. СПб., печ. у Вильковскаго и Галченкова, 1786. Описание см.: *СК, III, №7847*.

³ Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. На ижд. П. Б[огдановича]. СПб., печ. у Гека, 1787. Описание см.: *СК, III, №7848*.

⁴ Жизнь графа Никиты Ивановича Панина. Новое издание. СПб., печ. и прод. по Невской перспективе у Аничк. мосту в доме графа Д. А. Зубова. [Тип. П. Богдановича]. 1792. Описание см.: *СК, III, №7849*.

⁵ Полное собрание сочинений Д. И. Фон-Визина. Ч. IV. М., изд. И. Г. Салаева, 1830. С. 1–19.

⁶ Вяземский П. А. Фон-Визин. / Собрание Сочинений. Т. V. СПб, 1880. С. 172–173; с ошибками цит. в кн.: *СК, III, С. 311*.

⁷ Лонгинов М. Н. Материалы для полного собрания сочинений Ивана Ивановича Дмитриева // Русский архив. Год первый (1863), издание второе. М. 1866. С. 898.

⁸ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 680; цит также в кн.: *СК, III, С. 311*.

⁹ Письмо Н. С. Тихонравова о плане сборника «Материалы для полного собрания сочинений и переводов Д. И. Фонвизина» во Второе отделение императорской академии наук. // Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М-Л, 1961. С. 436.

¹⁰ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М-Л, 1961. С. 308–309, курсивом нами дана сноска внизу с. 309.

¹¹ Макогоненко Г. П. История изданий сочинений Д. И. Фонвизина и судьба его литературного наследства. // Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. М-Л, 1959. С. 648–649.

¹² Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 680.

¹³ *СК, III, С. 311*. Оригинал: РГАДА. Гос. Архив, разряд VII. Д. 2894. Л. 59.

¹⁴ Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. Пер. с французского. М. 1994. С. 407, 409, 410.

¹⁵ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 679.

¹⁶ Макогоненко Г. П. Денис Фонвизин. Творческий путь. М-Л, 1961. С. 309.

¹⁷ *СК, III, С. 311*.

¹⁸ Стричек А. Указ. Соч. С. 407. Думается, что здесь он основывается на словах П. А. Ефремова.

¹⁹ Полное собрание сочинений Д. И. Фон-Визина. Ч. IV. М, 1830. С. 1.

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 673.

²¹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. Ст. Е.х. 673. Л. 8. Автограф. Под стихотворением подпись: «Дмитриев».

²² Собственноручное письмо от 15 декабря 1808 года из Костромы, по делам в Сенате, было опубликовано в 1895 году: Русская старина. СПб, 1895. № 8. С. 167. Хотя адресат письма определен как князь А. Б. Куракин, уточнить его не составило труда.

²³ Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. Т. 2. М-Л, 1959. С. 687–688.

²⁴ Фонвизин Д. И. Сочинения, письма и избранные переводы. Под ред. П. А. Ефремова. СПб, 1866. С. 226.

²⁵ См. книгопродавческую роспись Клоостермана в приложении к книге: Лаво Ж. Сельские ночи. СПб, 1786. (СК, II. № 3404).

²⁶ РГАДА. Ф. 182. Оп 1. Е.х. 797–7. Л. 26.

²⁷ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М. 1866. С. 58–60.

Юлиана, королева датская 15	Юсупова Е. Б., княжна 200
Юсти И. Г. Г. 95, 101	Ян III Собеский, король польский
Юсупов Н. Б., князь 17, 29, 30, 32, 232, 326, 458	95, 101

Оглавление

Предисловие	5
Князь А. Б. Куракин. Опыт биографии	7
Судьба архива князя А. Б. Куракина	77

Письма

Богаевский И. И.	93
Богданович И. Ф.	105
Голенищев-Кутузов П. И.	135
Державин Г. Р.	139
Домашнев С. Г.	173
Лебедев Г. С.	185
Левашов П. А.	195
Львов Н. А.	229
Мухин Е. О.	234
Нартов А. А.	241
Николев Н. П.	277
Самойлович Д. С.	289
Сандунов Н. Н.	295
Тибекин В. И.	303
Федоров Б. М.	315
Фонвизин Д. И.	321
Фонвизин П. И.	331
Хвостов Д. И., граф	349
Херасков М. М.	367
Храповицкий А. В.	373
Щербатов М. М., князь	379
Энгельгардт Е. А.	387

Приложения

I. Богданович И. Ф.	395
II. Козловский П. Б., князь	401
III. Копьев А. Д.	411
IV. Кропотков А. Ф.	421
V. Левашов П. А.	431
VI. Молчанов П. С.	437
VII. Николев Н. П.	443
Князь А. Б. Куракин — переводчик Фонвизина	451
Роспись переписки князя А. Б. Куракина	469
Список сокращений	489
Указатель имен	490

Научное издание

Дружинин Петр Александрович
 Неизвестные письма русских писателей
 князю
 Александру Борисовичу Куракину
 (1752–1818)

Заставки и концовки почерпнуты из книги:
 Specimen des divers caracteres, vignettes et ornemens typographiques de
 la fonderie de Laurent et de Berny, rue des Marais Saint-Germain,
 № 17. P. I-II. Paris, Imp. par H. Balzac, 1828.

Москва, издательство «Трутень», 2002.
 e-mail: truten@rarebook.ru

Формат 60 × 90 1/16. Печать офсетная. 32 печ. л.
 Тираж 500 экземпляров.
 Корректор Ю. П. Питецкая.
 Компьютерная верстка — А. Шпринц.
 ISBN 5–94926–001–5

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
 121099, Москва, Шубинский пер., 6.
 Заказ №